

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.С. Пушкина

В.А. Верременко

**Дети в дворянских семьях России
(вторая половина XIX – начало XX в.)**

Монография

Санкт-Петербург
2015

УДК 94(47)«1851/1917»:316.356.2-058«653»-053.2/6
ББК 63.3(2)522/53-284.125

Рецензенты: **Л.Ю. Гусман**, доктор исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения);

И.В. Синова, доктор исторических наук (Санкт-Петербургский государственный экономический университет);

Н.Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор (Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина)

Веретенко В.А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.): моногр. / В.А. Веретенко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 204 с.

ISBN 978-5-8290-

В монографии исследуется история детства дворян в России второй половины XIX – начала XX в. как особого социокультурного феномена, испытывавшего на себе влияние многочисленных факторов, вызванных к жизни эпохой буржуазной модернизации страны. На основании большого круга источников, в том числе архивных документов, и использования современной литературы раскрываются изменения, произошедшие в повседневной жизни детей в различные периоды их жизни – от рождения до совершеннолетия и вступления в брак.

Предназначена для историков-исследователей, преподавателей и студентов учебных заведений, для всех, кто интересуется социальной историей России второй половины XIX – начала XX в.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ленинградского государственного университета
им. А. С. Пушкина*

ISBN 978-5-8290-

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
им. А. С. Пушкина, 2015
© Веретенко В.А., 2015

Оглавление

Введение. В поисках детства.....	4
ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ	18
Определение «законности» дворянских детей	19
Подданство дворянских детей.....	21
Фамилия и отчество законных детей дворян	27
Сословное положение законных дворянских детей.....	29
Незаконнорожденные	36
Узаконение и усыновление детей дворянами	47
ГЛАВА II. ОТКРЫТИЕ ДЕТСТВА.....	72
В ожидании... ..	73
Уход за младенцами.....	83
Дворянские дети дошкольного возраста.....	105
ГЛАВА III. СЕМЬЯ И ШКОЛА.....	120
Куда пойти учиться?	121
Дела и заботы школьного возраста.....	135
ГЛАВА IV. ВЗРОСЛЫЕ ДЕТИ	151
«Женьба не гоньба – поспеешь», или о брачном возрасте	152
Брачные формальности	154
Родительское благословение... родительского выбора	157
О браках свободных и браках фиктивных	162
Брак по любви и самостоятельному выбору	168
Заключение	184
Источники и литература.....	189

Введение. В поисках детства...

В. Максимов «Мечты о будущем»

История, с самого своего зарождения в качестве самостоятельной области знания, была преимущественно историей мужчин. Женские судьбы, да и то лишь выдающихся особ, долгое время проявлялись в ней мельком. Детям и вовсе не доставалось даже такого выборочного внимания со стороны исследователей. Иначе и быть не могло в ситуации, когда историков интересовала преимущественно публичная сфера и те *великие свершения*, которые происходили в строительстве государства и в укреплении политической власти, в военных и международных делах, в развитии экономики и пр. Напротив, частная сфера, в которую оказались вытесненными женщины, и в которой они реализовывали себя в качестве домашних хозяек и матерей, оставалась, в лучшем случае, на задворках исторических исследований.

С 30–40-х гг. XX столетия на Западе, а в 70–80-е гг. и в России, исследовательское поле ученых, состоящих под покровительством музыки Клио, существенным образом расширилось благодаря усилиям «социальных историков». Их главная заслуга состоит в том, что они сфокусировали внимание на простом человеке с его совершенно будничными и, разумеется, *невеликими свершениями*, которые и составляют ту подлинную (и, в этом смысле, объективную) историю жизни людей и народов.

Социальная история, разрабатываемая как зарубежными, так и отечественными учеными, способствовала выявлению и презентации социального опыта женщин в различных сферах их деятельности (в семейной жизни, в науке, в образовании, на производстве и пр.), активизировала интерес к истории быта и к практикам повседневной жизни, к сочетанию в них общественного и частного, рационального и иррационального, традиций и инноваций¹. Особое место в исследованиях по социальной истории занимает семья, представляющая собой пространство, где, по словам Л.П. Репиной,

¹ Kelly J. Women, History and Theory. Chicago, 1984; Roberts E.A. Woman's Place: an Oral History of Working Class Women, 1890–1940. Oxford, 1984; Wood E. The baba and comrade: gender and politics in revolution Russia. Indiana university press, 1997; O'Reilly A. From Motherhood to Mothering. New York, 2004; Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002; Она же. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2008; Она же. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3–16, и др.

«перекрещиваются и воздействуют друг на друга приватная и публичная сферы жизни», место «координации и взаимного регулирования репродуктивной и других форм человеческой деятельности»¹.

Глубина и масштабность проводимых исследований в сочетании с методологическим плюрализмом превратили социальную историю в сложное научное явление, о котором в последние годы принято говорить в собирательном значении. Один из крупнейших специалистов в этой области, Н.Л. Пушкарёва, увидела в современном состоянии историографии социальной истории не просто совокупность отдельных позиций и направлений, но и очевидный «парадокс»: «...мы накапливаем всё больше знаний о различных сторонах социальной жизни России в разные времена и эпохи, но это знание, становясь все более и более фрагментированным, с трудом может быть уже уложено в какую-либо строгую схему или концепт»².

Если для женской истории, для гендерной истории и для других направлений в рамках социальной истории это вполне справедливо, то в отношении истории детей и феномена детства – едва ли применимо. В то время как в зарубежной историографии история детства является динамично развивающимся направлением³, в России происходит пока еще лишь приращение и научное оформление этого нового исследовательского пространства. Находясь в процессе формирования собственной источниковой базы, в поиске фактических данных и теоретико-методологических рецепций, история детства в нашей стране еще пока никак не может «похвастаться» ни большим объемом собранных фактов, ни обилием объясняющих их теорий...

¹ Репина Л.П. От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 19. Специальный выпуск: Индивид, общество, власть в контексте гендерной истории. М., 2007. С. 11.

² Социальная история: ежегодник. 2011 / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва. СПб., 2012. С. 5.

³ The History of Childhood / ed. L. De Mause. New York, 1974; Okenfuss M. The discovery of Childhood in Russia: the evidence of Slavic primer. Newtowneville, 1980; Ransel D. Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988; Мид М. Культура и мир детства: Избр. произведения. М., 1988; Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999; Гансон Н. Детская смертность и государственная политика в СССР в годы послевоенного голода // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 17. М., 2006.

Сказанное, конечно же, не означает полного отсутствия исследовательской рефлексии по данной проблеме и прорывных научных работ, как ее непосредственного и зримого результата.

В СССР история детства не имела самостоятельного научного статуса. Ее отдельные аспекты рассматривались преимущественно в работах, посвященных функционированию системы школьного образования в дореволюционной России¹, в психолого-педагогических и этнопедагогических² трудах, а также в юридической литературе³. В 1980-х гг. возобновились прерванные за полвека до этого этнографические исследования, в значительной мере способствовавшие разработке вопросов культурно-бытовых особенностей жизни детей⁴.

Неоценимый вклад в разработку проблем социализации детей и подростков внес российский социолог И.С. Кон, пожалуй, одним из первых в отечественной науке начавший осмысливать «мир детства» в качестве своеобразного, исторически и социокультурно обусловленного феномена⁵. Вспомним одну простую, но крайне важную в методологическом отношении мысль, неоднократно высказываемую Игорем Семеновичем. Ученый призывал своих коллег сосредоточиться на изучении не «детства вообще», а «повседневной жизни девочек и мальчиков»⁶. Применительно к периоду Российской импе-

¹ Смирнов В.З. О мерах поддержания дисциплины учащихся гимназий и прогимназий // Советская педагогика. 1946. № 8–9. С. 7–10; Константинов Н.А. Очерки истории средней школы (гимназии, реальные училища) в конце XIX в. до Февральской революции 1917 г. М., 1947; Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. М., 1950; Ососков А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). М., 1982. Историографический обзор трудов советских ученых по истории школы и педагогической мысли России см.: Днепров Э.Д. Советская историография дореволюционной отечественной школы и педагогики (1918–1977). М., 1981.

² Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1969; Волков Г.Н. Этнопедагогика. Чебоксары, 1978.

³ Гессен В.Ю. История законодательства о труде рабочей молодежи в России. Л., 1927; Гербеев Ю.В. Исправительные учреждения для несовершеннолетних правонарушителей (Ист.-патол. исследование). М., 1969.

⁴ Осорина М.В. О некоторых традиционных формах коммуникативного поведения детей // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 47–64; Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.

⁵ Кон И.С. Ребенок и общество (Историко-этнографическая перспектива). М., 1988; Он же. Детство как социальный феномен // Журн. исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 151–174.

⁶ Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журн. исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 161; Он же. Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // Вестн. Рос. гос. гуманитарного ун-та. 2010. № 15. С. 16.

рии второй половины XIX – начала XX вв. следует добавить к этому, безусловно, верному положению и еще одно – исследуя жизнь детей, необходимо учитывать не только половозрастные различия, но и в целом особенности социокультурной стратификации российского общества, находившегося в процессе модернизации различных сфер жизнедеятельности. Это требует от исследователя не только различать повседневность девочек и мальчиков из различных социальных групп и слоев тогдашнего общества, но и стремиться к анализу различных проявлений детства в пределах одной и той же социальной группы.

Данная книга – о детях российских дворян, причем «за скобками» исследования останутся две полярные, узкие по своему составу группы: с одной стороны, аристократическая прослойка, а с другой – дворяне, подвергшиеся маргинализации под воздействием развития буржуазных отношений, и, по сути, утратившие связь со своей социальной средой¹. Можно сказать, что речь пойдет главным образом об имеющей детей «типичной» дворянско-интеллигентной семье второй половины XIX – начала XX вв., хотя, следуя общепринятым принципам исторического анализа, автор не намерен игнорировать и то исключительное, редкое, что можно обнаружить, исследуя детство российского дворянства.

Не считая раздела, посвященного анализу правового положения детей, во всех остальных случаях довольно значительная группа незаконнорожденных (внебрачных) дворянских детей мною не рассматривается. Многие из них теряли связь с родителями (родителем) и оказывались, по сути, выброшенными за пределы сословия, другие, оставаясь в семье родителей, вели жизнь, схожую с жизнью законных, и подчас (по крайней мере, до достижения подросткового возраста) даже не подозревали о своем «особом» статусе².

¹ Об этих социальных процессах см.: Верременко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX–XX вв. Сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Кочетков. СПб., 2001. С. 55–63.

² К анализу положения незаконнорожденных (внебрачных) детей я уже обращалась в специальном разделе одной из монографий и в ряде статей. См.: Верременко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2009. С. 526–612; Верременко В.А. «Дело невозможное и несогласное с нравственностью» (об узаконении и усыновлении детей дворянами в России во второй половине XIX – начале XX вв.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2005. № 9. С. 64–118; Верременко В.А. Из истории дворянского узаконения // Вестн. Ле-

Междисциплинарный характер истории детства приводит к тому, что различные аспекты этой общей проблемы, а также более узких («микроисторических», по терминологии И.В. Синовой¹) направлений в настоящее время исследуются не только историками, но и правоведами, психологами, социологами и другими представителями социогуманитарного знания. Наличие нескольких профессионально выполненных обзоров значительного комплекса этой литературы² позволяет лишь кратко обозначить основные достижения и оценить перспективы научной разработки проблем детства дворян в России второй половины XIX – начала XX вв. на современном этапе развития исторической науки.

О жизни и деятельности молодого поколения дворян много и плодотворно пишут авторы, исследующие особенности функционирования системы начального и среднего образования в России, в том числе профессионального³. Специфика реализуемых ими задач

нингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер. История. 2009. № 1. С. 52–63; Веремenco В.А. Проблемы внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX века // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремenco. СПб., 2014. С. 157–164.

¹ Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб., 2014. С. 15.

² Мицюк Н.А. История материнства в России на страницах зарубежной (англоязычной) историографии // Журн. социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 4 (75). С. 162–177; Пушкарева Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе. 2000. № 1. С. 9–24; Слепенкова Е.А. Из истории женского среднего образования в России // Педагогика. 2000. № 9. С. 74–78; Сальникова А.А. Российское детство в XX веке. История, теория и практика исследования. Казань, 2007; Фролова И.В. Призрение детей и подростков в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: обзор постсоветской историографии // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Т. 4. История. 2013. № 3. С. 83–91.

³ Абрамов Е.П. История Александровского кадетского корпуса для малолетних в Царском Селе. СПб., 2012; Анненкова Э.А. Императорское училище правоведения // Пространство и время. 2013. № 1. С. 216–222; Беленцов С.И. Педагогические факторы общественной нестабильности и юношеского радикализма в России во второй половине XIX – начале XX веков. Курск, 2005; Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М., 2007; Кузнецов В.Д. Деятельность русской православной церкви по религиозному воспитанию учащихся классических гимназий и военно-учебных заведений накануне первой русской революции // Клио. 2011. № 5. С. 65–71; Мицюк

приводит к тому, что дети рассматриваются преимущественно как субъекты воспитательно-образовательного процесса, испытывавшие на себе опосредованное влияние государственных мероприятий в области народного просвещения, либо непосредственное влияние со стороны учителей и школьной администрации. Разумеется, не следует пренебрегать исследованием этих вопросов, но «сверхзадача» ученого состоит всё же в том, чтобы попытаться за строгими рамками социальных институтов разглядеть внутренний мир ребенка, раскрыть специфику его мировосприятия и деятельности, соотнести нормирующие усилия взрослых и отражение этих усилий в повседневной жизни детей.

Появившийся в последние годы комплекс публикаций, посвященных вопросам правового регулирования семейных отношений¹, а также различным отклонениям от общепринятых норм рассматриваемой эпохи в поведении детей, привел к формированию особого направления в социальной истории – детской девиантологии. В исследовании норм и аномалий детской повседневности преуспели как специалисты, исследующие историю жизни детей из семей трудящегося населения (фабрично-заводских рабочих, ремесленников и крестьян)², так и те, кто изучает группы, стоявшие выше на соци-

Н.А. «Образование не для одной только гостиной». Феномен провинциальных женских пансионов // Женщина в российском обществе. 2012. № 2. С. 3–10; Поликутина Н.В. Взаимодействие семьи и школы как общественно-политический феномен в России второй половины XIX – начала XX вв. СПб., 2009; Рыболова Е.А. История женских гимназий России во второй половине XIX – начале XX века: (По материалам Моск. учеб. округа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Самарцева Е.Ю. Привилегированные образовательные учреждения Смоленской губернии XIX – начала XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 2. С. 108–114; Тарова И.Н. Становление и развитие системы эстетического воспитания в отечественных лицеях XIX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2004 и др.

¹ Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006; Нижник Н.С., Бурданова Н.А. Личные неимущественные родительские права и обязанности: направления эволюции института в российской правовой системе в IX–XX веках // Вестн. Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(62). С. 236–242.

² Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2012; Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2012. С. 230–264; Синова И.В. Дети трудящегося населения в городском российском социуме в 1861–1914 гг.: проблемы девиантности и виктимизации (на материалах Санкт-Петербурга): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014.

альной лестнице¹. Впрочем, нельзя не заметить, что общее количество исследований в рамках указанного направления пока еще невелико.

Значительно больший и заметно возросший за последние годы интерес историков вызывают проблемы социального сопровождения («призрения») детей, в том числе дворянского сословия, оказавшихся в трудных или даже кризисных жизненных ситуациях. Спектр рассматриваемых вопросов довольно широк: изменение законодательства в сфере благотворительности в России², практическая деятельность благотворительных обществ по организации призрения незаконнорожденных детей³, сирот⁴, детей неправославного исповедания⁵, детей-преступников⁶.

Значительный интерес в последние годы вызывают проблемы материнства и ухода за маленькими детьми⁷, вопросы духовно-

¹ Лярский А.Б. Самоубийства учащихся как феномен социализации в России на рубеже XIX–XX веков / под ред. С.Э. Никулина; предисл. Н.Б. Лебиной. СПб., 2010.

² Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX вв.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17–32.

³ Зайцева С.В. Деятельность государства и общества в области организации призрения незаконнорожденных детей в России во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Санкт-Петербургской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

⁴ Беляков В.В. Сиротские детские учреждения России: исторический очерк. М., 1993; Нечаева А.М. Охрана детей-сирот в России: история и современность. М., 1994; Мишутинская О.В. Исторический опыт призрения детей-сирот в России // Ист. гос-ва и права. 2006. № 4. С. 13–15.

⁵ Фролова И.В. Особенности призрения девочек католического вероисповедания в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 окт. 2014 г., г. Рязань / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, О.Д. Попова. Т. 1. М., 2014. С. 475–478.

⁶ Касиев А.У. Особенности и пути деятельности общественных и других организаций по предупреждению и борьбе с детской преступностью, беспризорностью и безнадзорностью в пореформенный период // История государства и права. 2003. № 3. С. 44–47; Шевнина Л.В. Патронат над преступными детьми в России в конце XIX – начале XX вв. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Т. 4. 2010. № 2. С. 152–162; Она же. Исправительно-воспитательный приют для девочек имени императора Александра III // Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII – начале XXI вв.: материалы Всерос. науч. конф., 27–29 ноября 2012 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И.А. Тропов. СПб., 2012. С. 122–128.

⁷ Веретенко В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. История. № 3. С. 18–31; Мицюк Н.А. Конструируя

нравственного воспитания в дворянских семьях России¹ и обучения юных дворянок основам домашней хозяйственной деятельности².

Особенности социально-психологического и материального положения детей в условиях военной повседневности подробно рассмотрены П.П. Щербининым³. Обращение к данной теме имеет большое значение для понимания происходивших в стране трансформаций в различных сферах жизни общества, во многом определивших специфику массового сознания и повседневной жизни не только в годы войны, но и в послевоенный период. П.П. Щербининым был также впервые поставлен и рассмотрен вопрос о методологии и источниковой базе реконструкции военного опыта и практик поведения детей в условиях Первой мировой войны⁴.

«идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX в. // Журн. исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 1. С. 21–32; Она же. Тандем «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX–XX вв. // Женщины в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 90–104; Синова И.В. Материнство на рубеже XIX–XX веков // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы Междунар. науч. конф., 14–16 марта 2012 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Вереме́нко. СПб., 2012. С. 126–131.

¹ Вереме́нко В.А. Религиозное воспитание детей в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. // Петерб. ист. журн. 2015. № 2. С. 100–116; Володина Л.О. Ценностные ориентации дворянской семьи конца XIX – начала XX века в сфере духовно-нравственного воспитания детей (на материалах Вологодской губернии) // Дети и молодежь – будущее России. 2004. № 1(1). С. 257–263; Мартианова И.Ю. Место национального самосознания в повседневной жизни детей российских дворян по воспоминаниям XIX – начала XX вв. // Изв. Рос. гос. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 114. С. 59–65; Смахтина М.В. Русское поместное дворянство в XIX в.: эволюция этических норм, представлений и практики в социальной и экономической сферах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

² Вереме́нко В.А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. История. № 4. С. 62–75.

³ Щербинин П.П. Детская повседневность в европейских государствах в период Первой мировой войны // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века). Сб. ст. М., 2012. С. 197–210; Он же. Повседневная жизнь девочек в России в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Сб. ст. / отв. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М., 2013. С. 117 – 154; Он же. Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. // Вестник Тамбовского государственного университета. 2013. Вып. 9 (125). С. 334–341.

⁴ Щербинин П.П. Источники и методология изучения детской повседневности периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой вой-

Что объединяет перечисленные выше труды историков при всем разнообразии предметной области их исследований? Если позволить себе некоторую образность и «вольность» формулировок, можно сказать так: для того, чтобы обратить на себя внимание будущих исследователей, ребенку позапрошлого века «необходимо» было непременно оказаться в какой-либо крайне сложной, неординарной ситуации! А вот «обычное» детство дворян, впрочем, как и юных представителей других сословий, совершенно будничные проблемы, дела и заботы детей, равно как и такое же будничное влияние на них со стороны кормилец и нянь, матерей и отцов, школы и церкви и других «агентов социализации» – всё это море бушующих вопросов остается в лучшем случае на периферии исторической науки¹.

До тех пор, пока феномен детства дворян второй половины XIX – начала XX вв. остается нераскрытой тайной, трудно всерьез считать, что мы понимаем микроисторические явления и процессы: культуру и быт дворянской семьи, а также характер внутрисемейных связей и выполняемых мужчинами и женщинами ролей. «Выпадающее» из поля зрения исследователей детство существенно обедняет и картину макроистории, о каких бы крупных и значимых социальных институтах и исторических процессах мы ни говорили – о роли государства, школы и церкви в реализации задач воспитания и образования детей и подростков, об особенностях участия молодежи в общественном движении на рубеже XIX–XX столетий, о реформах, войнах, революциях и пр.

Корпус источников, положенный в основу данного исследования, разнообразен. Детство, как и любой социальный институт, в той или иной мере подвергается нормирующему влиянию со стороны государства. Этим обусловлено использование в книге таких традиционных для исторического исследования видов источников, как законодательные акты и делопроизводственные документы.

ны): материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веремченко. СПб., 2014. С. 19–23.

¹ Из немногих работ по данной теме следует выделить: Курант Н.Б. Воспоминания детства в русской дворянской мемуарной культуре конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004; Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. СПб., 2001; Самарцева Е.Ю. Воспитание дворянских детей в элитарных учебных заведениях в России в XIX веке // Альманах современной науки и образования. 2010. № 2. С. 109–110.

Изучение законодательных материалов, помещенных в Полном собрании законов¹ и Своде законов² Российской империи, позволило выявить большое количество документов, определявших статус, права и обязанности детей и родителей. Заметим, что для русского семейного законодательства были характерны, с одной стороны, размытость многих положений, а с другой – наличие значительного количества вопросов, вообще не рассмотренных и не закрепленных в рамках писанного права. В связи с этим важное место среди нормативно-правовых актов занимают разного рода комментарии и разъяснения законов, носившие, как официальный, так и неофициальный характер³. К этой группе примыкают и многочисленные просветительско-публицистические работы второй половины XIX – начала XX вв. по правовым вопросам, касающимся положения детей в России⁴.

Делопроизводственные материалы, привлеченные для анализа изменений, происходивших в положении детей дворян в целом, и для рассмотрения перипетий в судьбах их отдельных представителей, в частности, сохранились в фондах центральных и местных учреждений и ведомств. Частично эти материалы опубликованы⁵, но

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание–2. Т. XV–LV. 1841–1881. СПб., 1856–1884; Собрание–3. 1881–1914. Т. I–XXXIII. СПб., 1885–1916.

² Свод законов Российской империи (Св. Зак.). Т. I–XVI. СПб.–Пг., 1842–1914.

³ См., напр.: Верещагин В. Закон 3 июня 1902 г. об улучшении положения незаконнорожденных детей, с мотивами Государственного совета. СПб., 1907; Гессен И.В. Узаконение, усыновление и внебрачные дети. Пг., 1916; Григоровский С.П. О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах. Сборник церковных и гражданских законов. СПб., 1910; Свод законоположений имперских и областных о законности и внебрачности рождения, узаконении и усыновлении, о взаимных отношениях родителей и детей / сост. П.С. Цыпкин. Пг., 1916.

⁴ Абрамов Я.В. Узаконение внебрачных детей и усыновление. СПб., 1903; Быховский В.В. Личные и имущественные отношения супругов между собой и к детям при раздельном жительстве по новому закону 12 марта 1914 года. М., 1914; Грегори А.В. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодизгнании (По данным Варшавского окружного суда за 20 лет, 1885–1904 гг.). Варшава, 1908; Гуревич И. Родители и дети. СПб., 1896; Лазаревич И. Внимание к детям и матерям. Харьков, 1869; Мартынов Н.К. Узаконение и усыновление детей. СПб., 1902; Мейер Д.И. Русское гражданское право, с исправлениями и дополнениями А.Х. Гольмстена. СПб., 1914; Никонов Б.П. Спор о ребенке. СПб., 1911.

⁵ Решения Гражданского Департамента Правительствующего Сената за 1866–1915 гг. СПб., 1866–1915; Решения Общего собрания кассационных департаментов и Общего собрания Первого и кассационного департаментов Правительствующего Сената. СПб., 1869–1893; Решения Общего собрания

значительная их часть хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб)¹. В исследовании были использованы также делопроизводственные документы, извлеченные из личных фондов частных лиц, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и в Пушкинском доме (ИРЛИ РАН)².

Значительным подспорьем для исследователя являются материалы периодической печати. Специфика исследуемой проблемы заставила обратиться к периодическим изданиям самых разных направлений – юридическим³, церковным⁴, медицинским⁵ и педагогическим⁶. Аудиторией таких журналов были не только специалисты соответствующих отраслей, но и представители/представительницы дворянско-интеллигентной среды, чьи запросы нередко выдвигались издателями на первый план. Важно и то, что подобная пресса не только формировала, но и отражала реальные проблемы «новой» дворянско-интеллигентной среды, в том числе, и в отношении к воспитательным стратегиям и организации жизни детей. Прочие же, не специализированные газеты и журналы⁷, обращались к «детской» тематике в связи с каким-нибудь событием, стимулировавшим читательский интерес. Такие события могли быть самыми разными и, иногда, не вполне очевидными: слухи о готовящейся реформе образовательных учреждений или совершенно реальное обсужде-

Первого и кассационного департаментов Правительствующего Сената. СПб., 1893–1914; Дополнение к сборнику решений Общего Собрания Кассационных и Первого с Кассационными Департаментов Правительствующего Сената за 1896–1900 г. / под ред. А.К. Гаугера. СПб., 1912; Гражданская практика Кассационного Сената за 1892 и 1893 годы. СПб., 1901; Отчет совета С.-Петербургского Фрѣбелевского общества для содействия первоначальному воспитанию за 1911–1912 г. СПб., 1913 и др.

¹ См., напр.: РГИА. Ф. 821 («Департамент духовных дел иностранных исповеданий»); Ф. 1261 («Второе отделение Собственной е.и.в. канцелярии»); Ф. 1412 («Канцелярия по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых»); ЦГИА СПб. Ф. 8 («Петроградский дом защиты детей (Воспитательный дом)»); Ф. 356 («Петербургская судебная палата»); Ф. 536 («Петроградское дворянское депутатское собрание»).

² ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 15 («О.Г. Базанкур-Штейнфельд»), Ф. 445 («Е.С. Зарудная-Кавос»); ОР РНБ. Ф. 208 («А.В. Головнин»); Ф. 744 («В.Я. Стоюнин») и др.

³ Журнал Министерства юстиции; Юридический вестник.

⁴ Церковный вестник.

⁵ Акушерство и гинекология.

⁶ Вестник воспитания; Свободное воспитание.

⁷ См., напр.: Голос; Вестн. Европы; Мир Божий (Современный мир) и др.

ние уже готового законопроекта; громкое судебное дело с участием известных лиц; студенческая акция или случайная встреча автора статьи в поезде с интересным собеседником.

Особое место в исследовании занимают периодические издания и выходившие отдельными книгами рекомендации по домоводству, семейной медицине и кулинарии, дававшие советы родителям и воспитателям по вопросам ухода за детьми и обустройству их быта в разные периоды детства¹.

Огромное значение для характеристики повседневной жизни дворянских детей имеют источники личного происхождения. Материалы дневников, мемуаров, переписки предоставляют нам редкую возможность посмотреть изнутри на жизнь дворянской семьи, причем как с позиции родителей и воспитателей, так и со стороны самих детей. Наибольший интерес представляют дневники, поденные записки, большей частью не предназначенные авторами для публикации и в этом отношении мало подверженные внутренней цензуре. Значительная часть использованных в монографии дневников почерпнута нами из архивов. Среди них хотелось бы особо выделить дневники и записки О.Г. Базанкур², Е.С. Зарудной-Кавос и членов ее семьи³, Е.А. Кравченко и Е.Н. Кравченко (Половцовой)⁴, К.П. Колзакова⁵, А.В. Половцова⁶, О.В. Синакевич (Яфа)⁷ и В.Я. Стоюнина⁸.

Яркую картину организации жизни детей в школе и дома рисуют нам воспоминания⁹. Привлекались в исследовании и материалы

¹ См., напр.: Давыдова Е.С. Уход за ребенком. По соч. проф. С. Бидерта, Гоксингера и др. СПб., 1902; Жук В.Н. Козье молоко для детей и больных. Коза-кормилица. СПб., 1909; Полный практический детский лечебник, с рассуждениями о диететике и физическом воспитании, о влиянии настоящих и прошедших болезней кормилицы на дитя. М., 1860 и др.

² ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 15.

³ ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 445.

⁴ ОР РНБ. Ф. 601.

⁵ ОР РНБ. Ф. 358.

⁶ ОР РНБ. Ф. 601.

⁷ ОР РНБ. Ф. 163.

⁸ ОР РНБ. Ф. 744.

⁹ См., напр.: ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313–325; Там же. Ф. 698. Д. 2–3; Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). СПб., 1911; В училище правоведения. Воспоминания И.А. Тютчева. 1847–1852. СПб., 1885; Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932) / пер. с англ. Т.И. Голицыной, О.А. Несмеяновой. М., 2009; Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. М., 2001; Лебедев Д.Н. Пройденное: воспоминания. Л., 1980 и др.

личной переписки¹, дающей представление о характере взаимоотношений между членами семьи, а также предоставляющие фактический материал о поисках школы и учителей, популярных рекомендациях по воспитанию и уходу за детьми и пр.

В работе нашлось место также для произведений детской и юношеской литературы, использование которых в качестве исторического источника способствует формированию «объемного» изображения повседневной жизни людей разного возраста и в разных условиях быта².

Как видим, исследование обеспечено большим количеством многообразных источников – законодательных, делопроизводственных, статистических материалов, периодических изданий, а также источников личного происхождения, которые в комплексе предоставляют возможность с достаточной полнотой представить особенности жизни дворянских детей разных возрастов в дворянско-интеллигентных семьях России второй половины XIX – начала XX вв.

Выражаю глубокую признательность сотрудникам государственных архивов и Российской национальной библиотеки за оказанное ими содействие в поиске исторических документов и научной литературы по теме исследования. Я признательна всем, кто содействовал выходу этой книги в свет. Отдельные слова благодарности – доктору исторических наук И.А. Тропову за помощь и поддержку в работе над книгой.

¹ См., напр.: ОР РНБ. Ф. 294. Д. 26–29; Там же. Ф. 744. Д. 112–113; Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1886–1889). М., 1988; Львова (Симонович) М.А. Хочу умереть в России: воспоминания, дневники, переписка. М., 2010.

² См., напр.: Грузинский А. Ёлка (история разбитого сердца) // Семья. 1893. № 7. С. 6–7; Луговой А. Как росла моя вера // Вестн. Европы. 1909. Кн. 3–5; Чарская Л.А. Ради семьи: повесть для юношества. М., 1914.

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ

В. Маковский «В жаркий день»

Определение «законности» дворянских детей

Правовое положение детей в Российской империи определялось тем, родился ли ребенок «от известных отца и матери, состоящих в законном браке»¹ или нет. В первом случае дети признавались законными, а во втором – незаконнорожденными. Социально-правовой статус тех и других был совершенно различным.

Для того чтобы ребенок считался законным, российское дореволюционное законодательство не требовало, чтобы и зачатие, и рождение ребенка обязательно произошли в супружестве². Если, допустим, беременная женщина выходила замуж, то ее ребенок, зачатый до брака, признавался рожденным от мужа. Правда, в том случае, когда младенец рождался ранее 180 дней со времени оформления супружества, муж матери мог потребовать через суд признания ребенка незаконным без предъявления каких-либо доказательств. Одни юристы толковали данное положение в том плане, что от отца требовалось лишь заявление о непризнании ребенка законным. Другие говорили о возбуждении дела, в котором ответная сторона должна была доказать факт наличия добрачной половой близости между будущими супругами³. Официально данный иск не ограничивался никаким сроком, но все возможности по его выдвижению терялись, если было известно, что отец до подачи заявления в суд не отрицал законности рождения ребенка, заботился о его воспитании и содержании и признавал за ним право на свою фамилию⁴.

Соответственно действовало и обратное правило: ребенок, зачатый в законном браке, признавался законным и в том случае, если его рождение приходилось на время, когда супружества уже не было. При возникновении коллизии между этими двумя положениями действовало исключительно первое, даже если это в какой-то мере

¹ Гуревич И. Родители и дети. СПб., 1896. С. 99.

² Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы Гражданские. Ст. 119.

³ Синайский В.И. Русское гражданское право. Вып. 2. Киев, 1915. С. 310–311.

⁴ Мейер Д.И. Русское гражданское право, с исправлениями и дополнениями А.Х. Гольмстена. СПб., 1914. С. 52.

ущемляло интересы и выгоды ребенка. Так, в одной из юридических статей конца XIX в. содержался пример того, как благодаря «буквальному толкованию неудачной редакции» правовых норм ребенок лишился не только имущественных прав, но и дворянского звания и титула. Некая баронесса А. после смерти своего супруга вышла замуж за его лакея. Рожденный через 13 дней после брака младенец был записан в качестве законного ребенка молодоженов, несмотря на то, что лакей поступил на службу к покойному, когда женщина уже была беременна и что барон за несколько лет до своей смерти составил завещание, по которому его имущество переходило к жене, если у них не будет детей¹.

Суды из высоких соображений «общественной нравственности» и с целью поддержания института семьи, как правило, не считали возможным лишать ребенка статуса законнорожденного, какие бы преимущества ни приносил ему отказ от него. В этом плане особый интерес представляет дело, исследовавшееся Сенатом в 1901 г. Симеон, Николай и Анна Р. были рождены, когда их мать находилась в законном браке с Александром Р., и поэтому были записаны законными детьми. Впоследствии брак родителей был расторгнут в связи с безвестным отсутствием Александра, и мать вышла замуж за князя Павла Е. В новых условиях от имени малолетних был подан иск ко всем старшим членам семьи с целью признания детей произошедшими от «прелюбодейной связи» их матери с князем. Статус незаконных был необходим детям для того, чтобы начать процедуру их узаконения и приобрести права на княжеское звание, фамилию и наследство Павла Е. Личные, да и материальные выгоды, получаемые детьми в их новом положении, были совершенно очевидны. Тем не менее, и Санкт-Петербургская судебная палата, и Сенат категорически отвергли саму возможность признания незаконными детей помимо доказанного иска их официального отца или, в крайнем случае, его других, помимо детей, законных наследников. При этом сенаторы особо обратили внимание на то, что «предположение о законности зачатого или рожденного во время брака ребенка закон установил и поддерживает в интересах не материального, а общественного свойства, в интересах охранения святости и

¹ Змирлов К.П. О судопроизводстве по делам брачным // Журн. Министерства юстиции. 1898. № 2. С. 57–59.

неприкосновенности семейного союза, составляющего основу общественного и государственного союза»¹.

Если доказательство незаконности собственного рождения было для человека недоступно, то, напротив, доказывать законность рождения любое заинтересованное лицо могло, не ограничиваясь никаким сроком давности². В этом плане интересен случай из судебной практики московского окружного суда 60-х гг. XIX в. Александр Заботин, воспитывавшийся с четырех лет в московском ремесленном училище, считался незаконнорожденным сыном помещика, отставного генерал-майора Степана Ширая и, соответственно, был лишен прав на имя, звание и наследство последнего. Однако, предоставив необходимые свидетельства, А. Заботин смог доказать, что его положение было вызвано лишь личной неприязнью (и даже нескрываемой ненавистью) его отца к матери, а не являлось следствием прелюбодейной связи или какой-либо другой причины. После прохождения многочисленных судебных инстанций, вплоть до Сената, дело о признании А. Заботина законным сыном С. Ширая было решено в пользу первого³.

Факт рождения ребенка в законном браке от того или иного лица определял многочисленные личные и имущественные права родившегося: его подданство, фамилию, состояние (сословие), права на получение пенсий и пособий, участие в наследовании и т. д.

Подданство дворянских детей

Законные дети дворян, находившихся в русском подданстве, автоматически становились подданными России. В отношении определения подданства детей иностранцев, связавших свою жизнь с Россией, дело обстояло сложнее. В стране действовало несколько правил, различавшихся в зависимости от того положения, которое занимали их родители, а также от возраста и сферы деятельности самих детей. Так как принятие подданства рассматривалось в российском законодательстве как дело исключительно личное, то дети иностранца, вступившего в российское подданство, продолжали

¹ Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1901 год. СПб., 1901. № 4.

² Св. Зак. Т. XVI. Ч. 1. Устав Гражданского судопроизводства. СПб., 1892. Ст. 1347.

³ Судебная практика // Журн. Министерства Юстиции. 1861. № 9. С. 89–166.

считаться иностранцами. Статус российского подданного получали лишь те дети, которые родились в данной семье уже после изменения положения ее главы. Если при приеме отца его дети уже достигли 20-летнего возраста, то они могли подавать прошение одновременно с родителями или в течение года после них. Правда, в данном случае они должны были собрать практически тот же пакет документов, что и старшие члены семьи, за исключением лишь свидетельства о «водворении». Таким образом, в семье у одних и тех же родителей могли расти дети как российского, так и иностранного подданства. Несколько смягчало это противоречие облегченное условие приема в российское подданство для достигших совершеннолетия детей бывших иностранцев.

Дети русских подданных, сами являвшиеся иностранцами, имели возможность по достижении своего совершеннолетия в течение года подать прошение об изменении подданства. Вопрос о разрешении им производства присяги рассматривался местным губернским правлением, которое одновременно выносило постановление о приписке их к тому или иному непривилегированному сословию. Аналогичная льгота распространялась еще на две категории иностранцев: детей русских женщин, вышедших замуж за иностранцев, но по окончании брака вернувшихся вместе с детьми на родину, и на детей иностранцев, не состоявших в русском подданстве, но родившихся и воспитанных в России или, хотя и рожденных за границей, но окончивших русские учебные заведения¹.

В особом положении находились дети иностранцев, родившихся в России и получивших здесь образование, дававшее право поступать на государственную службу. Им предоставлялась возможность получить соответствующее место без принятия подданства, после чего они сразу начинали «почитаться наравне с природными подданными»².

В этой связи для дворян, родителей и родственников ребенка-иностранца, заботящихся о его карьере в России и не желавших ознаменовывать его совершеннолетие записью в мещанское сословие, принципиальной становилась задача заранее определить молодого человека в привилегированное учебное заведение. Преимущество отдавалось элитным школам, таким как Александровский и Демидовский лицеи и Училище правоведения, так как к

¹ Св. Зак. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1899. Ст. 841, 850–851, 854.

² Там же. Ст. 825, 850.

моменту достижения юношами совершеннолетия срок обучения в них, как правило, уже заканчивался, и выпускнику предоставлялось право заниматься государственной службой.

Однако, согласно уставам данных учебных заведений, поступать в них могли лишь дети российских потомственных дворян, при этом записанных в строго определенные части родословной книги: шестую (древние благородные дворянские роды) или пятую (отмеченные титулами роды) и лишь в особых случаях в третью (дворянство по чинам, полученным в службе гражданской, и по орденам)¹.

Решить данную проблему родители и родственники детей-иностранцев могли, обратившись с особым прошением на имя императора и предварительно заручившись согласием руководства учебного заведения. Так, в 1865 г. «высочайшее» разрешение на обучение в Училище правоведения своего внука, 11-летнего австрийского подданного Иосифа де-Кока, получил тайный советник О. Пржецлавский. Его дочь после официального разлучения с мужем, австрийским дворянином, вернулась на родину с детьми. Сама женщина достаточно быстро оформила возвращение в русское подданство, дети же так и сохранили статус австрийских дворян и являлись в России иностранцами. Отвергая саму возможность того, что при получении русского подданства «чистокровные дворяне» окажутся приписанными к какому-либо непривилегированному сословию, мать и дед постарались своевременно позаботиться о сохранении статуса детей².

Похожими соображениями руководствовались многие дворяне, имевшие родственников-иностранцев, дети которых постоянно проживали в России. Правда, далеко не все они могли рассчитывать на то, что их проблемы заинтересуют главу государства, а большинство просто и не подозревало о возможности выхлопотать своим детям поступление в привилегированное учебное заведение благодаря получению «высочайшего соизволения». Недаром процент таких учащихся-иностранцев, получавших образование в наиболее престижных школах страны, был крайней низок. Например, в списочном составе того же Училища правоведения с 1863 по 1884 г. значилось лишь четверо иностранцев, хотя ежегодный прием в эти

¹ Сборник законов о российском дворянстве / сост. Г. Блосфельдт. СПб., 1901. С. 324–326.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1412. Оп. 252. Д. 794. Л. 22–23.

годы составлял от 40 до 60 чел. Получается, что иностранцы составляли в Училище правоведения около 0,3% учащихся¹.

В связи с тем, что поступление в привилегированные школы было крайне затруднено, в конце XIX в. среди дворян широко распространился способ наделения детей-иностранцев правом на государственную службу в результате помещения их в общие высшие учебные заведения. Данная схема имела определенный недостаток: студенты заканчивали обучение и получали диплом не ранее 23–25 лет, т. е. после достижения молодым человеком совершеннолетия, оформления русского подданства и приписки к непривилегированному обществу. Однако на деле такая приписка мало что меняла в жизни студента, к тому же побыть в сословии мещан ему приходилось недолго, примерно 2–4 года. Зато важным плюсом было то, что во многих ведомственных высших учебных заведениях для иностранцев существовали значительные льготы. Например, в Горный институт Екатерины II они принимались без экзаменов, независимо от объема полученного среднего образования, вне конкурса и сверх комплекта. Несправедливость ситуации, дававшей детям иностранцев, часто воспитывавшимся за границей, гигантские преимущества перед собственным населением, была замечена руководством страны лишь в 1909 г. С этого времени, благодаря инициативе Министерства торговли и промышленности иностранцы могли по прежним правилам поступать в вузы и даже получать свидетельства об их окончании, но им не предоставлялись права и преимущества, связанные с приобретением диплома, в том числе и права привилегированного сословия, в случае их перехода в русское подданство².

Если же родители или дворяне-родственники вовремя не пристраивали детей-иностранцев в соответствующее учебное заведение, то оставалась еще одна возможность выхлопотать право на получение русского подданства, без одновременной приписки в мещанское сословие – у главы государства. Подобное случалось крайне редко и связывалось с какими-либо чрезвычайными обстоятельствами или особыми заслугами просителей или их семейств. В 1889 г. к Александру III обратился 21-летний болгарский подданный Николай Панайотов Стайчев. В своем прошении он сообщил, что,

¹ Подсчитано по: Конюченко Т. Статистические сведения о личном составе, воспитанниках и хозяйственной части Императорского Училища правоведения за 50 лет его существования. СПб., 1886. С. 82–84.

² РГИА. Ф. 1412. Оп. 15. Д. 533. Л. 3–16.

«оставшись малолетним ребенком после своего отца, зверски убитого турками во время Русско-турецкой войны 1877–78 гг. за сочувствие к Русским пленным», он был принят на воспитание генерал-майором Н. Скородумовым. Вместе с ним по окончании войны мальчик приехал в Россию. Воспитатель собирался за неимением собственных детей обратиться за разрешением об усыновлении, но свое намерение осуществить не успел, так как вскоре по приезде в Россию умер. Обратив внимание на эти обстоятельства и на то, что отец его, Стайчева, занимал в Болгарии весьма видное общественное положение, а он по вступлении в русское подданство вынужден был бы приписаться к одному из податных сословий, Н. Стайчев просил императора в случае положительного решения предоставить ему те права поступления на государственную службу, какими бы он мог воспользоваться в том случае, если бы «ходатайство покойного благодетеля его было уважено». После тщательного изучения дела, подтвердившего изложенные факты, ходатайство Н. Стайчева было удовлетворено. Помимо этого Александр III поручил выяснить, не остались ли у генерала родственники, чтобы получить у них разрешение на передачу молодому человеку фамилии Скородумов¹.

Определенные возможности повышения социального положения тех своих совершеннолетних детей, которые уже стали русскими подданными на основании норм закона (опять-таки в путях «монаршего милосердия»), существовали для иностранцев, принявших русское подданство и дослужившихся до чинов, предоставлявших права дворянского сословия, а также для русских дворянок, вышедших замуж за иностранцев.

Родитель – бывший иностранец мог рассчитывать на удовлетворение своей просьбы, если в период нахождения в русском подданстве у него не родились дети, которые изначально считались русскими, а потому и наследовали его сословный статус. Такой принцип впервые был выработан Комитетом министров в 1865 г. при исследовании дела П. Друэна. Этот француз в 1849 г. был принят в российское подданство с правом преподавательской деятельности. Благодаря многолетней безупречной службе он смог дослужиться до звания надворного советника и получил права личного дворянства. После вступления в русское подданство у него

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 880. Л. 413–414.

больше не было детей, а единственный сын, Казимир, родился в 1841 г. и поэтому считался иностранцем. В 1863 г. он принял российское подданство, в соответствии с законом был приписан к мещанскому сословию и, следовательно, не имел прав государственной службы. Таким образом, теоретически, отец как личный дворянин мог передать своим детям, рожденным в русском подданстве, права почетного гражданства и возможность заниматься государственной службой, но практически на его сына это правило не распространялось. После длительного обсуждения данного вопроса в различных ведомствах было принято решение о том, что при подаче специальных ходатайств отцы, ставшие русскими подданными, могут претендовать на особые привилегии для своих детей из иностранцев, если нет детей, родившихся у них при нахождении в русском подданстве¹.

Схожие возможности по расширению сословных прав своих детей имели русские дворянки, жены и вдовы иностранцев, правда, речь шла об обладательницах знатных титулов или о женщинах, имевших высоких покровителей. В 1895 г. к Николаю II обратилась вдова бывшего артиста Императорских театров, итальянского подданного Фердинанда Мео, Надежда Мео, урожденная княжна Гагарина. Она сообщила, что все ее дети по достижении совершеннолетия приняли русское подданство и были приписаны к мещанскому сословию. Последнее обстоятельство мешало им поступить на государственную службу и ограничивало их служебный рост. Исходя из этого, Н. Мео просила даровать ее взрослым детям – Анатолию, Георгию и Ольге – права личного почетного гражданства. Интересно, что у просительницы была еще дочь Юлия, но вопрос о ее социальном статусе не поднимался, т.к. она была замужем и принадлежала к сословию мужа. Без выяснения каких-либо особых обстоятельств и исключительно из уважения к древнему роду, к которому принадлежала женщина, просьба ее была незамедлительно удовлетворена². Однако спустя восемь лет, при том же императоре аналогичное ходатайство куда менее знатной провинциальной дворянки было отклонено даже без уведомления главы государства³.

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 794. Л. 216–217 об.

² Там же. Д. 904. Л. 260–262.

³ Там же. Оп. 16. Д. 181.

Фамилия и отчество законных детей дворян

По вопросу о том, как в России должен именоваться законный ребенок, во второй половине XIX – начале XX вв. существовало совершенно определенное положение лишь в нормах Царства Польского: «Дети носят фамилию отца»¹. Все остальные (как прочие областные, так и общеимперское) законодательства, судя по всему, считали данное положение до того очевидным, что даже не видели необходимости его специально формально закреплять.

Так как в законе отсутствовала положительная формула ответа на данный вопрос, то юристы обычно выводили требование о том, что законнорожденные дети должны носить фамилию отца, исходя из отрицательного определения ст. 136 Законов Гражданских, согласно которой незаконнорожденные не имели права пользоваться фамилией своих родителей².

Несмотря на то, что закона об обязательности ношения фамилии отца вроде бы не существовало, поменять родовое имя в тогдашней России было крайне сложно. Смена фамилии допускалась только по специальному царскому разрешению, получить которое можно было, лишь обратившись на имя императора через особую Комиссию-Канцелярию прошений³.

Наиболее частыми у дворян были прошения о передаче родовой фамилии, герба и титула от последнего их носителя его ближайшему законнорожденному родственнику. До 1863 г. в законе не существовало каких-либо четких правил для передачи дворянской фамилии. Решение зависело от позиции императора, а также от избранного заинтересованным лицом способа подачи ходатайства: если прошение передавалось главе государства не лично в руки, а посредством какой-либо инстанции, то оно могло быть задержано или сопровождено некими комментариями, далеко не всегда благоприятными для просителя.

¹ Гражданское уложение 1825 г. // Сборник гражданских законов и постановлений, действующих в губерниях: Варшавской, Калишской, Келецкой, Ламжинской, Люблинской, Петроковской. Плоцкой, Радомской, Сувалкской и Седлецкой. Т. 1. Варшава, 1869. Ст. 236.

² Проект Высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения с объяснениями. Кн. 2. Семейственное право. Т. 1. СПб., 1902. С. 491.

³ Веременко В.А. Дворянские семьи второй половины XIX – начала XX вв. в поисках «монаршей милости» (по материалам Канцелярии его императорского величества по принятию прошений) // Вестник молодых ученых (Сер. Исторические науки). 2004. № 2. С. 32–43.

Тем не менее, общая установка властных кругов на сохранение умирающих дворянских родов обеспечивала успех даже, казалось бы, самым нереальным прошениям. Так, например, в 1862 г. последовал именной «высочайший указ», разрешивший генерал-адъютанту графу Евдокимову передать свою фамилию и титул начальнику штаба войск Дагестанской области, полковнику артиллерии Доливо-Добровольскому, «женатому на родной племяннице жены Графа Евдокимова, Анне Ивановой, с тем, чтобы помянутый Полковник Доливо-Добровольский и жена его с нисходящим от них мужского и женского пола потомством, впредь именовались Графами и Графинями Доливо-Добровольскими-Евдокимовыми». Таким образом, образовывалась новая тройная фамилия, а передача производилась не между близкими родственниками, а по линии свойства, причем достаточно отдаленного. Несмотря на то, что принципиальное решение последовало в 1862 г., все необходимые документы (грамоту на графское достоинство и герб) новоиспеченный граф получил только спустя 4 года, заплатив за них пошлину в размере 1605 р. 15 коп. Столь долгий срок был необходим Департаменту герольдии Пр. Сената на подготовку проектов этих документов, а затем последовательное их утверждение министром юстиции, Комитетом министров и, наконец, самим императором¹.

4 ноября 1863 г. царь утвердил мнение Государственного совета «О порядке передачи дворянами фамилий, гербов и титулов»². «Безпотомные» дворяне-мужчины, желавшие передать свою фамилию одному из своих законнорожденных совершеннолетних родственников из дворян же, должны были подать прошение об его «усыновлении» на имя императора. К просьбе необходимо было приложить согласие «усыновляемого», его родителей (если они были живы), а также его жены, в том случае, если добавляемая фамилия принадлежала ей по рождению. После того как содержание этого ходатайства докладывалось императору «статс-секретарем у принятия прошений», оно переадресовывалось министру юстиции для направления в сенатский Департамент герольдии, а затем – в Государственный совет. В результате всех этих перипетий по смерти последнего представителя дворянской фамилии его имя и титул принимал (или добавлял к своему) ближайший родственник или муж родственницы.

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 42. Д. 63. Л. 1–28.

² ПСЗ. Собрание – 2. Т. XXXVIII. Отд. 2. 1863. № 40217. СПб., 1866. С. 165–166.

Помимо обозначения лица по фамилии в России во второй половине XIX – начале XX вв. продолжал действовать обычай прибавлять к имени человека еще и имя его отца в виде отчества. Несмотря на то, что обязательность этого в Гражданских законах не фиксировалась, отчество в данный период стало неизменным атрибутом не только русского человека, но и представителя любой другой национальности из числа населяющих империю. Дело в том, что в приложенных в качестве образцов для разъяснения статей законов формах всевозможных свидетельств, метрических записей, паспортов, исковых прошений и т. д. обязательно присутствовало требование указать отчество, что и делало данное наименование общепринятым во всех государственных учреждениях¹.

При подготовке проекта Гражданского уложения юристы обратили внимание на отсутствие в законе необходимого правила об условиях обозначения законных детей родовым именем. Исходя из этого, текст нового законопроекта был дополнен ст. 283, утверждавшей, что «дети именуются фамилией отца и получают отчество по его имени»². Однако в связи с тем, что Гражданское уложение так и не вступило в действие, официально в стране не появилось нормы, определявшей наделение законных детей фамилией и отчеством.

Сословное положение законных дворянских детей

По законам Российской империи потомственные дворяне «общали свое состояние» всем законным детям обоего пола. Характерно, что данное положение имело в виду исключительно отцов. В связи с тем, что бывали семьи, в которых к дворянству принадлежала мать, а отец являлся представителем менее привилегированного сословия, ст. 43 «Законов о состоянии» специально оговаривала, что «дочь потомственного дворянина, равно, как и вдова потомственного дворянина, выходящая в замужество за недворянина, сохраняет свое состояние, но детям оно не сообщает»³.

В связи с тем, что потомственное дворянство в России приобреталось не только рождением или браком, а могло быть выслужено

¹ См., напр.: Св. Зак. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1899. Ст. 861 (прил.). Т. XIV. Устав о паспортах. СПб., 1903. Приложения. Формы паспортов.

² Проект Высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения с объяснениями. Кн. 2. Семейственное право. Т. 1. Ст. 283.

³ Св. Зак. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1899. Ст. 37, 43.

на государственной службе¹, получено по ордену² или «высочайшему усмотрению», вставал вопрос о статусе детей, рожденных до приобретения отцом прав первенствующего сословия. В середине XIX в. правом потомственного дворянства пользовались все дети дворянина, родившиеся как после, так и до приписки их отца к первенствующему сословию, кроме тех, кто был рожден в податном и крепостном состояниях³. Указанная норма не распространялась на лиц, которые приобрели дворянство не по службе или ордену, а по особому императорскому «благоусмотрению». В этом случае от того же «благоусмотрения» монарха зависело, распространить ли пожалование только на последующее потомство награжденного или даровать новый статус и уже имевшимся у него детям⁴.

В марте 1874 г. правовые нормы передачи дворянского сословия от родителей к детям были серьезно изменены. По новым правилам все дети лиц, «приобретших по изданию сего закона права дворянства», даже те, кто родился при нахождении их родителей в податном состоянии, нижнем воинском или рабочем звании, приобретали право на преимущества, связанные с новым положением их отца⁵. При обсуждении законопроекта в Государственном совете многие члены его заявляли о справедливости предоставления права на дворянское достоинство и тем рожденным в податном состоянии детям потомственных дворян, прием родителей которых в первенствующее сословие состоялся до публикации закона 1874 г.

Однако, исходя из того, что в данном случае «учреждения, от которых зависит утверждение в правах дворянства или почетного гражданства были бы поставлены в необходимость входить в непосредственные разыскания всех лиц, подходящих под действие нового закона, и находя, что подобные разыскания были бы крайне затруднительны»⁶, Государственный совет распространил его дей-

¹ С 1856 г. такое право предоставлялось лицам, произведенным по гражданской службе в действительные статские советники, или соответствующий чин четвертого класса, а по военной в полковники (на флоте – капитан первого ранга). Там же. Ст. 20.

² Потомственное дворянство предоставлялось кавалерам Российских орденов первых степеней, а также орденами Св. Владимира (лицам, состоящим на государственной службе) и Св. Георгия всех степеней. Там же. Ст. 35.

³ Гернет А.О. Законодательство о приобретении дворянского достоинства Российской Империи. СПб., 1898. С. 34–35.

⁴ Св. Зак. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1876. Ст. 40.

⁵ ПСЗ. Собрание – 2. 1874. Т. XLIX. Отд. 1. № 53224. СПб., 1876. С. 325–326.

⁶ РГИА. Ф. 1261. Оп. 3. Г. 1874. Д. 104. Л. 5–5 об.

ствие только на тех претендентов, которые захотели бы подать специальное прошение об утверждении их в дворянском состоянии¹. Если же подобного документа за время жизни имевшего права на соответствующий статус лица подано не было, то, согласно сложившейся в Государственном совете и Департаменте герольдии Сената традиции, нисходящие его, т.е. внуки и правнуки потомственного дворянина, вышедшего из податного состояния, не получали права на приписку к дворянскому сословию².

По аналогии с преимуществами, предоставленными вдове лица, награжденного орденом, дававшим право на потомственное дворянство, после его смерти дети такого чина также «не лишались прав, через пожалование орденом приобретенных»³.

На протяжении второй половины XIX столетия в особом положении в отношении приобретения русского потомственного дворянства находились состоящие на русской службе иностранцы и их дети. В июле 1847 г. для данной категории населения были установлены следующие правила укрепления в дворянском достоинстве. «Отныне и впредь» те из иностранцев, которые приобрели или могли приобрести в дальнейшем на российской службе чины, приносящие потомственное дворянство, не могли быть ни сами, ни в потомстве их утверждены в дворянстве, пока не приняли присяги на подданство России. Законные дети тех из иностранцев, которые уже умерли до издания настоящего постановления, не присягнув на подданство России, утверждались в дворянском достоинстве лишь в том случае, если перешли в русское подданство. И, наконец, малолетние дети этих иностранцев могли оставаться до совершеннолетия в правах, приобретенных службою их отцами, но если по достижении полного совершеннолетия в течение двух лет так и не принимали российской присяги, то лишались права на причисление к потомственному дворянству⁴.

Последние пункты данного постановления были исключены из IX тома Свода Законов («Законы о состояниях») при редактирова-

¹ Св. Зак. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1899. Ст. 39.

² Свод законоположений имперских и областных о законности и внебрачности рождения, узаконении и усыновлении, и о взаимных отношениях родителей и детей / сост. П.С. Цыпкин. Пг., 1916. С. 391. Сборник законов о российском дворянстве. С. 18.

³ Св. Зак. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1899. Ст. 40.

⁴ ПСЗ. Собрание—2. 1847. Т. XXII. Отд. 1. № 21410. СПб., 1848. С. 620–621.

нии издания в 1876 г.¹ Взамен их на практике утвердилась схема, близкая к идеям реализации закона 4 марта 1874 г. для лиц, рожденных до его издания. Если дети иностранца, имевшего права на получение русского потомственного дворянства по чинам, не обращались по вступлении в российское подданство с просьбой о возведении их в первенствующее сословие, то внуки и правнуки такого иностранца уже не могли на это рассчитывать.

Человек, получивший потомственное дворянство по чину или ордену, не нуждался в каком-либо особом действии для утверждения его в новом статусе². Иногда же новоиспеченные дворяне стремились незамедлительно вписаться в соответствующую часть родословной книги своей местности. Делалось это, прежде всего, чтобы сразу закрепить статус имевшихся у него в тот момент детей, которые вместе с отцом и матерью, таким образом, тоже оказывались вписанными в книгу. Дети, родившиеся после оформления дворянства у старших членов семьи, также без особых хлопот получали запись о дворянстве после рассмотрения в местном дворянском собрании заявления их отца.

Сложности возникали лишь в том случае, когда официальные родители жили отдельно, и отец либо отказывался приписывать к своему роду тех детей, чье происхождение было для него гадательным, либо просто хотел доставить дополнительные неприятности жене. Подобная история связана с припиской к дворянству графа А.Н. Толстого (будущего писателя), мать которого еще до рождения сына переехала к А.А. Бострому. После того, как А.Л. Толстая в январе 1897 г. подала прошение в Самарское дворянское собрание о занесении ее 14-летнего сына Алексея в местную родословную книгу, ее бывший муж Н.А. Толстой, выждав предварительно полугодовой срок, заявил местному губернскому предводителю дворянства следующее: «Как при оставлении семьи г. Тургеневой, бывшей его первой женой, так и при расторжении два с половиной года спустя их брака, других детей, кроме тех троих, которые у него есть ... не было и по сию пору нет, и потому домогательства г. Тургеневой он находит не подлежащими рассмотрению и удовлетворению...». Местное дворянство большинством голосов поддержало обиженного отца. Только после его смерти вопрос был пересмот-

¹ Гернет А.О. Законодательство о приобретении дворянского достоинства Российской Империи. С. 18.

² Св. Зак. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1899. Ст. 23.

рен, и Алексей получил документ о дворянстве в декабре 1901 г., спустя пять лет после начала дела¹.

Дети дворян, не вписанные в родословные книги при жизни отца, могли получить свидетельство о своем дворянском происхождении лишь по прохождении целого ряда специальных формальностей. Дворянские грамоты выдавались по заявлению заинтересованного лица сенатским Департаментом герольдии. К заявлению прикладывалось несколько документов. Во-первых, бумаги, удостоверявшие дворянское происхождение отца или других более отдаленных предков. К ним относились, например, патенты и чины, приносящие потомственное дворянство, указы и грамоты на ордена и т.д. (список неопровержимых доказательств дворянского достоинства был приведен в ст. 52 «Свода Законов о состояниях»²). Во-вторых, формулярный список о службе отца или родословную, утвержденную местным предводителем дворянства и чинами консистории, подтверждавшую происхождение просителя от законного брака его отца или другого предка, имевшего права на дворянство. Причем, если право на потомственное дворянство имел более отдаленный предок, то необходимо было указать всех своих восходящих предков с обозначением происхождения каждого последующего от законного брака. В-третьих, проситель представлял собственное метрическое свидетельство. Наконец, в-четвертых – квитанции, удостоверявшие уплату гербовых сборов и денег за изготовление самой грамоты.

Личное дворянство, в отличие от потомственного, передавалось браком от мужа к жене, но «не сообщалось ни детям, ни потомству»³. Вместе с тем, при определенных обстоятельствах данный статус давал шансы на подъем по социальной лестнице для правнука, а иногда и внука, первого в семье чина, дослужившегося до звания, предоставлявшего права личного дворянства. Дело в том, что в течение всего XIX столетия в России действовало две нормы, сулящие потомственное дворянство для четвертого или третьего поколения личных дворян. Ст. 24 Законов о состоянии устанавливала: «когда дед, отец и сын имели чины, приносящие личное дворянство, то потомству их дозволяется просить дворянство потомственное» (4-е поколение). Аналогичное право предоставля-

¹ См., напр.: Оклянский Ю.М. Шумное захоlustье. Из жизни двух писателей. Кн. 1. М., 1997. С. 63–85.

² Св. Зак. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1899. Ст. 52.

³ Там же. Ст. 51.

лось и достигшему 17-ти лет внуку, чьи дед и отец состояли на службе в чинах, приносящих личное дворянство не менее двадцати лет каждый (3-е поколение)¹. Однако в ходе борьбы за ограничение прав на приобретение высшего в стране сословного статуса обе нормы в 1900 г. были отменены².

Дети личных дворян получали права потомственного почетного гражданства³.

По российским законам дворянин не мог утратить свое высокое звание иначе как за преступление, лишавшее виновного всех прав состояния⁴. Исходя из этого общего правила, дети, рожденные или зачатые до осуждения дворянина, сохраняли свои прежние права состояния, даже если они следовали в ссылку за осужденным⁵. Дети же, «прижитые» в то время, когда их отец уже подвергался наказанию, назывались «детьми лишенного прав состояния» и по достижения совершеннолетия должны были быть приписаны к одному из местных крестьянских или мещанских обществ. Изменение общественного положения таких детей, с возвращением их в дворянское сословие, могло последовать лишь по разрешению императора.

В связи с тем, что лицо, лишенное прав состояния, действительно теряло все свои права, в том числе права семейственные и на наследство⁶, периодически в российской судебной практике возникали вопросы об отношении детей, происходивших от отца, находившегося в заключении, но впоследствии частично или полностью помилованного, к другим членам этого дворянского рода. В начале 1870-х гг. в московских Окружном суде и Судебной палате, а затем в Сенате исследовалось дело Муравьевой-Абаза, главным предметом обсуждения в котором был вопрос о наличии или отсутствии родственных отношений в большой дворянской семье, некоторые члены которой были лишены всех прав состояния. Летом 1826 г. ссылке на каторжные работы подверглись братья Н.М. и А.М. Муравьевы. Первый из них умер в заключении, оставив после себя дочь Екатерину, родившуюся прежде осуждения отца. Другой в 1844 г. был с «высочайшего соизволения» принят на государственную службу, а через год у него родилась дочь Александра. В 1848 г. скончалась мать братьев Муравьевых, и единственной наследницей

¹ Св. Зак. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1899. Ст. 24.

² ПСЗ. Собрание—3. Т. XX. 1900. Отд. 1. № 18681. СПб., 1902. С. 551–552.

³ Св. Зак. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1899. Ст. 511.

⁴ Там же. Ст. 80.

⁵ Там же. Ст. 10.

⁶ Там же. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. СПб., 1899. Ст. 1107.

к ее имуществу была утверждена Е. Муравьева, над которой по сумасшествию учреждалась опека. В 1871 г. А.А. Муравьева, по мужу Абаза, предъявила к опекунству иск, требуя выделить ей половину оставшегося после бабки наследства. Московский окружной суд отказал истице, указав на то, что младший из братьев Муравьевых в результате помилования получил лишь возможность заниматься государственной службой, но не приобрел утраченных родственных прав. Следовательно, не имея возможности сам наследовать, он не мог передать эти права своей дочери. Судебная палата отнеслась к данному спору совершенно иначе. Подтвердив справедливость закона о том, что лишенные всех прав не могут наследовать, члены палаты обратили внимание на то, что данное положение не касается тех преступников, которым по решению верховной власти разрешено снова стать «членом гражданского общества», пусть даже они не получили назад свой утерянный статус. Получалось, что если ребенок родился у такого правоспособного лица, то он по праву может наследовать в имуществе, открывшемся после того, как отец перестал быть лишенным всех прав состояния. Данные доводы не убедили сенаторов, до которых это дело дошло в 1873 г. Верховный кассационный орган исходил из того, что объем прав, предоставленных преступнику по помилованию, может определяться исключительно внесенными в текст документа положениями. Исходя из этого, сенаторы полностью поддержали мотивировку Окружного суда. Не имея прав сам, отец не мог передать их по праву представления дочери. Следовательно, А. Муравьева (Абаза) не может быть допущена к наследованию после своей бабки¹.

Аналогичный довод о том, что статус детей лишенного прав состояния определялся исключительно текстом царского манифеста о помиловании, был подтвержден Сенатом в 1881 г. Помещик Н.И. Сазонов за невозвращение из-за границы был лишен в 1850 г. прав состояния, признан изгнанным из отечества, а его имущество было передано законным наследникам, в данном случае – сестре. В 1858 г. благодаря императорскому «соизволению» он получил право вернуться на родину, где по прибытии ему и его законным детям, родившимся после осуждения, предполагалось возратить права потомственного дворянства. Однако Сазонов умер в дороге. Приехавшие в Россию дети получили статус дворян, но вопрос о собственности на бывшее имение их отца так и не был решен.

¹ Решения Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1873 год. СПб., 1873. № 1726.

Начавшееся со смертью их тетки наследственное производство строилось, прежде всего, на выяснении вопроса о том, получил или нет умерший до возвращения на родину преступник всю полноту прав назад или он мог приобрести их только по приезде в страну. В итоге все судебные инстанции признали права детей Сазонова на наследство по праву представления от их отца, исходя из того, что молодые люди получили статус первенствующего сословия, а значит и всю полноту прав, включая и родственные¹.

Сложная и противоречивая ситуация с правами и статусом детей прощенных преступников-дворян была частично урегулирована в 1904 г., когда вышло постановление о предоставлении сословных прав детям тем из бывших заключенных и ссыльных, которым самим были возвращены их прежние права состояния до августа данного года².

Незаконнорожденные

В Европейской части России, согласно действовавшему законодательству, к категории незаконных (незаконнорожденных) детей относились: дети, рожденные вне брака, «хотя бы родители их впоследствии сопряжены были законным браком»; дети, произошедшие от прелюбодеяния; дети, рожденные «по смерти мужа матери или по расторжении брака разводом, когда со дня смерти мужа матери или расторжения брака до дня рождения сего младенца протекло более трехсот шести дней»; дети, «прижитые» в браке, который впоследствии был признан «незаконным и недействительным»³; дети, родившиеся в браке, впоследствии расторгнутом по причине «доказанной неспособности мужа к супружескому сожитию»⁴.

В положении незаконнорожденных детей в зависимости от той категории, к которой они относились, существовали определенные различия. По брачному положению матери можно выделить два основных разряда незаконнорожденных. К первому относились дети, которые родились в то время, когда их мать не состояла в браке (за исключением детей вдов и разведенных, родившихся ранее 306 дней после смерти мужа или развода: они, в случае отсутствия спо-

¹ Решения Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената за 1881 год. СПб., 1881. № 149.

² Блосфельдт Г. Российское дворянство. Узаконения и разъяснения 1901–1910 гг. СПб., 1910. С. 5.

³ Св. Зак. Т. X. Ч. 1 Законы Гражданские. Ст. 132.

⁴ Там же. Ст. 134.

ра, считались законными). Такие дети в самой метрике о крещении сразу оформлялись как незаконнорожденные дети такой-то девицы (вдовы/разведенной жены) и свой статус приобретали в ходе самой регистрации их рождения. Официально изменить свое положение такие дети могли, лишь возбудив судебный иск о своей законности и доказав его фактом наличия в момент зачатия и (или) рождения законного брака родителей. Последующий же брак их родителей никоим образом не отражался на статусе детей, остававшихся по закону незаконнорожденными.

В пореформенной России, где нередко были как «романы» дворянина с представительницами непривилегированных сословий, так и «свободные союзы» равных, часто складывалась ситуация, когда в семье воспитывались родные братья и сестры, один или несколько из которых были незаконнорожденными, а другие – законными. Так, в дворянской семье В.О. и М.В. Барановских из четырех детей законными были трое родившихся в браке, старший же (Генрих), будучи незаконнорожденным, официально считался воспитанником¹. В дворянской семье Иверсенов из четырех детей трое были незаконными, и только четвертая дочь, родившаяся уже после смерти первой жены дворянина, открывшей ему возможность вступить в брак с матерью его детей, имела законный статус².

Если незамужняя мать младенца не подкидывала его, а оставляла у себя, то избежать записи ребенка в незаконнорожденные можно было только одним из двух способов: либо не крестить его, по сути, отказав ему в оформлении акта существования, либо указать в документе в качестве родителей других лиц. Определить частоту подобных явлений практически невозможно, однако отдельные косвенные данные указывают, что в стране не только среди униатов встречались люди, подошедшие к своему совершеннолетию или даже перешагнувшие его, но так и не крещенные, а значит и не имевшие метрического свидетельства. Например, у австрийской поданной П.-П. Чербицкой от отставного генерал-майора Н.К. Яковлева было три дочери, и ни одна из них до достижения старшей 18 лет не была окрещена. Это обстоятельство женщина использовала (в итоге, вполне успешно), чтобы под воздействием разных административных и церковных органов вынудить отца девочек на брак с ней³. Еще более запутанную историю описывала

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 304.

² Там же. Оп. 252. Д. 880. Л. 679–680 об.

³ Там же. Оп. 29. Д. 342.

одна из корреспонденток В.В. Розанова. Эта дворянка, будучи незамужней, более 17 лет жила с вполне обеспеченным дворянином-чиновником. Жена этого человека имела от другого мужчины 6 детей, причем все они были записаны на имя ее законного мужа. У «незамужней» женщины тоже было несколько детей в возрасте до 15 лет. Причем все они, будучи некрещеными, получали образование дома. Характерно, что сослуживцы мужа считали женщину, с которой чиновник жил, его законной женой, а ее детьми тех, которые были записаны на его имя¹.

Отказ от крещения своих незаконнорожденных детей для дворянок – представительниц инославных вероисповеданий, помимо стыда и опасения огласки, мог быть вызван и проблемами религиозного свойства. Законы Российской империи точно определяли лишь условия крещения подкидышей, а также незаконнорожденных детей, матери которых принадлежали к протестантскому исповеданию. Первые в любом случае должны были креститься в православном храме. Для вторых были сделаны специальные пояснения. В ст. 807 «Устава иностранных исповеданий» утверждалось, что «евангелическо-лютеранские проповедники обязаны приносимых к ним для крещения младенцев, коих родители неизвестны, отсылать по принадлежности к Православному духовенству. Незаконнорожденные младенцы, матери которых известны и принадлежат к Протестантскому вероисповеданию, могут быть по желанию сих последних крещены по обрядам Ев. Лютеранской Церкви»². В середине 60-х гг. XIX в. с просьбой о распространении и на католиков подобных правил во Второе отделение Собственной е.и.в. Канцелярии обратилась Римско-католическая духовная коллегия. Однако тогда этот вопрос был признан несвоевременным³. В результате решение о том, крестить или нет инославного младенца (кроме протестантов) в церкви, к которой принадлежала его мать, зависело исключительно от позиции местного священника. Он мог легко и без лишних вопросов совершить эту процедуру, а мог и потребовать от женщины четко указать имя отца ребенка, чтобы не было сомнения в том, что он не православный. Последнее приводило к тому, что у заключивших впоследствии брак родителей могли быть не только и

¹ Розанов В.В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2004. С. 502.

² Св. Зак. Т. XI Ч. 1. Уст. Иност. Исповеданий. СПб., 1896. Ст. 807.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 615. Л. 20–36.

законнорожденные, и незаконные дети, но и в полностью инославной семье вполне мог воспитываться православный ребенок.

В незаконной, как и во вполне официальной межконфессиональной семье, также случались разногласия по поводу места крещения ребенка, что приводило к многолетней задержке его регистрации. Так, в семье дворян А.Ф. и Г.К. Бильмин жена принадлежала к лютеранскому вероисповеданию, а муж – к католическому. Еще до брака у них родился сын, которого они не крестили в течение четырех лет, так как не могли договориться о той церкви, к которой он будет принадлежать. Когда же решение было принято, и они, уже в браке, решили окрестить его в протестантском храме, пастор отказался это сделать, предложив обратиться (по вероисповеданию отца ребенка) в костел¹.

Наконец, религиозные, моральные, тактические и др. причины могли действовать в комплексе. В этом плане интерес представляет семейная история дворян Ю.Ф. Бродовской и А. фон-Отта. Брак их долгие годы не мог состояться, так как мужчина вел бракоразводное дело. К моменту, когда он наконец развелся с женой, у них уже было пятеро детей, ни один из которых так и не был крещен. Последнему обстоятельству способствовало два фактора: нежелание «подставлять» себя в период развода, в котором виновной стороной выступала жена фон-Отта, и отказ отца, принадлежавшего к протестантскому вероисповеданию, выбирать между одинаково чуждыми ему католическим (к которому принадлежала мать детей) и православным вероучениями. В итоге дети получили долгожданную метрику, когда старшему было 12 лет, а родители уже вступили в брак².

Оформление фиктивных записей о рождении практиковалось в двух случаях: исключительно в интересах законнорожденного и для реализации каких-либо целей новоиспеченных родителей. Примером дел первого рода стал широко обсуждавшийся в печати случай Михольских, рассматривавшийся в начале 1880-х гг. в Санкт-Петербургском окружном суде. Жена отставного подпоручика конной артиллерии Ю. Михольская обвинила своего мужа в любовной связи с крестьянкой и в записи рожденного от этой связи ребенка под ее именем. Характерно, что судебные заседатели вынесли Михольскому оправдательный приговор, ограничившись лишь объяснениями подсудимого. Пресса в целом встала на сторону суда,

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 665. Л. 58–63.

² Там же. Д. 615. Л. 160–161.

поддержав его решение, т.к. «безотрадное, бесправное положение незаконнорожденных, ... заставляет родителей прибегать даже к преступлению, чтоб только избавить свое дитя от такого положения на всю последующую жизнь»¹.

Совершенно другой случай, связанный с фальсификацией метрики о рождении, стал предметом судебного разбирательства за десять лет до описанных событий. Графиня М. обвинялась в том, что новорожденного незаконного ребенка горничной она взяла к себе и, устроив обстановку, похожую на только что происшедшие роды, выдала его за рожденного ею от мужа. Тот, в свою очередь, не подозревая обмана, просил священника окрестить и записать ребенка в метрическую книгу в числе законнорожденных. Характерно, что данное дело о подлоге в документах было возбуждено по заявлению наследника мужа графини спустя более двух лет после смерти последнего. В то же время сам муж при жизни своей не предъявлял никакого спора о законности «своего» ребенка².

Ко второму разряду незаконнорожденных относились дети, рожденные состоящей в браке женщиной. Важной особенностью их статуса было то, что в соответствии с презумпцией законности первоначально все они должны были быть записаны в метрические документы как законные. Положение же незаконнорожденных они получали впоследствии, по итогам особого светского или церковного судебного разбирательства. В этом разряде следует выделить две категории детей: рожденных в браке, признанном впоследствии недействительным, и родившихся во вполне законном супружестве.

Дети, происходившие от брака, признанного впоследствии незаконным и недействительным лишь в период существования данного супружества, обладали всеми правами законных детей. С принятием же соответствующего церковного постановления они не только лишались возможных преимуществ своего происхождения, но и теряли родственные связи со своей семьей. По закону, действовавшему до 1891 г., могла быть облегчена участь детей, которые родились от брака, признанного недействительным вследствие вовлечения в брак одного из супругов обманом или насилием. Тогда суд «повергал участь таких детей на милостивое усмотрение монаршей власти»³. При тех же обстоятельствах закон возлагал на

¹ Голос. 1882. № 273. С. 3.

² Юридические вопросы // Юридический вестник. 1872. № 10–12. С. 49.

³ Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы Гражданские. СПб., 1857. Ст. 144.

виновного супруга обязанность обеспечить рожденных в таком браке детей¹.

Вопрос о судьбе детей дворян от браков, признанных незаконными и недействительными «по обману или насилию», мог восходить к императору несколькими путями. Официальный путь предполагал поэтапное рассмотрение дела в нескольких судебных инстанциях и Государственном совете, по итогам которого должно было приниматься специальное «мнение», передававшееся уже на утверждение императору. В соответствии с процедурой, такого рода принятое решение пропечатывалось затем в Полном собрании законов Российской империи². Неофициальный путь заключался в том, что заинтересованные лица, заручившись предварительно необходимым судебным решением (а иногда и без него), обращались к императору через Комиссию прошений или другие административные органы. Так, в случае со штабс-капитаном графом А. Подгоричани-Петровичем, второй брак которого был расторгнут в связи с многобрачием, материалы судебного дела были посланы самими бывшими супругами в Третье отделение Собственной е.и.в. канцелярии, которое переадресовало их в Комиссию прошений, а та донесла о случившемся Александру II. Тот потребовал связаться с министром юстиции. Получив ответ, что оба супруга невиновны во вступлении в недозволенное супружество, император повелел издать специальный указ, дававший их детям все права законных и фамилию отца³.

Похожим образом развивались события и в деле отставного поручика В. Сиверского и его сына. Правда, признать невиновность в незаконном браке двоюродных брата и сестры было достаточно сложно, но в данном случае император учел, что речь шла о событиях двадцатилетней давности, незаконная жена уже давно умерла, муж оправдывался увлечением молодости, а оба просителя – отец и сын Сиверские пользовались уважением в воронежском обществе. В результате молодой человек получил законное право на носимую им фамилию и дворянское достоинство, наследственных же прав ему предоставлено не было⁴.

¹ Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы Гражданские. СПб., 1857. Ст. 666.

² См., напр., дело дворянки Е. Августинович. ПСЗ. Собрание–2. Т. XXXV. 1860. Отд. 2. № 36244. СПб., 1862. С. 183.

³ РГИА. Ф. 1412. Оп. 15. Д. 1419.

⁴ Там же. Оп. 252. Д. 801. Л. 226–227.

Степень предоставляемых прав детям потомственных дворян от недействительных браков, удостоившихся «царской милости», и условия наделения их фамилией зависели от конкретной ситуации. Если оба супруга признавались невиновными, то, как мы видим в случае с графом А. Подгоричани-Петровичем, им оставляли фамилию отца и возвращали все права законных детей. Если же невиновной оказывалась лишь одна сторона, ситуация могла варьироваться. Так, детям дворянки Елизаветы Августинович, «прижитым ею в незаконном браке с чиновником 7 класса Исиповым, при жизни первой его жены», было предоставлено потомственное дворянство и фамилия матери¹. Дети же, родившиеся у вдовы А. Анничковой и статского советника Е. Фукса, обвиненного в многоженстве, хотя и получили дворянское достоинство, но в дополнение к фамилии Егорьевы². Характерно, что ни в первом, ни во втором случае вопрос о наследственных и имущественных правах детей разрешен не был.

По закону 12 марта 1891 г. «О детях узаконенных и усыновленных» участь детей от недействительных браков хотя и была значительно облегчена, но вопрос с их законным статусом не был решен окончательно. С одной стороны, они получили официальное право на содержание от родителей, а возможности суда по обращению к «монаршей милости» были значительно расширены. Так, ходатайствовать об уравнивании их с законными детьми суд теперь мог по любым «обстоятельствам, заслуживающим снисхождения»³. С другой же стороны, осуществленное в обычном порядке признание за такими детьми прав законных не делало их таковыми полностью, так как прав наследования после родственников родителей они не приобретали⁴.

Возбуждение вопроса о статусе детей входило теперь в компетенцию светского суда любой инстанции, принимавшего подобные обращения к главе государства вместе с вынесением приговора относительно родителей. Как уже отмечалось, приговор светских судов мог значительно отличаться в зависимости от типа преступления и степени виновности вступивших в незаконный брак (по взаимному согласию, по обману, путем насилия и т. д.) и колебался от лишения всех прав состояния и ссылки на продолжитель-

¹ ПСЗ. Собрание—2. Т. XXXV. 1860. Отд. 2. № 36244. СПб., 1862. С. 183.

² РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 780. Л. 188—188 об.

³ ПСЗ. Собрание—3. Т. XI. 1891. № 7525. СПб., 1894. С. 111—112.

⁴ Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы Гражданские. СПб., 1900. Ст. 137.

ную каторжную работу до 3-х недель домашнего ареста. С введением в силу закона 12 марта 1891 г. в судах утвердилась практика «повергать на Высочайшее милосердие» участь всех детей от браков, признанных незаконными и недействительными, вне зависимости от наказания, налагаемого на родителей¹.

Наряду с такой официальной процедурой существовала и другая практика: всё чаще к императору через Канцелярию прошений стали обращаться бывшие супруги, хлопотавшие о статусе своих детей, но просившие от себя лично, без участия светских судебных органов. Так, после признания духовным судом недействительным брака потомственных дворян М.В. и Л.С. Барановских, в связи с наличием между супругами отношений свойства, каждая из сторон обратилась к императору со своей просьбой. Жена хлопотала о сохранении законности ее брака, а муж просил оставить законный статус за детьми. При этом светское судебное производство по их делу не только не завершилось вынесением приговора, но его еще никто даже не возбуждал. Впрочем, отсутствие обращения суда никоим образом не отразилось на решении. Мало того, только после окончательного согласования всех условий сохранения за детьми и бывшей женой старой фамилии, сословных и выслуженных по службе прав и преимуществ полковника, наконец, раздела детей между родителями и назначения им содержания, чины Канцелярии прошений передали подписанное Николаем II определение в Санкт-Петербургский окружной суд. Суд, таким образом, ограничил свое участие в деле приемом к сведению полученной резолюции².

Официально во вторую категорию незаконных детей, рожденных состоявшей в браке матерью, входили дети, хотя и появившиеся на свет при вполне законном супружестве родителей, но незаконность которых либо была доказана в судебном порядке, либо их родители были разведены духовным судом, с признанием мужа неспособным к супружескому сожитию. Рассмотренная в данном ключе презумпция законности теоретически означала, что вне зависимости от того, что утверждали во время крещения о происхождении ребенка сторонние лица, муж матери и даже сама мать, младенец все равно должен был записываться законным. Изменение же метрики на незаконную предполагало судебное производ-

¹ См., напр.: РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1889. Ст. 1549–1551; 1554–1555; 1559–1561; 1564–1570.

² РГИА. Ф. 1412. Оп. 214. Д. 15.

ство с предоставлением истцом серьезных доказательств, и осуществлявшееся в соответствии со специальной процедурой.

На деле до конца 80-х гг. XIX в. нередким было оформление духовными лицами ребенка замужней женщины как незаконного, если присутствующие при крещении лица настаивали на такой формулировке. Ни причт, ни родственники новорожденного, как правило, не знали всех тонкостей законодательства и ничуть не удивлялись возможности увидеть в метрике запись о рождении состоящей в браке женщиной незаконного ребенка. Характерно, что иногда подобное свидетельство священники выдавали даже без каких-либо заявлений родителей, по собственным представлениям, не позаботившись заранее выяснить гражданское состояние матери.

В этом плане особый интерес представляет дело княгини О.Д. Ухтомской, у которой в апреле 1886 г. родился сын. Так как она жила в своем имении одна, причт и местные жители считали ее «то ли вдовой, то ли девицей», а потому при крещении у нее не попросили документов. В результате ребенок был записан как незаконнорожденный. Замужняя княгиня не только не стала опротестовывать документ, но, напротив, обратила все свои усилия на поиск других средств для придания сыну законного статуса. В 1896 г. она добилась усыновления императорским указом «незаконнорожденного Сергея» дворянином А.С. Трусовым, с предоставлением ребенку прав личного почетного гражданства. В том же году мальчик поступил под фамилией Трусов в реальное училище. Однако спустя всего два года обстоятельства изменились. В 1898 г. княгиня и ее муж (!) обратились в Консисторию, настаивая на аннулировании неправильной метрики и о выдаче документа о законном происхождении сына. Церковное руководство немедленно выполнило справедливое требование супругов, и у ребенка оказалось две бумаги на разные фамилии, причем одна из них княжеская. Руководство учебного заведения, не зная, на какую из фамилий оформлять аттестат, обратилось к родителям и усыновителю за разъяснением. В итоге только в 1902 г., после нового царского указа, отменявшего предыдущий, личный почетный гражданин С. Трусов превратился в князя С. Ухтомского¹.

Вопрос о недопустимости отступлений при метрикации от закона был поднят начальником Императорской главной квартиры О.Б. Рихтером в 1887 г. Указав на несоответствующее правилам

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 19. Д. 136.

оформление документов таких детей и «неопределенность» их положения, глава Канцелярии прошений обратился к обер-прокурору Св. Синода с предложением «исправить эти документы или заменить их новыми, в которых эти дети... значились бы законными от первого брака их матерей». В итоге по церковному ведомству был выпущен специальный циркуляр, в котором подчеркивалось, что вопрос о признании законности или незаконности рождения детей не входит в компетенцию священнослужителей, а «подлежит исключительно решению судебных установлений», и в любом случае, даже несмотря на словесные заявления «самих матерей», дети должны записываться на имя мужа их матери¹.

Как уже отмечалось, оспаривать законность рождения младенца (аргументированно доказывая свои обвинения) мог только муж матери (а продолжать уже начатое дело могли его наследники), при этом и он был ограничен исковым сроком, по истечении которого законный статус ребенка уже не мог подвергаться сомнению². Характерно, что начало двухлетнего искового срока отсчитывалось не от даты рождения младенца, а от момента, когда муж узнал о его существовании. Впрочем, значительная часть русского дворянства и здесь демонстрировала невероятную юридическую безграмотность. Так, дворянин Н.Д. Булыгин, получив информацию, что у его жены есть 22-летний сын, сразу же, без предварительного обращения в суд, подал крайне эмоциональное ходатайство на царское имя. Он указывал, что не имел никакой возможности следить за передвижением жены, жившей по выдаваемым ей администрацией документам, а теперь должен принимать как факт существование молодого человека, носящего его имя, вписанного в его родословную книгу и еще имеющего права на наследование в его родовой собственности. Канцелярия прошений вынуждена была подробно разъяснять недовольному дворянину предоставленные ему законом права³.

Главным и, собственно говоря, единственным удостоверявшим иск супруга аргументом считалась невозможность его встреч с женой в течение всего периода, относящегося к зачатию. Последнее было достаточно легко доказать, если супруги проживали в разных

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 24. Л. 68–71. Григоровский С. О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах. Сборник церковных и гражданских законов. СПб., 1910. С. 169. Церковный вестник. 1887. № 48.

² Законы гражданские / сост. А. Боровиковский. СПб., 1882. Ст. 127–130. С. 27–28.

³ РГИА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 1439.

городах или один из них находился под особым надзором, скажем, содержался в клинике или тюрьме. Проживание в одном городе, но на разных квартирах, делало такой иск достаточно затруднительным. В том же случае, когда супруги жили совместно, муж вообще не имел никаких шансов выиграть процесс. Ведь по законам Российской империи, даже осуществление развода по прелюбодеянию жены не отражалось на законности прижитых ею до объявления решения детей¹.

Таким образом, в зависимости от того, какое гражданское состояние было у матери на момент рождения ребенка, тот либо сразу оказывался обозначенным в метрике как незаконнорожденный, либо вначале приобретал права законнорожденного, но затем в результате светского или церковного судебного производства терял свой первоначальный статус. Достаточно большие сложности, которые были выстроены законом на пути признания рожденного в браке ребенка незаконнорожденным, рассматривались государством как способ укрепления этого социального института и поддержания высокого морально-нравственного идеала семейной жизни.

Несмотря на различие категорий незаконнорожденных детей, официально в их личном положении, вне зависимости от того, были ли они рождены от прелюбодеяния, кровосмешения или от сожительства неженатых, принципиальной разницы не было, и все они обладали общими для данной группы семейными правами, а точнее, являлись в этой области совершенно бесправными.

В конце XIX – начале XX вв. в правящих кругах и в самом обществе активно обсуждалась проблема расширения прав незаконнорожденных. Юристы и «публика», большей частью интеллигентно-дворянская, в целом сходились в идее реформы, предполагавшей предоставление незаконному ребенку возможности на официальных основаниях войти в семьи своих родителей (только одной матери), но с обязательным сохранением различия между законным и внебрачным рождением. Итогом обсуждения стало принятие закона 3 июня 1902 г., не только значительно расширявшего права внебрачных детей, но и создавшего законодательные основы для реформирования всей структуры регулирования отношений родителей и детей во всех «проблемных» семьях. Вместе с тем, всю полноту прав законных детей внебрачные дети так и не получили, а потому по-прежнему, как и в течение всего исследуемого периода, наиболее радикальным способом улучшения положение таких детей было их узаконение или хотя бы усыновление.

¹ Св. Зак. Т. X. Ч. 1. Законы гражданские. СПб., 1857, 1876. Ст. 135.

Узаконение и усыновление детей дворянами

В рассматриваемый период под узаконением в среде российских юристов понималось введение в состав семьи собственных незаконнорожденных детей с предоставлением им законных прав, а под усыновлением – принятие в семью чужих детей.

Условия узаконения и усыновления в России второй половины XIX – начала XX вв. отличались в зависимости от сословной принадлежности, вероисповедания и места жительства сторон.

Дворяне, для которых, по духу общеимперского законодательства, на первом месте должны были быть не внутрисемейные, личные интересы, а родовые, генеалогические, были в этих вопросах ограничены более чем кто-либо. Как отмечалось, они не имели права на узаконение своих незаконнорожденных детей. Усыновлять же вплоть до последнего десятилетия XIX в. они могли только для возобновления фамилии, в результате чего усыновленному передавались герб и фамилия усыновителя (или они присовокуплялись к его гербу и фамилии), но ему не предоставлялось никаких имущественных прав. При этом передачу, производимую лишь с «высочайшего» (императорского) соизволения, мог осуществить только дворянин, не имевший «ни потомков, ни сродников мужского пола той же фамилии», в отношении своих ближайших законнорожденных родственников (мужчин) – дворян¹.

Несмотря на то, что в общеимперском законе речь шла о дворянах как таковых и термин «потомственные дворяне» не упоминался, общий смысл статей определенно говорил о правах именно этого высшего слоя российского общества. Неясность статуса личных дворян, «очевидность» того, что по своему положению они не могут приравниваться к родовому дворянству, заставила правительственные структуры сформулировать особые условия узаконения детей специально для данной группы населения².

В ноябре 1873 г. при II отделении Собственной е.и.в. канцелярии начала работать «высочайше учрежденная» Комиссия под председательством действительного статского советника С.В. Пахмана. В течение февраля–декабря 1874 г. она провела 8 заседа-

¹ Св. Зак.. Т. X. Ч. 1 Законы Гражданские. Ст. 145–150.

² См. подробнее: Веретенко В.А. Дворяне ли, личные дворяне? (Из практики одной «высочайше организованной Комиссии») // Герценовские чтения 2004. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2004. С. 49–52.

ний¹. Определив схожесть положения личных дворян и городских сословий, Комиссия при создании новых правил об усыновлении использовала законодательные нормы, существовавшие в этой области для купцов, внося в них очень незначительные изменения. В результате подготовленное Комиссией и утвержденное императором Александром II 17 февраля 1876 г. «мнение» Государственного совета предусматривало предоставление личным дворянам в усыновлении больших возможностей по сравнению с дворянами потомственными. Первые получали право усыновлять одного или нескольких лиц² (за исключением собственных незаконнорожденных детей) и передавать усыновленным свою фамилию и права, «законным детям усыновителя принадлежащие», при сохранении их исконного сословия (такое ограничение было вполне очевидным, так как, во-первых, личное дворянство не передавалось даже прямым потомкам, а, во-вторых, действовало и в отношении купцов – почетных граждан). Просьбы об усыновлении поручено было разрешать губернскому правлению, заключение которого должен был утверждать Правительствующий Сенат³.

Предоставив детям, усыновленным личными дворянами, все права законных, за исключением прав состояния, государство упустило из виду, что преобладающую часть личных дворян составляли чиновники, дети которых (при условии долговременной службы отцов) могли рассчитывать на казенные средства до достижения совершеннолетия.

Этот не предусмотренный заранее момент был обнаружен Пенсионным отделом Министерства финансов уже в 1877 г., когда возник вопрос о назначении из государственного казначейства пенсии за службу «Инженер-Статского советника Феоктистова, усыновленной им девочке-подкидышу, Ольге». Рассматривавшие данный вопрос чиновники II отделения Собственной е.и.в. канцелярии установили, что «в Уставе о Пенсиях, между лицами, имеющими право на пенсию, нигде не упоминается о лицах усыновленных». Это привело их к выводу о том, что «усыновленные приобретают только гражданские права, родным детям усыновителя принадле-

¹ РГИА. Ф. 1261. Оп. 3. Г. 1871. Д. 85а. Л. 53.

² В первоначальной редакции комиссии предполагалось прямо заявить о возможности усыновления лиц «обоого пола», однако в соответствии с предложением Министерства юстиции формулировка стала более обтекаемой, что передавало решение этого вопроса по существу практике Пр. Сената (Там же. Л. 92, 96 об.).

³ ПСЗ. Собрание—2. Т. LI. Отд. 1. 1876. № 55586. СПб., 1878. С. 137.

жащие, каковы право на наследство, право на содержание и т. п., правом же на пенсию, за службу усыновителя они не пользуются»¹. Однако заинтересованные стороны этим не удовлетворились и продолжили поиски выгодного для них решения вопроса.

В течение 80-х годов XIX в. проблема наделения пенсией лиц, усыновленных личными дворянами, поэтапно рассматривалась в Первом департаменте Сената, затем в его Общем собрании и вследствие расхождения сенаторов во мнениях была вынесена на обсуждение Государственного совета. В Госсовете возобладала позиция, выработанная Министерством юстиции. Суть ее сводилась к тому, что «... права на пенсию не могут быть лишены ... дети, усыновленные личными дворянами, ибо они по закону пользуются всеми правами кровных детей, за исключением лишь прав состояния, а право на пенсию не принадлежит к правам состояния». 8 апреля 1891 г. император Александр III утвердил данное мнение Государственного совета, что означало окончание многолетней дискуссии².

В отношении же потомственных дворян по-прежнему существовали законодательные ограничения в вопросе узаконения и усыновления детей. Однако это не останавливало лиц первенствующего сословия от попыток добиться благоприятного решения данной проблемы, прежде всего, путем обращения к «монаршей милости».

Особенно благоприятной дворяне посчитали ситуацию при восшествии на престол Александра II в условиях наступившей «оттепели». Поэтому многие из них стали направлять императору официально запрещенные к подаче просьбы³. Эти ходатайства нашли поддержку в лице статс-секретаря у принятия прошений А.Ф. Голицына, при деятельном участии которого царь поручил II Отделению Собственной е.и.в. канцелярии составить проект секретного наставления на имя статс-секретаря у принятия прошений.

В документе, утвержденном 9 апреля 1858 г., содержался перечень условий, разрешавших «сопричастие детей к законным»: особые заслуги родителей или самих детей; подачу прошения

¹ РГИА. Ф. 1261. Г. 1877. Оп. 333. Д. 138. Л. 1–8.

² Там же. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 24. Л. 250–254.

³ Помимо названного примечания к ст. 144 Законов Гражданских, входившего во все издания этого сборника законов вплоть до конца 1880-х гг. (см., напр.: Боровиковский А. Законы Гражданские с объяснениями по решениям Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената. СПб., 1882. С. 31), запрещение подавать прошения об узаконении и усыновлении незаконнорожденных детей повторялось еще и в п. 2 ст. 41 Учреждения Комиссии прошений (Св. Зак. Т. I. Ч. 2. СПб., 1857).

исключительно отцом; точное удостоверение, «что все сии дети рождены той, с которой отец их в последствие вступил в брак и не в прелюбодейной с нею связи, то есть, не при существовании другого супружества». Причем, прежде чем приступить к рассмотрению каждого отдельного случая, полагалось испросить на это «высочайшее соизволение»¹.

Наплыв прошений об усыновлении, резко проявившийся в 1858 г. и ежегодно возраставший в дальнейшем, вызывал озабоченность как чинов Комиссии прошений, так и Министерства юстиции.

Получив в октябре 1863 г. на отзыв очередные 4 прошения дворян об усыновлении ими подкидышей и приемышей, управляющий Министерством юстиции Д.Н. Замятнин обратил внимание на противоречивость сложившейся практики. В то время как «законодательство наше постоянно изыскивает меры к тому, чтобы достижение дворянского достоинства сделать менее доступным», частое «удовлетворение ходатайств об усыновлении дворянами воспитанников, приемышей неизвестного происхождения не соответствует общим видам нашего законодательства, ибо не преграждает, а открывает новые пути к возведению в дворянство и может обратиться в постоянный способ приобретения посредством усыновления, прав, в ущерб достоинству высших сословий». Он предлагал в дальнейшем подходить к решению этого вопроса, учитывая «неудобства, могущие произтекать от частого удовлетворения подобных настоящих ходатайств»².

Эти идеи были приняты за основу всеподданнейшего доклада статс-секретаря у принятия прошений князя А.Ф. Голицына и утверждены Александром II 24 ноября 1863 г. Неудивительно, что в течение следующего полугодия было утверждено всего три прошения об усыновлении дворянами воспитанников «не в пример другим»³. Однако и эта цифра показалась статс-секретарю слишком значительной, и в мае 1864 г. он испросил у монарха новое повеление, в котором вновь в соответствии с законом подчеркивалось, чтобы «впредь прошениям об усыновлении воспитанников дальнейшего хода не давать и даже вовсе их не принимать»⁴.

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 24. Л. 24–24 об.

² Там же. Л. 45–47.

³ РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 794. Л. 966 об.

⁴ Мартынов Н. Узаконение и усыновление детей. СПб., 1902. С. 4.

После смерти А.Ф. Голицына в ноябре 1864 г. должность статс-секретаря у принятия прошений занял князь С.А. Долгорукий, значительно лояльнее своего предшественника относившийся к возможности усыновления дворянами своих воспитанников. Уже в марте 1865 г. он предложил императору снова вернуться к обсуждению этого вопроса. Взывая к милосердию государя, новый статс-секретарь просил соизволения «на восстановление вопроса об усыновлении в то самое положение, в котором он находился вследствие Высочайше утвержденного 24-го Ноября 1863 г. доклада», то есть разрешить передавать на рассмотрение императора отдельные ходатайства со «строгим разбором представляющих уважение и не упуская из виду неудобств, происходящих от частных изъятий из закона...»¹. Это мнение С.А. Долгорукого было поддержано императором, который, за редким исключением, когда дело касалось известных ему лично лиц, всецело полагался на чиновников Комиссии, подписывая предложенные ими резолюции.

Очевидно, что сложившаяся в 60–70-х гг. XIX в. практика узаконения и усыновления детей дворянами была весьма запутанной. Впрочем, те из просителей, кто, не обращая внимания на запрещение закона, подавал на имя императора прошения «о сопричастии» к законным своим добрачным детям, в большинстве случаев достигали желаемого. При этом статс-секретарь С.А. Долгорукий, предлагая Александру II положительные резолюции, нередко выходил за пределы оговоренных в секретном наставлении условий. Так, несмотря на запрещение узаконения прижитых в «прелюбодейной связи» детей, это допускалось в случаях безвестного отсутствия «прежней жены», ее тяжелой и продолжительной болезни или длительного раздельного проживания супругов². Удовлетворялись и прошения, исходившие не от отца добрачного ребенка, а от вдовы этого дворянина, конечно, при наличии документов, удостоверяющих согласие умершего на такой шаг³.

Столь легко толкуя в положительном смысле любые случаи, более или менее подпадавшие под действие Секретного наставления 1858 г., статс-секретарь подчас колебался, когда речь шла не об узаконении детей, родители которых впоследствии вступили в брак, а об иных жизненных ситуациях, не предусмотренных ни в каких

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 794. Л. 96 б–96 в.

² См., напр.: Дело коллежского асессора Н. Федоровича. Там же. Д. 848. Л. 214–215 об.

³ Там же. Л. 244–245 об.

правилах. Направляя их на рассмотрение императора, С.А. Долгорукий предпочитал ограничивать запросы просителей рамками усыновления, причем в ограниченной форме, с передачей детям фамилии и звания отца, но без наследственных прав. Как это ни странно, но лишь такую льготу получили в 1868 г. сыновья подполковника В. Меньщикова, «прижитые им в браке с женой», но оказавшиеся лишенными «прав, принадлежащих им по происхождению... вследствие пропуска их в метрических книгах при крещении». Указав в своем всеподданнейшем докладе на то, что «невнесение сыновей Меньщикова в метрические книги произошло по обстоятельствам от него независящим», статс-секретарь все же поостерегся предоставить этим детям все права законных детей¹.

В отношении усыновления воспитанников добиться положительного результата было значительно сложнее. В большинстве случаев подобные прошения, подаваемые на имя Александра II, отклонялись чинами Комиссии, не доходя до адресата. Иногда, однако, при наличии рекомендаций высоких чиновников и особых обстоятельств дела, дворяне получали право передать воспитанникам фамилию, вместе с которой предоставлялись права почетного гражданства или личного дворянства. Например, в 1876 г. генерал-лейтенант Генерального штаба Аксель Кроиерус обратился с прошением об удочерении ему дочери рядового сироты Параскевы Волковой, «которую он принял в 1872 году на воспитание за неимением собственных детей». Получив на свое ходатайство отказ, он не оставил хлопоты, которые после его смерти продолжила его вдова. В 1880 г. она подала два прошения, в которых умоляла обратить внимание на то, что «покойный муж ее, привязавшийся всей душой к своей воспитаннице, на смертном одре своем завещал ей ... употребить все старания, дабы обеспечить участь малолетней Параскевы». К последнему обращению была приложена рекомендация графа П.А. Валуева, который лично хорошо знал семейные обстоятельства просительницы и поэтому убедительно ходатайствовал «в ее пользу». Учитывая все это, статс-секретарь у принятия прошений С.А. Долгорукий обратился за согласием императора на дозволение «воспитаннице Кроиерус принять фамилию ее воспитателя с присвоением ей прав личного почетного гражданства, но без предоставления ей каких-либо прав по имуществу покойного, оказание какой милости не могло бы нанести никому ущерба»².

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 801. Л. 62–62 об.

² Там же. Оп. 10. Д. 1673. Л. 1–17.

Без промедления и в обязательном порядке удовлетворялись только ходатайства дворян, за которых просил кто-либо из императорской фамилии. Причем в этих случаях никаких особых обстоятельств не требовалось, а единственным аргументом служило участие в деле того или иного царского родственника. В 1868 г. командующий гальванической учебной ротой подполковник Н. Филатов получил разрешение усыновить принятого им на воспитание «младенца Николая неизвестного происхождения». Необычно краткий доклад по этому поводу С.А. Долгорукого состоял всего из двух фраз. В первой констатировалось, что «по силе Высочайшего повеления 25-го Марта 1865 г. и 69 ст. Наставления Статс-Секретарю у принятия Прошений», такие просьбы «подлежат отказу без доведения о них до сведения Вашего Императорского Величества». А во второй сообщалось, что этого не было сделано, так как прошение поступило при «рескрипте Его Императорского Высочества Велико-го Князя Николая Николаевича Старшего, в котором Его Высочество изволит просить меня повергнуть ходатайство Филатова на Высочайшее благоусмотрение»¹.

Особую группу составляли дела, в которых принимал участие сам государь. В этих случаях вообще никаких конкретных данных не сообщалось, а делалась лишь ссылка на некие «известные обстоятельства», после чего подписывался уже заранее подготовленный указ об усыновлении².

Несколько раз в год Александр II утверждал исключительные решения, предоставлявшие особо отличившимся дворянам, имевшим к тому же очень высоких покровителей, возможность передать своим воспитанникам не только фамилии, но и статус потомственного дворянина, а иногда и имущественные права, уравнивая, таким образом, усыновляемых с законными детьми. Такую возможность получил, например, в январе 1881 г. действительный статский советник, доктор медицины Н. Водопьянов, усыновивший, по ходатайству военного министра Д.А. Милютина, принятого им на воспитание в 1866 г. «мальчика Ивана, неизвестного происхождения»³.

¹ Там же. Оп. 252. Д. 801. Л. 61–61 об.

² См., напр.: Дело «отставного Гвардии Полковника Петра Базилевского об усыновлении принятых им на воспитание четырех детей: Евдокии, Марии, Петра и Надежды, 13, 11, 7 и 5 лет, из которых первые две значатся по документам незаконнорожденными детьми дочери Титулярного Советника Ирины Петровой, а последние – происхождения неизвестного». Там же. Л. 49–49 об.

³ Там же. Д. 848. Л. 111–111 об.

Положительные решения полагалось сохранять в тайне, что подчеркивалось особым примечанием к п. 1 ст. 19 Учреждения Правительствующего Сената, согласно которому «Высочайшие указы, последовавшие в разрешение всеподданнейших прошений об узаконении рожденных до брака детей, и об усыновлении воспитанников и приемышей, вносятся в Правительствующий Сенат не для опубликования, но только для хранения и объявления об оных просителям и ближайшим их начальствам, по месту служения и жительства просителей»¹. Однако, сам факт публикации такого примечания указывал заинтересованным лицам не только на возможность подачи соответствующего прошения, но и на реальность его удовлетворения.

При новом императоре Александре III, который ясно осознавал всю противоречивость, неопределенность и несправедливость сложившейся ситуации, произошли определенные перемены. Вскоре после своего вступления на престол глава государства дал «высочайшее повеление» пересмотреть правила Секретного наставления 9 апреля 1858 г. об узаконении незаконнорожденных детей².

За год до этого, в январе 1880 г., обсуждая правила усыновления почетными гражданами, с инициативой о подготовке общих для всех привилегированных сословий правил, предоставляющих родителям возможность «вводить своих незаконнорожденных детей в природную их семью», к министерству юстиции обратился Общее собрание Государственного совета³. Однако, несмотря на, казалось бы, всеобщее одобрение, создание нового закона затянулось на долгие десять лет.

В течение всех лет, ушедших на подготовку и согласование соответствующего законопроекта, дела об узаконении и усыновлении детей рассматривались Комиссией по старой, неопределенной схеме, где исход зависел, прежде всего, от личного мнения чиновников, а также связей и знакомств просителей⁴. Тем не менее, некоторые

¹ Канторович Я.А. Законы об узаконении и усыновлении детей (с объяснениями, извлеченными из мотивов закона 12 марта 1891 г., и с разъяснениями по определениям Правительствующего Сената). СПб., 1899. С. 5–6.

² РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 24. Л. 54.

³ Канторович Я.А. Законы об узаконении и усыновлении детей... С. 7.

⁴ 10 мая 1881 г., через неделю после получения «Высочайшего повеления» о пересмотре правил Секретного Наставления 1858 г. С.А. Долгорукий подал императору докладную записку, в которой спрашивал о судьбе дел об узаконении и усыновлении, находящихся в производстве Комиссии. Высказанная статс-секретарем мысль о возможности временного сохранения прежней практики была удостоена резолюции «Конечно». РГИА. Ф. 1412. Оп. 28. Д. 99. Л. 33.

изменения в практике прохождения такого рода дел все же произошли. В ноябре 1883 г. было принято решение о реформировании Комиссии прошений. С мая 1884 г. ее правопреемница – Канцелярия е.и.в. по Принятию прошений на Высочайшее Имя приносимых – начала работать при Императорской главной квартире. Новый глава ведомства – Командующий Императорской главной квартирой генерал-адъютант О.Б. Рихтер не только расширил применение все еще сохранявшего силу Секретного наставления 1858 г., но и сделал обыденным (хотя и незаконным) явлением усыновление воспитанников. Император, гуманная позиция которого в этом вопросе была общеизвестна, всецело одобрял инициативы Канцелярии, направленные на передачу усыновленным детям фамилии и отчества усыновителя, однако крайне ревностно охранял сословные интересы и редко предоставлял воспитанникам права состояния воспитателя.

В результате в 80-е годы XIX столетия для узаконения своих добрых детей от дворян уже не требовалось наличия особых отличий. Мало того, при некоторых обстоятельствах такая льгота могла быть предоставлена и лицам, получавшим о своей деятельности неблагоприятные отзывы. Так, надворный советник Г.И. Измиров, которого характеризовали как человека, не пользовавшегося «особым уважением в глазах общественного мнения, так как в его прошлом есть некоторые факты, указывающие на не совсем добросовестное ведение своих денежных дел», сумел все же (хотя и не с первой попытки) добиться узаконения своих добрых детей¹.

Подобные ситуации мягко оценивались начальником Главной квартиры как «не вполне согласующиеся с Секретным Наставлением». Постоянно передавая их на рассмотрение императора, он объяснял свои действия тем, что «широкое применение Царской милости к людям, вернувшимся на путь нравственной жизни, может только укрепить святость семейных уз и увеличить число благонадежных граждан»². Вместе с тем, если имелась возможность лега-

¹ 10 мая 1881 г., через неделю после получения «Высочайшего повеления» о пересмотре правил Секретного Наставления 1858 г. С.А. Долгорукий подал императору докладную записку, в которой спрашивал о судьбе дел об узаконении и усыновлении, находящихся в производстве Комиссии. Высказанная статс-секретарем мысль о возможности временного сохранения прежней практики была удостоена резолюции «Конечно». РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 880. Л. 20–22.

² Там же. Оп. 241. Д. 24. Л. 83–84.

лизовать положение ребенка на основе умелого использования существовавшего законодательства, без непосредственного привлечения главы государства, то О.Б. Рихтер всегда старался использовать такую возможность.

Как это ни удивительно, но наибольшие сложности стояли на пути тех дворян, которые хотели усыновить представителей того же сословия, но в личных интересах, а не с целью сохранения умирающей родовой фамилии или титула. Чаще всего такое желание возникало в семьях с пасынками и падчерицами, но удовлетворялось оно далеко не всегда. Редкий случай предоставления в 1884 г. надворному советнику Н. Людоговскому права передать эту фамилию детям его жены от первого брака дворянам – Александру, Сергею и Елизавете Певниценым был особо обусловлен ходатайством московского генерал-губернатора. При этом в испрашиваемую резолюцию об усыновлении рукой Александра III была внесена корректива: «достаточно передать фамилию»¹.

Не достигло своей цели ходатайство петербургского Окружного военно-медицинского инспектора доктора медицины, тайного советника Ф.С. Энкгофа, не имевшего собственных детей и желавшего передать фамилию и отчество по своему имени сыну его жены от первого брака с губернским инженером статским советником К.Н. Еремеевым – Георгию Еремееву. Докладывая обстоятельства этого дела императору, О.Б. Рихтер особо подчеркнул, что, хотя воспитатель и воспитанник оба являются потомственными дворянами, но пасынок происходит из древнего дворянского рода, в то время как проситель – выходец из мещанского сословия, выслужившей свое высокое социальное положение. Исходя из этого, командующий Главной императорской квартирой предлагал просьбу просителя не удовлетворять. Однако Александр III остановился на менее определенной форме отказа, отложив вопрос до «достижения совершеннолетия малолетним Еремеевым»².

¹ 10 мая 1881 г., через неделю после получения «Высочайшего повеления» о пересмотре правил Секретного Наставления 1858 г. С.А. Долгорукий подал императору докладную записку, в которой спрашивал о судьбе дел об узаконении и усыновлении, находящихся в производстве Комиссии. Высказанная статс-секретарем мысль о возможности временного сохранения прежней практики была удостоена резолюции «Конечно». РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 861. Л. 457–458.

² Там же. Д. 880. Л. 305–305 об.; Оп. 26. Д. 80.

Прошения дворян о передаче своим воспитанникам-дворянам имущественных прав¹, как правило, отклонялись без доведения до сведения императора, а иногда даже и Командующего. Так, на уровне Канцелярии последовал отказ на ходатайство статского советника М.М. Ковалевского об усыновлении ему с предоставлением права наследования в родовом его имуществе дочери «профессорши Стокгольмского университета, Софьи Васильевны Ковалевской» и «мужа ее Владимира Онуфриевича, одиннадцатилетней дворянке Софье». Тем не менее, вместе с отказом он получил рекомендацию о возможности хлопотать о передаче отчества (фамилии у воспитателя и воспитанницы и так были одинаковыми). Этот поворот событий не удовлетворил просителя, и он нового прошения подавать не стал².

Отсутствие единой не только правовой, но даже административной нормы делает анализ практики усыновления крайне затруднительным. В целом судьбу ходатайства заранее было трудно предсказать, ведь на пути к положительному решению стояло несколько преград. Прежде всего, принципиальное значение имели факты, которые собирались по конкретному делу на местах и доводились (или не доводились) до высшей администрации. «Негласное» расследование о семье просителя производилось в отношении служащих дворян – его начальством, а неслужащих – уездным и губернским предводителями дворянства, при необходимости могли быть привлечены и жандармские органы. Если дело было «обычное», то отзыв, как правило, содержал подробное изложение всех его обстоятельств, по итогам которых следовала резолюция, что «проситель заслуживает оказания ему особой Монаршей милости». Иная ситуация складывалась, если следствие вскрывало какие-либо «подводные камни», тогда готовящиеся на местах бумаги бывали двух видов. При первом, наиболее частом варианте, в них излагалась вся полученная информация, а в заключение подписавшее документ лицо сообщало, что либо «считает своим долгом воздержаться от заключения, заслуживает ли ... оказания ему особой Монаршей милости», либо «не решается высказать» на этот

¹ Акт усыновления у дворян не предоставлял усыновленным никаких прав на родовую собственность усыновителя. См.: Законы Гражданские / сост. А. Боровиковский. Ст. 396–399, 1011, 1029, 1067–1069. С.87–89; 268–270; 276–277; 288–290.

² РГИА. Ф. 1412. Оп. 10. Д. 988.

счет «положительное мнение»¹. Реже чиновники местного уровня скрывали от чинов Канцелярии истинную подоплеку событий, превращая экстраординарные обстоятельства в обыденные. Так, при выяснении сути семейного дела дворянина И.Н. Данилевского, ходатайствовавшего об усыновлении приемыша Александра, выяснилось, что ребенок был незаконным сыном одного из детей просителя. Первоначально эта информация была внесена в проект ответа. Однако в окончательном, подписанном губернским предводителем дворянства гр. А.А. Бобринским варианте документа, неблагоприятные для просителя факты отсутствовали, и указывалось лишь, что он вполне заслуживает «монаршей милости»².

Внутри самой Канцелярии прошений просителю важно было заручиться согласием рядовых чиновников, чтобы его обращение было доведено до сведения Главноуправляющего. Затем принципиальное значение имела позиция Главноуправляющего о том, достойно ли прошение рассмотрения его монархом. Наконец, последнее слово было за Александром III, который в отличие от своего предшественника и преемника был совершенно самостоятелен в выводах и нередко (правда, в основном по другим вопросам³) отходил от рекомендаций, предлагаемых ему Канцелярией.

Однако слухи о лояльном отношении государя к прошениям об узаконении и усыновлении, все возраставшее число удачных ходатайств, да и сама подготовка проекта закона об узаконении и усыновлении стимулировали наплыв обращений. Характерно, что если на двадцатитрехлетний период с 1858 по 1880 г. приходится 31% всех поданных дворянами ходатайств, то на десятилетие с 1881 по 1890 г. – 33%, а оставшиеся 36% – на 27 лет, с 1891 по 1917 г.

Противоречивость ситуации, при которой подача прошений об узаконении и усыновлении была законодательно запрещена, а поданные, и что особенно странно, удовлетворенные, ходатайства насчитывались тысячами, вызвала необходимость отменить наконец бесполезное примечание к ст. 144 Законов Гражданских. Интересно, что вопрос об исключении его из нового издания Свода Законов был поднят Кодификационным отделом при Государственном совете только в 1887 г., т. е. спустя почти 30 лет после начала

¹ ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 1419, 1426.

² Там же. Д. 1398.

³ Речь идет, прежде всего, о просьбах предоставить пособие. Александр III постоянно сокращал рекомендуемые ему суммы или даже вообще отвергал ходатайства, заслужившие поддержку О.Б. Рихтера. См.: РГИА. Ф. 1412.

применения Секретного наставления 1858 г. и превращения узаконения, а затем и усыновления в массовое явление¹.

Подготовка и согласование нового законопроекта тянулись почти 10 лет. Наконец, 12 марта 1891 г. в действие вступил закон «О детях узаконенных и усыновленных»². Документ касался трех основных правовых случаев. В первой его части речь шла о судьбе детей, родившихся от брака, признанного впоследствии духовным судом незаконным и недействительным. Как уже отмечалось, ранее законодательство признавало допустимым обращение к царю с просьбой о предоставлении этим детям прав законных только за «невиновным супругом, вступившим в такой брак по неведению или принуждению». Теперь же такое право было отнесено к компетенции светского суда, рассматривавшего дело о незаконном браке до или после суда духовного.

Вторая часть документа подробно излагала условия узаконения детей последующим браком их родителей. Правила эти касались только христианского населения и, как отмечалось, не распространялись на «рожденных от прелюбодеяния». Процедура узаконения должна была осуществляться в Окружном суде, куда отец и мать подавали вместе с соответствующим прошением метрические свидетельства о рождении детей и о заключении брака, а также подписку в том, что дети происходят от них. При соблюдении всех формальностей суд выносил определение об узаконении, предоставлявшее детям права законных со дня венчания родителей. Таким образом, процесс узаконения распадался на два этапа: событие брака и определение суда об узаконении, причем событие брака хотя и являлось моментом возникновения прав узаконяющих и узаконяемых, но в то же время зависело от санкции суда, и постановление судом определения об узаконении являлось безусловно необходимым для придания событию брака законных последствий.

В третьей части закона устанавливались общие для всех сословий правила узаконения. В то же время п. 11 этих правил утверждал для крестьян и мещан систему приписки, основанную частично на старых, частично на новых принципах³. Все остальные лица обо-

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 24. Л. 72–74 об.

² ПСЗ. Собрание—3. Т. XI. 1891. № 7525. СПб., 1894. С. 111–114.

³ К старым основаниям относилось, например, разрешение крестьянам и мещанам усыновлять вне зависимости от наличия или отсутствия в семье собственных законных детей.

его пола, не имевшие собственных детей и достигшие 30-летнего возраста, получали право «усыновить своих воспитанников, приемшей и чужих детей» посредством специальной процедуры в Окружном суде. Усыновленные вступали по отношению к усыновителю «во все права и обязанности законных детей» и приобретали «права наследования в благоприобретенном имуществе усыновителя»¹. Закон особо оговаривал, что усыновление не предоставляло права на пенсию и единовременное пособие за службу усыновителя. Таким образом, решение Государственного совета, вступившее в силу 8 апреля 1891 г., то есть спустя три недели после утверждения новых правил усыновления, и предоставлявшее усыновленным личными дворянами возможность воспользоваться пенсией после смерти своих воспитателей, относилось только к случаям, имевшим место с 1877 по 1891 гг.

Воспрещалось усыновление христиан нехристианами и «сих последних лицами христианского вероисповедания». Усыновители², кроме потомственных дворян, получали право передать свою фамилию воспитанникам с согласия родителей последних. В отношении же желавших передать имя потомственных дворян сохранялось требование получения «Высочайшего соизволения, испрашиваемого после усыновления, в порядке и при условиях, указанных в приложении к ст. 324 Т. IX Законов о состояниях»³. Усыновленные дворянами и почетными гражданами лица, имевшие меньшие права состояния, получали право на личное почетное гражданство, за свидетельством о котором полагалось обращаться в Департамент герольдии Сената после вынесения постановления Окружным судом.

Возможность возникновения на практике многочисленных ситуаций, выходящих за пределы действия новой правовой нормы, была очевидной еще для создателей документа. Поэтому при представлении законопроекта в Государственном совете Министерство юстиции обратило внимание на необходимость сохранения для таких случаев особого способа узаконения и усыновления «в виде изъятия из правил ... закона, по Монаршему милосердию, в силу

¹ Только усыновителя, но не его родственников, в наследовании после которых усыновленный мог участвовать только тогда, когда имел на «сие право по законному» с ними родству.

² Незамужние женщины – усыновительницы, желавшие передать свою фамилию усыновленным, должны были заручиться согласием своих родителей.

³ Это примечание включало текст правил 4 ноября 1863 г. «О порядке передачи дворянами фамилий, гербов и титулов». См.: Канторович Я.А. Законы о состояниях. С разъяснениями... СПб., 1911. С. 778–779.

особого ...акта Верховной Власти». В самом тексте о наличии такой возможности решено было не говорить, с одной стороны, из соображений морально-нравственного свойства (чтобы не ослабить «побудительных причин ко вступлению в брак»), а с другой – с учетом предшествовавшего опыта, убеждавшего, что даже прямое запрещение подавать прошения отнюдь не способно остановить заинтересованных лиц¹.

Далеко не все люди, ходатайства которых не подпадали под действие правовых норм, были готовы сразу же обратиться к главе государства. Поэтому целый ряд «сомнительных случаев», не доходя до императора, становился предметом рассмотрения судебной власти. Достаточно часто внутреннее убеждение судей оказывалось сильнее требований закона, особенно в таких делах, в которых было возможно различное толкование одного и того же постановления. В результате в отношении усыновления и узаконения дворянами сложилась крайне разнообразная судебная практика, различавшаяся не только в зависимости от учреждения, но имевшая специфику даже в рамках одного и того же органа.

Наибольшие «сомнения» судебных чинов вызывали основные положения правил, которые, казалось бы, совершенно четко определяли, кто имел и кто не имел права на «благоденствие нового закона». Речь шла о возможности узаконить «детей, произошедших от прелюбодеяния» и усыновить собственных незаконнорожденных детей.

Общеупотребимым в юридической литературе второй половины XIX – начала XX в. было обозначение термином прелюбодеяние запрещенной законом внебрачной плотской связи лица, состоящего в браке. Отсюда с очевидностью вытекало положение, что все дети, рожденные вне брака в период, когда один (или оба) родителя находились в нерасторгнутом супружестве, должны считаться произошедшими от прелюбодеяния. Но при всей кажущейся ясности Сенату приходилось неоднократно возвращаться к этому вопросу², поскольку Окружные суды и даже Судебные палаты часто принимали решение об узаконении детей в случаях, если «нарушение супружеской верности не было предварительно установлено судом

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 24. Л. 102.

² См., напр.: Решения Гражданского Кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1892 г. № 90 и 1898 г. № 32; Гражданская практика Кассационного Сената за 1892 и 1893 годы. СПб., 1901. С. 123–124; Канторович Я.А. Законы об узаконении и усыновлении детей... С. 49–50; Мартынов Н. Узаконение и усыновление детей. С. 16.

уголовным», если наличие самого брака вызывало сомнение в связи с безвестным отсутствием одного из супругов и, наконец, если предшествующее супружество признавалось незаконным и недействительным¹. Тем не менее, судебные органы не спешили отказываться от самостоятельной позиции и выполнять постановления главного кассационного органа страны².

В отношении усыновления собственных незаконнорожденных детей также сложилась довольно разноречивая судебная практика. Одни суды твердо держались мнения, что закон запрещает усыновление таких незаконнорожденных. Об этом свидетельствовало, например, определение Санкт-Петербургского суда от 25 августа 1892 г. по ходатайству дворянки П-вой об усыновлении ей воспитанников Евгении и Александра. Суд определил, что, согласно ст. 1 Правил от 12 марта 1891 г. «не дозволяется усыновлять своих собственных детей, незаконных» и потому окружной суд, выслушав заключение товарища прокурора, определил: «прошение поверенного дворянки... оставить без последствий». На это решение суда поверенный де Плансон принес жалобу, доказывая, что просительница не является матерью воспитанников. Но судебная палата из документов обнаружила: «1) что дворянка Екатерина П-ова... ходатайствует об усыновлении под видом воспитанников, собственных незаконнорожденных детей; 3) в доверенности от 27 июля 1892 года Плансону она прямо называет Александра и Евгению своими детьми; ... 5) по закону дозволяется усыновлять только своих воспитанников, приемышей и чужих детей..., а под понятием воспитанников

¹ Напр., в марте 1902 г. С.-Петербургская Судебная палата признала возможность узаконения титулярному советнику И.П. Чертикову и жене его С.К. Чертиковой (урожд. Косовской) девочки Софьи, записанной в метрической книги законной дочерью коллежского асессора И. Грунского. Основанием к этому послужило признание брака Грунского и Косовской незаконным и недействительным, следовательно, толковала Палата, рождение в этом сожителстве внебрачного ребенка не могло быть признано прелюбодеянием. ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 1691. Л. 1–10.

² Свое невыполнение требований верховного кассационного органа страны суды первых инстанций обосновывали тем, что решение судебного места не могло быть признаваемо «общим и для всех обязательным законом». Следовательно, толковали они 68 и 69 статьи Основных законов, любая кассация непреложна лишь для того дела, о котором идет речь в постановлении. (Ст. 68—окончательное судебное решение частного дела имеет силу закона для того дела, по коему оно состоялось. Ст. 69 – Судебные решения дел частных могут быть приводимы в пояснении в докладах, но не могут быть признаваемы законом общим, для всех обязательным, ниже служить основанием окончательных решений по делам подобным). Св. Зак. Т. I. Ч. 1. Ст. 69. СПб., 1892. С. 17–18.

не могут разумеются собственные незаконные дети усыновителя. Своих собственных незаконных детей можно узаконить, а не усыновить». Дело было прекращено¹.

Вместе с тем, аналогичный случай мог быть по прохождении нескольких инстанций решен и по-другому. Так, Саратовский окружной суд, рассмотрев прошение дочери титулярного советника девицы Александры об усыновлении ей незаконнорожденного сына ее Владимира, постановлением от 17 июля 1891 г. оставил ходатайство без последствий. Саратовская же судебная палата, в которую эта девица обратилась с частной жалобой, вынесла спустя несколько месяцев прямо противоположное определение, мотивируя его тем, что «лицу женского пола, не вступившему в брак, каковым в данном случае является просительница, разрешается усыновлять детей» и что «нигде в законе не усматривается запрещения усыновлять детей своих, прижитых вне брака»².

Как видим, практически одновременно в двух судебных палатах были приняты взаимоисключающие решения. Каждая из судебных инстанций при этом имела возможность апеллировать к закону. С одной стороны, отсутствие в новом законе прямого запрещения на усыновление незаконнорожденных детей и довольно широкое толкование понятий «воспитанники», «приемыши» и «чужие дети» вроде бы разрешало этот правовой акт. С другой стороны, было известно, что как министр юстиции, так и члены Государственного совета ориентировались на запрет усыновлять собственных незаконнорожденных детей. Отделить же воспитанников и приемышей от чужих детей они вынуждены были потому, что незаконнорожденные дети, вообще не имевшие родителей, не могли быть названы «чужими», так как они были «ничьи». На этих основаниях в 1893 г. и состоялось решение Общего собрания Сената³. Однако, столкнувшись с массовым нарушением судами предложенного им толкования, Сенат в 1899 г. был вынужден отказаться от своей позиции и

¹ Шматков К. Узаконение и усыновление детей. СПб., 1894. С. 34.

² Там же. С. 35.

³ Сборник решений Общего Собрания Кассационных и Первого с Кассационными Департаментов Правительствующего Сената за 30 лет (1866–1896), с приложением указателей: постатейного и алфавитного по фамилиям и разрешенным вопросам / под ред. А.К. Гаугера. СПб., 1912. С. 870–871.

признать возможность усыновления собственных незаконнорожденных детей¹.

Определенные сложности при усыновлении вызывало и требование обязательного предоставления согласия супруга усыновителя, которое далеко не все заинтересованные лица могли получить, особенно, если они продолжительное время жили раздельно.

Обязательным условием усыновления в соответствии с законодательством являлось и согласие родителей усыновляемого. Однако суды и в данном случае могли пойти навстречу просителям. Например, бездетный капитан П-ин просил усыновить ему малолетнего пасынка Владимира «ввиду согласия матери последнего». Подписки отца ребенка о разрешении усыновления к делу представлено не было, но усыновитель объяснял, что «первый муж матери усыновляемого Оскар Б-с бросил жену свою еще во время ее беременности и не только не заботился о воспитании ребенка, но даже никогда не видел его, и что брак супругов был расторгнут вследствие прелюбодеяния мужа, который в настоящее время неизвестно где скрывается». Суд нашел объяснения исчерпывающими и дал согласие на усыновление².

В случае же безвестного отсутствия родителей усыновляемого лицу, ходатайствующему об усыновлении, суд на вполне законных основаниях выдавал свидетельство для назначения опекуна или попечителя к несовершеннолетнему, который и принимал участие в судебной процедуре, изъявляя согласие на усыновление.

Отдельной проблемой в области усыновления стал вопрос об именовании приемных детей. В прошении усыновители обычно ходатайствовали о передаче своей фамилии и отчества усыновляемому. Принятие решение входило в компетенцию окружного суда, если усыновленный не пользовался большими правами состояния сравнительно с усыновителем. Проблема получения отчества вообще не была разъяснена законодательством. Во многом это было связано с тем, что, как отмечалось, сам факт обязательности добавления к официальному имени человека имени его отца в законе не предусматривался, а являлся элементом обычая. На практике, если усыновляемый совсем не имел отчества (незаконнорожденный или подкидыш), то суды легко соглашались на предоставлении ему

¹ Дополнение к сборнику решений Общего Собрания Кассационных и Первого с Кассационными Департаментов Правительствующего Сената за 1896–1900 г. / под ред. А.К. Гаугера. СПб., 1912. С. 119–121.

² Шматков К. Узаконение и усыновление детей. СПб., 1903. С. 113.

отчества по имени усыновителя. Вопрос же о том, может ли быть при усыновлении законных детей предоставлено им отчество их усыновителя, решался по-разному и доходил даже до рассмотрения Сената.

Вопрос о фамилии в случае усыновления детей потомственными дворянами мог быть решен только императором. Но беспокоили по этому поводу монарха далеко не все заинтересованные лица.

Во-первых, довольно значительная часть дворян-воспитателей, приписывая своих воспитанников к податным сословиям, умудрялась каким-то образом обозначить их в новых документах под своей фамилией и соответствующим отчеством. В дальнейшем Окружной суд, а за ним и Сенат просто фиксировали эту фамилию.

Во-вторых, отдельные суды, явно превышая определенные законом полномочия, принимали решения о наделении ребенка фамилией усыновителя, не обращая внимания на сословие последнего.

И, наконец, в-третьих, значительную долю работы по наделению фамилией усыновленных потомственными дворянами лиц взял на себя (опять-таки вопреки закону и по собственной инициативе) Департамент герольдии Сената. В соответствии с правилами 12 марта 1891 г. лицам, усыновленным почетными гражданами и дворянами, но при этом имевшим меньшие права состояния, полагалось присваивать личное почетное гражданство. Считая, однако, что ограничения на передачу фамилии дворянами обоснованы только в том случае, когда получатель, сам являвшийся потомственным дворянином, приобретал вместе с фамилией еще и права на титул и герб, Департамент герольдии стал не только выдавать свидетельства на личное почетное гражданство, но сразу, не дожидаясь решения императора, производил запись в них фамилии и отчества. В результате сложилась обратная законной практика решения этого вопроса: не царь давал Сенату указ, разрешавший передачу фамилии, а Департамент герольдии готовил определение с указанием лица, получавшего требуемое право состояния, куда сразу же заносил его новые фамилию и отчество. И уже потом постановление, решавшее сразу две задачи, передавалось на утверждение главе государства через министра юстиции¹.

Если же потомственные дворяне до своего обращения в Департамент герольдии подавали ходатайство о наделении воспитанни-

¹ См., напр.: РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 24. Л. 275–276.

ков их фамилиями в Канцелярию прошений, то судьба этих обращений зависела от многих причин. Прежде всего, чиновники выясняли, шла ли речь о предоставлении фамилии (незаконнорожденным, подкидышам и найденным, у которых ее просто не существовало) или о ее перемене (у детей, рожденных в законном браке и носивших имя своего юридического отца). В первом случае положительное решение достигалось легко, хотя и не очень быстро, так как проводилось через всеподданнейший доклад¹. Совершенно иная ситуация складывалась во втором случае. Здесь учитывалось много дополнительных обстоятельств: сословие воспитанника (если он не был потомственным дворянином, то проблем, как правило, не возникало), статус просителя и лиц, представивших свои рекомендации, другие возможности повлиять на позицию чинов Канцелярии. Но в целом такие ходатайства принимались вполне благосклонно.

А вот прошения о предоставлении усыновленным лицам прав состояния усыновителя крайне редко принимались к рассмотрению, и лишь в незначительном количестве случаев по ним принималось благоприятное для просителя решение, да и то в основном удовлетворялись прошения наиболее знатных и значимых лиц.

Помимо вопросов, связанных с наделением воспитанников фамилиями и правами состояния, Канцелярия рассматривала еще довольно много проблемных ситуаций, не предусмотренных законом 12 марта 1891 г. Среди них следует особо выделить просьбы об узаконении детей, происшедших от «прелюбодеяния» или от признанных недействительными браков; об усыновлении детей, воспитатели которых уже имели законных детей; о введении в семью на разных основаниях собственных незаконнорожденных детей; прошения от лиц нехристианского исповедания; от самих детей, желавших после смерти родителей приобрести статус узаконенных или получить их фамилию. В целом, в течение 1890-х гг. в Канцелярию поступило 3105 ходатайств (1023 – об узаконении и 2082 – об усыновлении). Из них было удовлетворено всего 1200, или 38,6%. Распределение получивших поддержку власти ходатайств было следующим: 361 касались узаконения (35,2% от поступивших по данному поводу прошений) и 839 – об усыновлении (или 40,2% от всех поступивших просьб об усыновлении)².

Работа Канцелярии в области усыновления и узаконения в 90-е гг. XIX в. была построена на прежних основаниях: выяснении степени

¹ См., напр.: РГИА. Ф. 1412. Оп. 241. Д. 24. Л. 243–246.

² Там же. Л. 330.

обоснованности прошения, поскольку от этого зависело отношение к нему чиновников учреждения; уточнения социального положения просителя; наличия или отсутствия рекомендации. Стиль работы ведомства не изменился, несмотря на воцарение в 1894 г. Николая II и вопреки проведенной новым императором реорганизации Канцелярии. В феврале 1895 г. по рекомендации О.Б. Рихтера ведомство по принятию прошений было выведено из состава Императорской главной квартиры и получило самостоятельный статус, сохранившийся до 1917 г. Должность Главноуправляющего в 1895 г. занял Д.С. Сипягин, а с конца 1899 г. – барон А.А. Будберг¹. Новый император (точно так же, как в свое время его дед) практически не вмешивался в дела Канцелярии, подписывая предложенные ему резолюции, и обращая внимание только на дела лично известных ему просителей.

Итак, и к началу XX в., несмотря на издание закона 12 марта 1891 г., значительная часть дел, связанных с узаконением и усыновлением детей дворянами, решалась вне законной судебной процедуры, а исключительно административным вмешательством. В то же время и в суде отсутствовал единый подход в толковании закона, что указывало на объективную потребность его корректировки с учетом жизненных реалий.

Работа над текстом правил узаконения и усыновления детей, включавшим также легализацию положения незаконных детей, велась еще с 1880-х гг. Однако новый закон «Об утверждении правил об улучшении положения незаконнорожденных детей» появился лишь 3 июня 1902 г.²

По новым правилам, имевшим, что особенно важно, и обратную силу, дети от браков, которые признавались духовным судом незаконными и недействительными, не нуждались более в процедуре узаконения, так как вне зависимости от вины родителей они сохраняли все права законных. Отменялось ограничение узаконения детей, прижитых от прелюбодеяния. Усыновление своих собственных внебрачных детей не только официально разрешалось, но имело даже особые льготы: возможность усыновления ранее достижения усыновителем 30-летнего возраста, сокращение разницы в возрасте между усыновителем и усыновленным менее 18 лет; право на усыновление и при наличии законных или узаконенных детей (если они

¹ Писарев С.Н. Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, приносимых на высочайшее имя. 1810–1910. Исторический очерк. СПб., 1909. С. 169–171.

² ПСЗ. Собрание–3. Т. XXII. 1902. № 21566. СПб., 1904. С. 492–495.

совершеннолетние, то при их обязательном согласии, если же они несовершеннолетние, то с согласия другого их родителя); необходимость согласия матери внебрачного при усыновлении его отцом только в случае, если она значилась в метрике о рождении ребенка.

При этом Правила 1902 г. совершенно не коснулись положения лиц, не относившихся к христианскому вероисповеданию. Точно так же, как определялось еще в законе 1891 г., они не имели возможности узаконения своих внебрачных детей. Усыновлять же они могли только единоверцев. Таким образом, в случае возникновения не указанных в законе ситуаций, дворяне-нехристиане могли действовать только внесудебным порядком, а это означало, что, несмотря на значительное расширение полномочий суда в деле узаконения и усыновления, деятельность Канцелярии прошений по этим вопросам не могла прекратиться и, конечно, не прекратилась.

«Услуги» данного органа были нужны не только дворянам нехристианского исповедания, но и – в ряде случаев – христианам. Дело в том, что закон 1902 г. не решил судьбу детей, признанных законными от предшествовавшего брака их матерей. Хотя судами первых инстанций, как отмечалось, принимались отдельные, частные решения о том, что дети «не могут быть лишены права доказывать незаконность своего рождения, коль скоро это требуется в собственном их интересе»¹, тем не менее, и Сенат, и большинство судов низших инстанций отрицали право законных детей на узаконение, несмотря ни на какие выгоды. Так, в уже в 1902 г. Псковским окружным судом и Санкт-Петербургской судебной палатой была отвергнута просьба отставного статского советника Д.И. Поддубского и жены его об узаконении им их детей Аглаиды, Владимира и Дмитрия, значащихся в метрических книгах законными детьми провизора П. Шульца. Характерно, что проситель совершенно не скрывал, что смысл предпринятого им производства заключался в предоставлении его детям потомственного дворянства². В итоге для узаконения последующим браком детей, уже имевших статус законных и носивших фамилию бывшего мужа матери, родителям надо было обращаться в Канцелярию. Туда же должны были подавать свои прошения об усыновлении и лица, уже имевшие собственных детей, и те, у кого не было требуемой возрастной разницы между усынови-

¹ Мартынов Н. Узаконение и усыновление детей. С. 35–38.

² ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 1692.

телем и усыновленным, а также люди, желавшие отменить уже произведенное окружным судом усыновление¹.

Вообще в начале XX в. Канцелярия значительно расширила свою компетенцию, выходя за все мыслимые правовые пределы. Так, совершенно обычным явлением стало разрешение посредством всеподданнейшего доклада передавать внебрачным детям по просьбе их матерей дворянские фамилии отцов, что особенно часто практиковалось в связи со смертью отца, преимущественно – офицера². Однако бывали случаи, когда и при жизни отца, не имевшего по каким-то причинам возможности усыновить своих внебрачных детей (как правило, в связи с тем, что он состоял в браке, а жена либо была против, либо вообще не знала об их существовании), ходатайство подавала мать³.

Итак, в начале XX в. усыновление и узаконение детей дворянами превратилось в совершенно «обыденное дело». Основная масса просьб проходила через судебные органы и осуществлялась в соответствии с нормами закона, но продолжал действовать и административный способ решения проблем. В Канцелярию прошений ежегодно поступало около 350 ходатайств по данному поводу и еще почти 500 – по вопросам изменения и предоставления фамилии, в том числе и по поводу приобретения фамилии в связи с усыновлением⁴. Помимо этого, за период с 1858 г. до начала 1917 г. на «высочайшее имя» с просьбами об узаконении и усыновлении детей дворянами было подано от 15 до 20 тыс. ходатайств, или, по крайней мере, по 1 от каждых 10–15 дворянских родов. При этом наибольшее число прошений (причем, как правило, удовлетворенных) характерно для самых знатных и влиятельных дворянских семей.

¹ См., напр., прошение бывшего вице-губернатора Таврической губернии Н.П. Стремоухова (1908 г.) об отмене акта усыновления, так как приемный сын «стал его оскорблять, обижать и даже возбудил дело о признании его сумасшедшим». Вопрос решался на уровне Главноуправляющего, который просителю отказал. РГИА. Ф. 1412. Оп. 17. Д. 1343. Точно такая же просьба, поданная в 1903 г. крестьянином А. Перегудой, благополучно дошла до императора и была удовлетворена. Там же. Оп. 15. Д. 378.

² См., напр., дело мещанки, православной еврейки Е.Н. Линецкой (впоследствии по мужу дворянки Агарковой) об узаконении ее дочери погибшему капитану И.Ф. Плешивому. Канцелярия сообщила ей, что узаконить девочку нельзя, так как не было брака, но специальным императорским указом ребенок получил фамилию и отчество отца, а также права потомственного гражданства. Там же. Ф. 1412. Оп. 15. Д. 1416.

³ См., напр.: Там же. Оп. 19. Д. 133; Ф. 1343. Оп. 42. Д. 82.

⁴ Писарев С.Н. Указ. соч. С. 178.

В результате узаконения дети полностью уравнивались в правах с законными детьми. Пределы внесудебного усыновления дворянами, как отмечалось, зависели от прав, предоставленных новоиспеченным родителям и детям «верховой властью». Такие права могли колебаться от полного уравнивания усыновленных в правах с законными детьми, включая даже сословные, имущественные и наследственные вопросы, а могли ограничиваться исключительно получением воспитанником имени и отчества своего воспитателя. Судебное усыновление предполагало установление между сторонами отношений, совпадавших с закрепленной законом практикой личных связей между родителями и детьми, но отличавшейся в части имущественной и, особенно, наследственной.

В целом, в дворянских семьях широко были распространены как воспитание чужих детей и приемышей (частью подкидышей неизвестного происхождения, частью – детей родственников и знакомых из дворян), так и попытки устроить судьбу собственных незаконно рожденных детей. На протяжении десятков лет государственная власть устанавливала против этого многочисленные запреты, но она сама же предоставляла шансы обойти несправедливый закон, что, конечно, не могло не отразиться на статусе законности и отношении к праву в российском обществе.

* * *

Итак, в правовом отношении все дети дворян (как, впрочем, и дети представителей других сословий в России) делились на две категории – законных и незаконных. Статус законных детей дворян определялся положением их отца. Причем в отдельных случаях отправной точкой являлся момент их рождения (статус детей иностранцев, впоследствии принявших русское подданство; положение детей дворян, лишенных прав состояния). В других же обстоятельствах такой статус мог подвергнуться изменению уже в течение жизни человека, по мере повышения сословия его родителя. Правила наделения лица наиболее существенными его атрибутами – фамилией и отчеством – так и не были в течение всего изучаемого периода законодательно определены. Однако это не мешало тому, чтобы изменение наименования дворянина могло происходить лишь по «высочайшему разрешению» и осуществлялось, большей частью, в целях поддержания умиравших дворянских родов.

Незаконным детям российское законодательство отказывало во всяком родстве с родителями. Тем не менее, всё более широкое

распространение в дворянских семьях получало воспитание чужих детей и приемышей. Не меньше усилий дворяне тратили и для устройства судьбы собственных незаконнорожденных детей. Противоречивость государственной политики в данном вопросе выразилось в том, что, с одной стороны государство устанавливало против указанного явления многочисленные официальные препоны, но с другой – предоставляло, зачастую негласно, шансы обойти несправедливый закон.

Масштабы осуществления «беззаконной справедливости» были столь внушительны, что постепенно в практике занимавшихся ее проведением учреждений сложились особые административные правила, определявшие как условия, так и порядок предоставления человеку тех или иных нигде не прописанных или прямо противоречащих закону семейных прав. Вместе с тем, наличие такой административной регламентации не мешало осуществлению в массовом порядке чиновничьего произвола. При прочих равных условиях в общей массе дворян значительно более высокими шансами на успех ходатайства об узаконении или усыновлении детей обладали представители известных фамилий и те, кто имел высокую протекцию.

ГЛАВА II

ОТКРЫТИЕ ДЕТСТВА

В. Маковский «Дети, играющие в мастерской»

В ожидании...

В середине XIX в. периоды беременности и родов составляли значительную часть жизни дворянки, впрочем, как и представительниц других сословий. Если говорить о состоявшей в браке и не жившей раздельно с мужем женщины, у которой не было проблем со здоровьем, то она могла родить в течение жизни 15–20 детей. Как отмечает современная исследовательница доиндустриальной дворянской повседневности А.В. Белова, «многократно повторявшиеся беременности (вплоть до 22-х) должны были способствовать восприятию их дворянками как своего естественного, ординарного физиологического и психологического состояния»¹.

Соглашаясь в целом с этим высказыванием, заметим всё же, что восприятие беременности как «ординарного» явления в личной жизни дворянок (и в какой-то мере дворян-мужчин) формировалось, безусловно, не сразу. Оно становилось всё более привычным лишь от одной беременности к другой. И в этом плане ожидание первенца едва ли можно ставить в один ряд, допустим, с десятой или двадцатой беременностью. Многие зависело также от особенностей воспитания, идейных ценностей и психологических установок родителей: если для одних целенаправленные занятия с детьми мыслились не ранее, чем с пяти-, а то и с шестилетнего возраста, то для других было свойственно более вдумчивое и даже трепетное отношение к внутриутробному периоду развития своих детей.

С первым из названных вариантов можно познакомиться, обратившись к воспоминаниям Елены Алексеевны Кравченко (урожденной Кропоткиной). В сентябре 1856 г., в 20-летнем возрасте, желая скорее покинуть опостылевший отчий дом, она вышла замуж за небогатого петербургского чиновника Н.П. Кравченко. Свои взгляды в отношении различных нюансов семейной жизни к моменту замужества сама Елена характеризовала так: «Касательно любви не понимала ровным счетом ничего, об замужестве имела темные понятия, т.е. вот выйдешь замуж, надо мужа – любить, все надо

¹ Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середина XIX в.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. С. 380.

терпеть от него, ибо он глава семьи, что мужа не любить грех, и что дети бывают когда замужем, как и почему конечно не знала»¹.

Немало строк в воспоминаниях посвящено беременности Е.А. Кравченко. Происходившее у нее время от времени ухудшение самочувствия «бесило мужа ужасно, ...он не мог понять того, что при моем положении являющиеся недуги были нормальны». Вспоминала Елена Алексеевна также случаи, когда она «сверх силы» готовилась к совместному с Н.П. Кравченко походу в оперу, но неожиданные приступы тошноты вызывали злость и насмешки мужа: «...плюнет, крикнет и один уедет»².

Если у Н.П. Кравченко положение жены вызывало откровенное раздражение, то сама Елена Алексеевна проявляла, судя по ее воспоминаниям, совершенную беспечность в отношении своего состояния. Ссылаясь на свою «неопытность», Е.А. Кравченко признавала, что она «не консультировалась ни у одного медика и даже не нашла заблаговременно акушерки». Подобная беспечность стала одним из факторов, усложнившим как протекание беременности, так и сами роды: «Я не имела понятия о приближении родов ... В три часа ночи было мне очень скверно, разбудила мужа, но он все уверял, что нельзя ночью бежать, и что все это пустяки одни. Далее шести утра не дотянула, муж пошел искать [повивальную] бабку, нашел по вывеске первую попавшуюся, молодую ветреную кокетку... До трех часов дня довела она меня до мучений адских, потом сказала, что нужен акушер. День был воскресный, все доктора больше на даче, так что муж мой избился силами искать их, и наконец привез действ[ительного] стат[ского] сов[етника] Брауна из Воспитательного дома... 18 часов мучилась я, роды были неправильные, ребенок задушен. Так и не видела я своего первенца, мне не показали, муж отвез и схоронил его сам»³.

Совершенно другая картина настроений и действий периода «ожидания» ребенка предстает перед нами со страниц дневниковых записей представителя следующего поколения семьи Кравченко—Половцовых.

Анатолий Викторович Половцов был типичным представителем формировавшейся во второй половине XIX в. группы «новых идейных родителей», о специфике которой мне уже приходилось пи-

¹ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1196. Л. 61.

² Там же. Л. 102 об., 109.

³ Там же. Л. 110–110 об.

сать¹. Молодой муж вел в своем дневнике учет месячного цикла жены – Екатерины Николаевны Половцовой (урожденной Кравченко), а также фиксировал все произошедшие «пивво» (так он обозначал половые акты). При этом он отмечал, что «во время пивво думал о будущем ребенке и о том, чтобы он был действительно «человеком»»².

С того времени как начало беременности было подтверждено врачами, оба – и мать, и отец – начали вести специальные «дневнички». А.В. Половцов так комментировал этот факт: «Необходимо чтобы ежедневно как самой беременной, так и мужем ее (последним в виду большей возможности объективно относиться к разным явлениям беременности) велся обстоятельный дневник беременности, в который ежедневно бы заносились число часов сна, занятий, прогулок, еда, аппетит и всевозможные болезненные уклонения». В своих записях будущей отец постоянно обращался к важности интеллектуальной деятельности для беременной женщины: «Человек рождается с известным количеством мозга. Развитие, ум зависят от извилин мозга. Может быть, серьезное умственное занятие матери во время беременности содействует тому, что сын родится с большим против обыкновенного количеством извилин мозга и следовательно дальнейший вид развития будет ему облегчен, так сказать сокращен»³. Оба супруга постоянно читали специализированную литературу, тщательно соблюдали все рекомендации врачей. Наконец, настал столь важный день, и отец провел все долгие часы родов на кресле возле кровати жены⁴.

Как и в предшествующие столетия, рождение детей у дворян во второй половине XIX – начале XX вв. происходило практически исключительно дома. Врачебная акушерская помощь была явлением достаточно редким и доступным лишь в крупных городах или очень состоятельным людям, имевшим возможность позаботиться о приглашении доктора заранее. Последнее же было крайне сложно организовать хотя бы потому, что срок предстоящих родов традиционно высчитывали сами женщины, причем делали они это уже во второй половине беременности, когда окончательно убежда-

¹ Веретенко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). 2-е изд., доп. и испр. СПб., 2009. С. 613–636.

² ОР РНБ. Ф. 601. Д. 55. Л. 1–14.

³ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 56. Л. 9–10 об.

⁴ Там же. Д. 55. Л. 34.

лись в самом ее факте. В результате они могли легко ошибиться на 1–2 месяца в одну или другую сторону¹.

В крупных провинциальных городах практиковало всего два – три врача, к которым можно было обратиться, правда, они могли оказаться сильно загруженными, заниматься инфекционными больными или опоздать, а то и вовсе не явиться к родам по каким-либо другим причинам. В сельской же местности ситуация с врачебной помощью была еще хуже. Так, например, заботливый муж и отец полковник К.П. Колзаков, отправленный в заграничную командировку во второй половине 50-х гг. XIX в., перед своим отъездом вывез семью из имения в Царское село. Единственной причиной переезда стало опасение за жизнь и здоровье его жены и троих маленьких детей, т.к. живя в деревне, которая, кстати, находилась недалеко от железной дороги и всего в ночном перегоне от Петербурга семья оказывалась «без доктора – без всякой помощи»².

В такой ситуации, а часто и заодно с обращением к доктору, провинциальные роженицы-дворянки вызывали одну из местных повитух, только очень небольшая часть из которых имела специализированное образование. В основном же это были крестьянки, либо приобщившиеся к своему ремеслу по наследству, либо снискавшие всеобщее уважение пожилые женщины, сами родившие не менее десятка детей³. Как отмечает одна из современных исследовательниц, ремесло повитухи носило духовный, «мистический характер», выражавшийся в магической жестикуляции и в произнесении различных заговоров⁴. Но иногда и такой специалистки в области «повитушества» не находилось, поэтому дворянка, подчас родовитая и вполне обеспеченная, оказывалась предоставлена лишь сама себе, власти своих родных и милости божьей.

В этом плане весьма показательна история первых родов княгини М.Н. Волконской: «Роды были очень тяжелы, без повивальной бабки (она приехала только на другой день). Отец требовал, чтобы я сидела в кресле, мать, как опытная мать семейства, хотела, чтобы

¹ Белова А.В. Указ. соч. С. 422.

² ОР РНБ. Ф. 358. Д. 4. Л. 3 об.

³ Рейн Г.Е. Родовспоможение в России. Сборник докладов на IX Пироговском съезде. СПб., 1906. С. 3–28.

⁴ Рыжикова С.В. Родильная обрядность: от повитухи к домашней акушерке // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань: в 2-х т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, О.Д. Попова. М., 2014. Т. 1. С. 130.

я легла в постель во избежание простуды, и вот начинается спор, а я страдаю; наконец, воля мужчины, как всегда, взяла верх; меня поместили в большом кресле, в котором я жестко промучилась без всякой медицинской помощи. Наш доктор был в отсутствии, находясь при больном в 15 верстах от нас; пришла какая-то крестьянка из нашей деревни, выдававшая себя за бабуку, но не смела ко мне подойти и, став на колени в углу комнаты, молилась за меня. Наконец к утру приехал доктор, и я родила своего маленького Николая, с которым впоследствии мне было суждено расстаться навсегда. У меня хватило сил дойти босиком до постели, которая не была согрета и показалась мне холодной, как лед; меня сейчас же бросило в сильный жар, и сделалось воспаление мозга, которое продержало меня в постели в продолжение двух месяцев»¹.

За полстолетия до деревенских родов М.Н. Волконской похожая ситуация могла произойти и в самой столице Российской империи. Вот о чем вспоминала графиня В.Н. Головина (1766–1819 гг.): «Двадцати лет у меня были ужасные роды. На восьмом месяце беременности я захворала сильнейшей корью и была на краю могилы. Это случилось во время путешествия Императрицы в Крым. Часть докторов была с Ее Величеством, другие были в Гатчине во дворце, в котором Великий Князь Павел проводил часть лета. У молодых Великих Князей и Великих Княгинь не было кори, и поэтому доктора не могли приехать ко мне. Мне остался полковой хирург; он запустил болезнь; с ребенком, находившемся во мне, начались судороги; я терпела жестокие мучения. Граф Строганов, который был очень привязан ко мне, отправился к Великой Княгине, чтобы вызвать в ней участие к моему тяжелому положению. Она послала мне сначала доктора, потом акушера. Мои страдания были так сильны, что пришлось дать мне опиуму, чтобы усыпить меня на двенадцать часов. Когда я пробудилась от искусственного сна, у меня не было сил для разрешения от бремени; пришлось прибегнуть к инструментам. Я мужественно перенесла эту мучительную операцию; мой муж стоял близ меня, едва дыша, и я боялась, что он может упасть в обморок. Ребенок умер через двадцать четыре часа, но я узнала об этом по истечении трех недель. Я была при смерти, но постоянно спрашивала его, и мне отвечали, что волнение, которое я испытую при виде его, очень ухудшит мое положение»².

¹ Волконская М.Н. Записки М.Н. Волконской / предисл. М. Сергеева. Примеч. Б.Г. Кокошко. М., 1977. С. 16–17.

² Головина В.Н. Мемуары. М., 2005. С. 23–24.

В отличие от народной традиции, для которой было характерно ограничение пространства родов и отправка роженицы в баню или даже сарай, в дворянской среде рождение детей происходило в привычной для женщины обстановке – в семейной спальне или другом помещении дома или усадьбы. Отличались дворянские роды от крестьянских и еще одним – присутствием на них матери роженицы, ее других старших родственниц, а иногда и мужа¹. Но, в целом, уровень родовспоможения, с которым приходилось сталкиваться представительницам привилегированного сословия, мало отличался от родовспоможения незнатным и небогатым женщинам. Так что фраза о том, что «несчетное число матерей гибнет в городах и селах жертвами неумения или невежества подающих помощь роженицам», содержащаяся в записке, поданной в 1870 г. на медицинский факультет Киевского университета св. Владимира профессором патологии А. Шкляревским, касалась не только простого народа².

За двадцать пореформенных лет положение в этой области медицины значительно изменилось. В результате появления широкой сети повивальных школ, разного рода специализированных учебных заведений, дававших своим учащимся акушерскую подготовку, и, наконец, открытия в 1872 г. Курсов ученых акушеров при Медико-хирургической академии, к середине 80-х гг. XIX в. практически все дворянские дети появлялись на свет при помощи квалифицированных специалистов. В большинстве своем это были дипломированные повивальные бабки и акушерки, и очень редко, и только в крупных городах – врачи. Характерным, в этом плане, является порядок действий, осуществленный проживавшими в С.-Петербурге членами семьи сенатора С.И. Зарудного в 1875 г. Когда жена этого высокопоставленного чиновника, находившаяся на сносях, почувствовала приближение родов, к ней была вызвана акушерка. Она провела с роженицей более суток и приняла младенца. Роды оказались очень тяжелыми, возникла опасность для здоровья матери. В этой ситуации к женщине был приглашен доктор, посещавший больную в течение нескольких недель до ее окончательного выздоровления³.

По подсчетам современников, в 1897 г. в России насчитывалось около 9000 повивальных бабок, 6000 из которых практиковало в го-

¹ См.: Белова А.В. Указ. соч. С. 425–433.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 147. Д. 866. Л. 60–69.

³ Институт русской литературы (ИРЛИ РАН) (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 6–7.

родах¹. Конечно, это было недопустимо мало для страны, где ежегодно рождалось несколько миллионов детей, но, по крайней мере, на дворянок хватало. Значительная часть таких специалистов сама принадлежала к привилегированному сословию. Так, из обучавшихся в училище фельдшерниц С.-Петербургского дамского лазаретного комитета девушек 1852–1863 гг. рождения, дворянок было намного больше четвертой части (28,5%)².

Возрастало и число специализированных лечебных заведений, оказывавших стационарную акушерскую помощь. Прежде всего, это, конечно, касалось столицы Российской империи. В 1882 г. в Петербурге существовало 15 родовспомогательных заведений, содержащихся частью за счет городских средств, а частью за счет частных. Некоторые из них – например, Повивальный институт, Мариинский родильный дом были крупными учреждениями, оказывавшими помощь нескольким тысячам рожениц в год, другие – небольшими, на 2–4 кровати³. Спустя 20 лет прием рожениц в столице осуществлялся уже 60 учреждениями. Список этих заведений включал: 13 городских родильных приютов, 4 родильных дома, 2 внегородских родильных приюта, 4 городских больницы, 4 негородских больницы, 2 клиники Военно-Медицинской академии и 2 клиники Женского Медицинского института при Петропавловской городской больнице. А также, родильные отделения лазарета экспедиции заготовления государственных бумаг, больницы женского отделения тюрьмы, родильный покой Таможенного Ведомства. К числу родовспомогательных учреждений, содержащихся частными лицами, принадлежало 18 убежищ, которыми заведовали повивальные бабки и 8 разного наименования лечебных заведений, принадлежащих врачам⁴.

В целом же в стране в начале XX в., как явствует из материалов Первого Всероссийского съезда детских врачей (декабрь 1912 г.) задача устройства «обширной сети родильных домов», призванной «обезопасить женщин от всевозможных заболеваний при родах и обессилить армию безграмотных повитух, которыми до сих

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1905. С. 25.

² Список воспитанниц училища Фельдшерниц Санкт-Петербургского дамского лазаретного Комитета. СПб., 1903.

³ ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 3466. Л. 1–8.

⁴ Желтухина В. В. Убежища для беременных и рожениц // Акушерство и гинекология. 1904. С. 33–34.

пор широко пользуются русские женщины»¹, оставалась во многом не решенной.

Несмотря на ежегодное увеличение числа родовспомогательных заведений, дворянки предпочитали рожать дома, приглашая акушерку (доктора) к себе. До начала XX в. родильные дома, с их «тайными комнатами» использовались женщинами данной социальной группы, в основном, лишь для незаконного рождения, с тем, чтобы скрыв сам факт появления младенца на свет, немедленно передать ребенка в Воспитательный дом или в деревню. Впрочем, схожее отношение к родовспомогательным заведениям было характерно в 1870–1890-х гг. и для представительниц других сословий, которые шли в роддома, опять таки, для незаконного рождения или потому, что в них помощь предоставлялась значительно дешевле, чем на дому, а нередко вообще бесплатно². Недаром даже в 1893 г. незамужние женщины составляли 2/3 рожениц в стационарах. По социальному же положению привилегированные посетительницы (в эту группу совместно входили дворянки, верхи городских сословий, а также жены и дочери лиц духовного звания) – составляли лишь 6,3% рожавших в специализированных учреждениях женщин³.

Яркие воспоминания об организации родовспоможения в семье столичных обеспеченных дворян в конце XIX в. оставила Е.С. Кавос. Ночью 28-го ноября 1890 г. женщина почувствовала первые схватки: «Утром я послала за Долининой [акушерка – В.В.] – она говорила ничего нет и думаю, что еще пожалуй через неделю, но днем я себя чувствовала не хорошо, маленькие схватки начались часов в 5 – а сильные в 9 вечера; сидел у меня Водовозов Вася, но я едва с ним разговаривала от боли, а Женя [муж, Евгений Кавос – В.В.] все уходил в свою мастерскую. Наконец в 11 я написала письмо Долининой; она приехала около часу... в 4 часа утра мы послали за Пушкиной [женщина-врач – В.В.]; но потом я очень жалела, что за ней послала. Можно было отлично и без нее; она была очень неприязная, придирчивая к Долининой и с ней ссорилась – и расхо-

¹ Русских Н.А. Попечение о детях грудного возраста в России // Труды Первого Всерос. съезда детских врачей в Санкт-Петербурге, 27–31 декабря 1912 г. / под ред. Г.Б. Конухеса. СПб., 1913. С. 18.

² Сутугин. Повивальный институт в Петербурге. Отчёт за 1888 г. // Акушерство и гинекология. 1889. № 11. С. 32.

³ Михайлов В.М. Средние русские акушерские итоги за пятьдесят лет по материалам печатных отчетов родовспомогательных учреждений. 1840–1890. Новгород, 1895.

дов меньше»¹. Таким образом, при наличии достаточных средств дворяне предпочитали вызывать на роды и акушерку, и врача. Оба эти специалиста вели женщину и в течение всего времени выздоровления. Так, к семье Кавос акушерка приходила до и после рождения ребенка 17 раз, а врач – 10. За их визиты и помощь при родах супруги заплатили соответственно 30 руб. акушерке Долининой и 50 руб. доктору Пушкиной².

К началу XX в. отношение дворянок к стационарной помощи значительно изменилось. Можно предположить, что данная эволюция была вызвана тремя основными обстоятельствами. Прежде всего, к этому времени была уже накоплена достаточно точная статистика эффективности стационарного и разъездного способов родовспоможения, демонстрировавшая значительно меньшую смертность и рожениц, и младенцев, при первом варианте в отличие от второго³. Эта информация постоянно доводилась до сведения врачей, а через них поступала к их пациенткам. Во-вторых, немаловажно и то, что в городах большинство известных акушеров работало в родильных отделениях и приютах, и, наблюдая беременную в течение всего предродового периода, они затем предлагали ей прийти рожать в свою больницу. Наконец, серьезную роль играла для дворянских семей большая дешевизна стационарной помощи, чем разъездной. В результате в 10-е г. XX в. уже не вызывало никакого удивления когда дворянка, жена чиновника, имевшего средний доход, заранее договаривалась о предоставлении ей отдельной комнаты в родовспомогательном заведении, куда ее и отвозил муж с приближением родов⁴.

Материалы Первого Всероссийского съезда детских врачей (1912 г.) рисуют картину состояния родовспоможения в таких медицинских заведениях. Так, по данным С. Грауермана, в московских родильных приютах (домах), реорганизованных в 1907 г., была улучшена обстановка и расширен персонал. Практика постоянного нахождения новорожденных при матерях была прекращена: дети помещались в отдельные палаты, а уход за ними возлагался на персонал медицинского учреждения (сестры милосердия, акушерки и педиатра). Это делалось для того, «чтобы матери не кормили сво-

¹ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 9. Л. 184.

² Там же. Л. 155.

³ Желтухина В.В. Убежища для беременных и рожениц // Акушерство и гинекология. 1904. № 3. С. 34–39; Рейн Г.Е. Указ. соч. С. 106–119.

⁴ Описание подобных родов мы находим в дневниках А.А. Алексеевского. См.: РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 40. Л. 22 об.–23.

их детей, когда им вздумается, не пеленали и вообще не теребили их при каждом крике», что вело лишь к повышению детской смертности¹.

Самые первые мероприятия по уходу собственно за новорожденным в родильных домах начала XX в. сводились к следующему: «Когда прекращается пульсация пуповины, последняя перевязывается в двух местах... и разрезается. При этом на руку ребенка надевается браслетка с номером... Ребенок переносится в пеленальную, где смазка удаляется вазелином или парафиновым маслом. Ребенку делается ванна, после чего на пуповину накладывается асептическая повязка... Для каждого новорожденного имеется особый листок, в котором отмечается все, касающееся его общего состояния и отправлений»².

В качестве важного шага, призванного приучить женщин к правильному уходу за новорожденными и тем самым снизить детскую смертность, в докладе С. Грауермана указывалось на опыт родильного дома имени С.В. Лепехина в Москве: «...накануне выписки, заведующий учреждением собирает родительниц и в беседе сообщает им сведения о гигиене послеродового периода и о том, как должно ходить за ребенком, одевать и кормить его». Основные «наставления» отражались в заранее подготовленном «печатном листке» – памятке, которая раздавалась всем матерям, покидавшим родовспомогательное заведение³.

Таким образом, беременность, которая, как уже отмечалось, занимала значительную часть жизни дворянки, для одних семей представляла собой обыденное состояние женщины, но для других – «новых» дворянских семей – являла собой некий важный в их жизни момент, когда, по их мнению, уже должна отчетливо проявляться родительская забота (в идеале, не только матери, но и отца) о физическом и даже умственном развитии своего будущего ребенка. И хотя этот подход в дворянской среде не был господствующим, он, тем не менее, всё более активно прокладывал себе дорогу.

«Ожидание» ребенка было самым тесным образом сопряжено с вопросом об организации родовспоможения дворянкам. В данной сфере в рассматриваемый период произошли кардинальные изме-

¹ Грауерман С. Опыт охраны грудного ребенка в Городских Учреждениях имени С.В. Лепехина и Л.И. Тимистера // Тр. Первого Всероссийского съезда детских врачей... С. 40.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 41–42.

нения. В середине XIX в. лишь единичные представительницы первенствующего сословия могли рассчитывать на получение квалифицированной помощи, и, несмотря на свою знатность и богатство, оказывались в самые критические минуты своей жизни заложницами в руках невежественных «бабок». К началу же XX в. не только жительницы крупных городов, но и провинциальные дворянки имели практически повсеместный доступ к системе разъездной акушерской помощи. Столичные же и губернские роженицы, как и приезжие, при желании, могли обратиться и в стационарное родовспомогательное заведение. Стоимость родов здесь оказывалась значительно меньше приглашения акушерки на дом, а самое главное состояло в том, что в родильных приютах (родильных домах) в начале XX в. проводилась целая серия мер, призванных обеспечить медицинскую охрану роженицы и грудного ребенка, снизить детскую смертность.

Уход за младенцами

Рождение ребенка – одно из важнейших событий в жизни человека. Появление младенца в семье налагает на родителей массу новых обязанностей, делая необходимым решение вопросов, связанных с его воспитанием, обучением, организацией его будущего. Вместе с тем, для первого года – полутора лет и, в особенности, для первых месяцев жизни ребенка наиболее существенными являются проблемы ухода, предполагающие обеспечение младенца правильным, соответствующим возрасту питанием, заботливым присмотром, необходимым медицинским контролем и т. д. В данной области, как и во многих других, вторая половина XIX – начало XX вв. ознаменовались серьезной эволюцией, прежде всего, затронувшей дворянские семьи.

До середины XIX в. редкие дворяне-родители (как отцы, так и матери) сами занимались своими детьми, особенно маленькими. «Я родилась от второго брака князя Федора Григорьевича Голицына с Евдокией Ивановной Зарудной, – так начала свои воспоминания В.Ф. Духовская. – Взяли мне кормилицу из деревни Мироновки, принадлежавшей моему отцу. Стройная, красивая, разряженная, она с гордостью выносила меня на руках к гостям»¹. Действительно, в большинстве случаев рожденные при помощи крестьянских повитух

¹ Духовская В.[Ф]. Из моих воспоминаний. Ч. 1–2. СПб., 1900. С. 3.

дворянские дети получали первоначальный уход на руках у крестьянских же кормилец и нянек.

К середине указанного столетия окончательно установились и требования к этой «профессии». Идеальной кормилицей считалась женщина, родившая от 6 недель до 6 месяцев до приема в семью, имевшая «округлые, полные формы, красивую довольно упругую, венами синевато-исчерченную грудь», красивые зубы, на теле которой не обнаруживалось рубцов от рахита, золотухи, лишая или сифилиса. Важным требованием был спокойный, уравновешенный характер. Крестьянское происхождение кормилицы дополнительно подчеркивалось (особенно в высокородных семьях) одеванием ее в сарафаны и кокошники¹.

Собственно уходом за дворянским младенцем традиционно занималась няня. Она должна была осуществлять все необходимые процедуры – купать, пеленать, одевать детей, гулять с ними, убирать детскую, стирать и гладить детское белье, и, в целом, говоря словами современников, жить детской «неразумной жизнью»². В подавляющей массе случаев няни осуществляли уход за младенцем, исходя исключительно из собственных представлений о «санитарии» и «способах оздоровления». Сами же эти представления определялись личностью и статусом выбранной матерью для детей воспитательницы. Для середины XIX столетия характерны два взаимоисключающих подхода: первый, практически повсеместно распространённый, даже во вполне обеспеченных дворянских семьях, условно назовем «отечественным», а второй, крайне редко встречавшийся, да и то преимущественно в домах петербургской знати – обозначим как «иностранный».

В первом случае мать передоверяла уход за своими детьми няне, выбранной из крепостных или, реже, нанятой, но «местной» (к этой группе следует отнести и прибалтийских немок). Организация присмотра становилась результатом значительного опыта, полученного этой женщиной в ходе «выращивания» собственных (т. е. кре-

¹ См.: Полный практический детский лечебник, с рассуждениями о диетах и физическом воспитании о влиянии настоящих и прошедших болезней кормилицы на дитя. М., 1860; Красникова Ю.Н. Развитие кормленчества в XIX в.: причины и специфика // Женщина и мужчина в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИРЭ РАН, 4–7 окт. 2012 г., Тверь. М., 2012. Т. 2. С. 28–31.

² Отчет совета С.-Петербургского Фрёбелевского общества для содействия первоначальному воспитанию за 1911–1912 г. СПб., 1913. С. 1; Попов Н.А. Хозяева и прислуга. СПб., 1907. С. 7.

стьянских) детей, а уровень ее подготовленности и квалификации определялся количеством выживших из них. Недаром даже в 90-е гг. XIX в. неграмотная крестьянка – мать четверых детей, все из которых достигли совершеннолетия, считалась «опытной няней» и позволяла себя спорить с врачами о правилах содержания младенцев¹. В середине же столетия мнение такой «специалистки» вообще не подвергалось никакому сомнению, прежде всего, в связи с малой доступностью врачебной помощи, в том числе и для дворянского сословия, о чем уже шла речь выше.

Страх помещиков перед любой, самой обычной болезнью, особенно детской, является общим местом практически всех мемуаров и дневников. Своего рода анализ причин данного явления мы находим в воспоминаниях В. Муромцевой-Буниной: «... деревенские жители панически боятся всякого заболевания. Малейшее недомогание им кажется уже преддверием смертельной болезни... Я долго не понимала в чем дело. А потом сообразила: отсутствие медицинской помощи в деревне всегда вызывает страх, что болезнь обернется в опасную, смертельную»². Неудивительно, что, не имея возможности (если речь, конечно, не идет о столичных городах) проконсультироваться со специалистом, и заранее предполагая самое худшее, дворяне-родители не вмешивались в то, что делала женщина, каким-то чудом сумевшая вырастить хотя бы часть своих детей. Осознание важной роли кормилицы и няни порой приводило к тому, что они фактически воспринимались как члены семьи, а дети кормилицы и дети хозяев считались «молочными братьями»³.

Общая же схема такого ухода предполагала: максимальное ограничение младенца в перемещении за пределами дома, а то и его комнаты (прогулки вообще отменялись зимой и осенью, производились только в «хорошую погоду» весной и летом); поддержание постоянного тепла в детской, где, как правило, было жарко натоплено и практически не проветривалось; кормление кормилицей без режима, «как захочет», прикорм с 40-го дня в форме постепенного добавления хлеба с коровьим молоком и бульона⁴.

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 226. Д. 140. Л. 170.

² Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина (1870–1906 гг.) / Записки очевидца. Воспоминания, дневники. М., 1991. С. 368.

³ Виккел О.Л. Семья Ивашевых в контексте русской дворянской культуры конца XVIII–XIX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 22.

⁴ Жук В.Н. Козье молоко для детей и больных. Коза-кормилица. СПб., 1909; Водовозова Е.Н. Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до школьного возраста: Кн. для воспитателей. СПб., 1891. С. 32, 77–78.

Совершенно иное отношение к правилам содержания детей раннего возраста мы находим при втором подходе, названном нами «иностранным». Состоятельные и заметно европеизированные российские дворянские семьи, начиная с императорской, высоко ценили иностранных бонн, показывавших благодаря своему «спартанскому воспитанию», значительные успехи в выращивании физически здоровых детей. Вероятно, именно на такую категорию дворян-родителей рассчитывали авторы размещаемых время от времени в столичной прессе объявлений. «Немка ищет места надзирательницы при детях или экономки», – гласило одно из таких объявлений на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей»¹. «Немка с хорошими аттестатами желает поступить в няни или ключницы, в отъезде или в С.Петербурге», – сообщала в те же дни уже другая претендентка на место².

Иностранные няни практиковали отличавшуюся от российской программу ухода за младенцами: прогулки в любую погоду, сон в прохладной, зимой до 12° С, комнате на жесткой кровати под тонким одеялом, физические упражнения и др. способы закаливания³. В конце XIX – начале XX вв. этот подход активно пропагандировался уже и в отечественных пособиях по уходу за маленькими детьми⁴.

Подчеркнем, что выбрав характер ухода, путем назначения к детям той или иной няни, родители в середине XIX в. редко вмешивались в заведенный няней/бонной порядок, ограничивая свое участие в заботе о маленьких детях несколькими визитами в детскую в день (в лучшем случае) или опросом прислуги о том, «всё ли благополучно».

¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1859. 1 февраля.

² Там же. 6 февраля.

³ Солодянкина О.Ю. Гигиенические практики и физические упражнения детей российских дворян: воздействие иностранных воспитателей // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2012 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Вереме́нко. СПб, 2012. С. 170–175.

⁴ «Продолжительное пользование свежим воздухом, – говорилось в одном из таких пособий начала XX в., – между прочим, служит одним из могущественных средств к закаливанию организма и предохраняет его от частых простуд... Воздух в детской должен быть чист и прохладен; в такой атмосфере дети спят лучше всего. Поэтому нужно хорошо проветривать детскую, несмотря ни на какую погоду...». См.: Давыдова Е.[С]. Уход за ребенком. По сочинениям проф. С. Бидерта, Гоксингера и др. 4-е бесплатное приложение к журналу «Хозяйка». СПб., 1902. С. 59, 129.

Если не считать крестин, то в подавляющем большинстве прочих случаев малыши находились при уходе и под присмотром различной прислуги, находились, чтобы не мешали, в «дальних» комнатах и, в свою очередь, мало знали своих родителей, даже боялись их, как правило, считая их «чужими» людьми.

Конечно, могли быть и исключения, которые, однако, в конечном счете, все равно отражали присущие времени взгляды и стереотипы. Образованные и «передовые» матери обратили пристальное внимание на сформировавшиеся еще в конце XVIII в. взгляды Ж.-Ж. Руссо «о священном долге матерей»¹ и идеи Н.М. Карамзина о том, что «молоко нежных родительниц есть для детей и лучшая пища, и лучшее лекарство»². Под воздействием этих идей некоторые матери принимались кормить детей самостоятельно. Но, как справедливо отмечают современные исследователи, этот акт воспринимался «дворянками как своеобразная сфера самореализации, не менее значимая, чем, например, организация светского раута»³. Поэтому, осуществив данное мероприятие и, таким образом, продемонстрировав «современность», понимание значимости своего общественного долга и материнской роли, они спокойно передавали младенца на руки няни и отправлялись совершать другие важные дела.

Появление первых ростков нового типа отношений дворян-родителей к детям раннего возраста мы находим в семье известного общественного деятеля Николая Ивановича и его супруги Надежды Аполлоновны Второвых, где в почете были педагогические и общественно-политические концепции французских просветителей. В середине 40-х гг. XIX в., в связи с рождением их первенца – Владимира здесь была сделана попытка реализовать принцип раннего родительского воспитания.

Демонстрируя понимание выпавшей на их долю ответственности, родители приняли решение активно участвовать в заботе о новорожденном. Кормить ребенка должна была сама мать, она же, совместно с бабушкой и под контролем врача (ребенок родился в

¹ Мартианова И.Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. С. 12.

² Карамзин Н.М. Рыцарь нашего времени / Русская литература XVIII века. II. Сост., коммент. А.Р. Курилкина, М.Л. Майофис; предисл. А.Л. Зорина. М., 2004. С. 246.

³ Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середина XIX в.): дис. ... д-ра ист. наук. С. 448.

Петербурге) должна была осуществлять уход и присмотр. Для записей процесса физического и психического развития младенца отец начал вести «родительский дневник». Характерно, что первоначально предполагалось, что «обязанность эту примет на себя Надя», и Н.И. Второв приступил к ведению записей только временно, «пока она еще слаба», но в итоге у матери так и не хватило на это времени и вести дневник пришлось отцу¹.

Изменение участия родителей в уходе за младенцем, вместе с тем, мало отразилось на самой организации присмотра, выполненной в «отечественном» стиле. Первые сутки ребенка не прикладывали к груди и кормили подсахаренной водой. На второй день малыш получил имя – Владимир, но самого акта крещения не было, просто в семье решили называть его именно так. Первое обтирание состоялось спустя неделю после рождения, в ходе него на коже были обнаружены опрелости, которые и стали присыпать картофельной мукой. Купать же малыша решились только в месячном возрасте, когда, по мнению родителей, он уже мог выдержать эту довольно опасную процедуру. Акт крещения младенца состоялся, когда ему исполнился месяц и две недели. Как и в подавляющем большинстве дворянских семей даже и в более позднее время, мероприятие проводилось дома, в детской, и родители «не без страха» могли наблюдать за погружением сына в воду через открытые двери из другой комнаты. На третьем месяце малыш начал получать прикорм – мясной бульон с манной крупой. На улицу же, рожденный в октябре младенец, впервые был вынесен только в начале марта, в возрасте пяти месяцев².

На третьей недели жизни Володи в доме появилась няня – рижская уроженка, полька по происхождению – Анна. Вместе с тем, поручив малыша ее заботам, родители продолжали проводить с младенцем по несколько часов в день, постоянно контролируя каждый шаг прислуги. Последнее, очевидно, тяготило женщину, считавшую себя хозяйкой на своей территории. В результате в дневнике Н.И. Второва появилась следующая запись: «нянька ... обнаружила чрезвычайно грубый и сварливый характер, и своими частыми капризами и грубостями довела нас до того наконец, что мы должны ее сослать от нас, как это для нас не тягостно, особенно потому что наступают праздники (Пасха) и первые три дня нет никакой возможности искать другой няньки и мы должны несколько дней

¹ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 84. Л. 26.

² ОР РНБ. Ф. 163. Д. 84. Л. 26 об.–30.

сами нянчиться с ребенком. Бедная мамаша его сегодня совсем измучилась, будучи принуждена хлопотать и с ним и с приготовлением к празднику; я тоже пока дома, почти непрерывно с ним нянчусь и уже ничем не могу заниматься...»¹.

Итак, попытки участия родителей в раннем воспитании и уходе за собственным ребенком обернулись значительными «домашними сложностями», и если в середине XIX в. это явление было пока еще редким, то к концу столетия непрерывные смены нянь в поисках «хорошей» стали постоянной темой дворянских дневников и мемуаров, причем как мужских, так и женских.

К сожалению, заботы семьи не спасли Володю. 30 апреля 1846 г., в возрасте 6 месяцев и трех недель он впервые оказался в большом скоплении чужих людей и детей – родители возили его в Воспитательный дом на прививку от оспы. Спустя две недели, подхватившей где-то инфекцию ребенок скончался². Так же в младенчестве умерли и два последующих сына Второвых. Вообще из 9 человек детей в этой семье до окончания школы дожили лишь трое³.

Такие явления, как понимание дворянками важности самостоятельного кормления своих детей и, особенно, общее стремление обоих родителей проводить большее время с малышами приобретает довольно широкое распространение на волне общественного подъема 60-х гг. XIX в. В эти же годы впервые типологически видными становятся те две группы «новых» родителей, которые к концу изучаемого периода станут составлять основу будущего старшего поколения дворянства. Речь, таким образом, пойдет о «новых идейных» и «новых практических» родителях.

Главной характерной чертой «новых идейных» родителей, несомненно, связанной с влиянием «передовых, демократических» идей, было переосмысление ими своей роли в процессе воспитания детей. Прежде всего, они считали совершенно недостаточным ограничить свою «заботу» о детях подбором кормилиц и нянек. Такой традиционной модели «новые идейные» родители противопоставляли активное *личное* участие в уходе за своим ребенком. Для матерей из группы «новых идейных родителей» это означало, прежде всего, самостоятельное кормление младенцев при отсутствии медицинских противопоказаний⁴. Для обоих родителей – значительно

¹ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 84. Л. 31 об.–32.

² Там же. Л. 32 – 32 об.

³ Там же. Д. 85. Л. 40 об.

⁴ Юнге Е. Из моих воспоминаний // Вестн. Европы. 1905. № 5. С. 257.

более частое, чем ранее посещение детской, знакомство со специализированной литературой о воспитании, растущий контроль над деятельностью нянь и кормилиц. По мере того, как увеличивалась пропасть между книжным знанием матери и опытом няни, детская все чаще становилась местом домашних битв и скандалов, а от ранее встречавшегося восприятия няни почти как члена семьи не осталось и следа. Теперь «хорошая» няня – это человек, четко выполняющий поставленные родителями задачи и соответствующий их требованиям в вопросах ухода и воспитания.

Вот как, например, производился в 1880-е гг. уход за младенцами в семье Половцовых. Несмотря на то, что к родившемуся сыну взяли няню, родители постоянно проводили с ребенком, а затем и с последующими новорожденными детьми, несколько часов в день, сами, по очереди, пеленали и купали их. Ежедневно отцом или матерью записывались все данные о весе младенца, количестве съеденного им, характере стула и т.д. Информация раз в неделю сообщалась женщине-врачу, которая постоянно требовала от родителей вести тщательный надзор за няней, чтобы она ни в коем случае не отходила от ее рекомендаций. Интересно, что в своем дневнике бабушка этих детей, отмечала, что хотя «ныне» большая часть родителей «много» или «больше» внимания обращают на своих детей, чем это было в 50–60-е гг. но, даже на этом фоне ее внуки окружены просто образцовой заботой. Ведь состоящая при них няня, несмотря на то, что «женщина простая, слегка грамотная, но умная по природе, ведет дело свое очень хорошо ... и что заведено раз родителями идет своим чередом»¹.

Отсутствие скандалов в детской гарантировалось новым подходом к подбору нянь, особенно широко нашедшим свое применение среди обеспеченных дворянских семей конца XIX – начала XX вв. Их стали набирать не из умудренных собственным богатым опытом матерей семейства, а из молодых девушек, закончивших специализированные учебные заведения или уже прошедших необходимую «школу» в других семействах. Такие няни привыкали работать под руководством врачей, знали основные требования, выдвигаемые медиками, готовы были сразу признать себя в семье на «вторых ролях» и уступить матери первенствующее положение в детской. Правда, будучи специалистками «узкого профиля», они не соглаша-

¹ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1195. Л. 75.

лись выполнять какую-либо еще работу по дому, да и услуги их стояли достаточно дорого (10–12 руб. в месяц)¹.

Вопрос о кормлении детей в семьях «новых идейных родителей» решался, исходя исключительно из состояния здоровья матери. Так, Е. Половцова прокормила своего первого ребенка лишь месяц, в дальнейшем врачи посчитали, что она слишком слаба для этого и с очень тщательным подбором была взята кормилица. Однако мать сильно переживала, что сын из-за этого «отошел» от нее и писала мужу в Петербург «горькие» письма: «А знаешь больше всего, чем я огорчаюсь? Тем, что Боря совсем не мой, я мучаюсь Толя. Мне все обидно, чтобы мамка не делала, я все все исполняла бы сама с наслаждением. Я ужасно этим мучаюсь Толя»².

По совету врачей и педагогов с рождением ребенка многие «новые идейные» родители заводили для него специальный дневник. В него записывали данные о здоровье, уходе, первые проявления осмысленного поведения с их четкой датировкой. Один из таких родительских дневников принадлежал перу известной художницы Е.С. Зарудной-Кавос.

8 марта 1889 г. у супругов родился сын – Сергей, а уже с 3 апреля мать начала вести родительский дневник. Прежде чем, обратиться к содержанию этих записей, следует особо подчеркнуть, что занималась она этим делом явно не от безделья. Екатерина Сергеевна к этому времени уже имела значительное число заказов на картины, плата за выполнение которых постепенно становилась важной составляющей материального благополучия молодой семьи.

Первый из серии родительских дневников Е.С. Кавос, посвященный сыну Сергею³, рисует перед нами образ матери, более занятой духовным воспитанием ребенка, чем физическим. Екатерина Сергеевна фиксирует звуки, которые произносит ее сын, указывая дату появления каждого нового сочетания. Например, запись за 3 апреля: «Когда он плачет, его крик: «ля-а». 13-го сентября 1889 г. ребенок произнес свое первое слово. Характерно, что им стало слово «няня», но мать никак не прокомментировала этот факт. В такой форме дневник велся в течение 2-х лет. Последние записи относятся уже ко времени рождения в семье еще одного ребенка и содер-

¹ См.: Школа нянь. СПб., 1896.

² ОР РНБ. Ф. 601. Д. 58. Л. 95.

³ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 8.

жат следующие словосочетания: «Мама кормит сестричку», «Мама закой гудь, бось сестричку – возьми Сеяжу».

Параллельно с этой отдельной тетрадью Е.С. Зарудная-Кавос продолжала вести и свои обычные поденные записи. Правда, теперь в них содержались многочисленные выписки из медицинских журналов о правилах поведения беременной женщины, роженицы и новорожденного. После появления младенца на свет мать ежедневно записывала его вес и мнения врачей о наиболее предпочтительном характере вскармливания. В текст дневника вклеена таблица, содержащая поденную информацию о жизненных показателях ребенка. Сами названия граф: дата (число), туалет (самостоятельный/клизма), ванны, спринцевание, прикорм – указывают нам на то неусыпное внимание, которое мать уделяла здоровью младенца.

Любое отклонение от нормы становилось предметом особого изучения. В период болезни Сережи Е. Кавос все время проводит у кровати сына, подготавливая к приходу врача особые «листы болезни», содержащие данные о температуре ребенка, о количестве потраченных пеленок, списки лекарств и еды по часам. После выздоровления мальчика эти листы также были вклеены в дневник. Заметим кстати, что к концу XIX в. регулярное обращение за консультациями к детским врачам в городах становится всё более распространенным явлением. Так, в семье уже упомянутой Е.С. Зарудной-Кавос педиатр был приглашен сразу же после рождения ребенка. Врач посещал младенца не менее 1 раза в неделю, когда тот был здоров, и ежедневно, если ребенок заболел¹.

Из текста дневника, в числе прочего, мы узнаем множество интересных подробностей ухода за младенцами. Их кормят скорее по желанию, чем по режиму. Преимущество определенно отдается материнскому вскармливанию: кормилица появилась в семье, лишь когда стало ясно, что для нормального роста ребенка материнского молока недостаточно. Перепеленанием занимаются по очереди и сама мать, и прислуга. В то же время, женщина уже через месяц после родов вернулась к своим занятиям, стала выезжать, ходить в театр и даже выставлять свои картины на вернисаже².

29 ноября 1890 г. в доме появился еще один ребенок – девочка, названная Марусей, а вместе с ней новая детская тетрадь. А после рождения еще одной дочери Наташи (1892 г.) Е.С. Зарудная-Кавос

¹ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 9. Л. 88–89, 100–102, 120–125, 165–175 об.

² Там же. Л. 120–123, 160–163.

начала вести родительский дневник нового типа – теперь она не отделяла физическое и интеллектуальное развитие ребенка. В этой тетради присутствует вся информация, которая до этого была разделена между детской книгой и собственными поденными записями. Указывался характер питания (причем, так как девочка росла на искусственном вскармливании, в дневник была даже вклеена инструкция к аппарату для стерилизации коровьего молока), перечислялись мероприятия, направленные на поддержание ее слабого здоровья (ребенок все время чем-то болел), описывались ее игры и забавы. В записной книге, помимо всего прочего, содержалось множество фотографий и детских рисунков¹.

Одной из самых сложных и трудно решаемых проблем для «новых идейных родителей» в конце XIX – начале XX вв. стала проблема выбора няни. Постоянное участие матери в присмотре за младенцем, записи всех его показателей, еженедельный, а в случае болезни ежедневный визит врача, очевидно, тяготили нянь. В тексте дневника Зарудной-Кавос рефреном проходит мысль о необходимости найти «хорошую» няню. Но, судя по всему, этот вопрос так и оказался неразрешенным, недаром в записях за декабрь мы читаем такие строки: «Как трудно с нянями; и как бы я хотела, чтобы мы с этой ужились. Что это у меня дурной характер. Вот уже 5-ая няня, а Сереже еще нет 10-ти месяцев»². О том, что поиск «хорошей» няни был головной болью не только автора цитированного дневника, свидетельствует постоянное обращение к данному вопросу на заседаниях так называемых родительских кружков, очень популярных среди передовых родителей в указанный период. Приведем конспект одной лекции, состоявшейся на заседании такого кружка 7 ноября 1890 г. и взятый нами из дневника одной из его слушательниц. В этом конспекте в сжатой форме, но вполне понятным образом обозначены проблемы и пути их решения, как они виделись «идейным матерям»:

«Калмыкова о няни –

Исчез образ няни прежней, крепостной. Удовлетворял ли нас тип прежней няни? Достоинства прежней няни: 1) связь крепкая с семьей, 2) строгий выбор.

Теперь – выгода, практический расчет. Труд матери должен быть разделен, няня необходима. Сами матери не похожи на прежних матерей и потому няни другие. Теперь мать и няню разделяет

¹ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 12.

² Там же. Д. 9. Л. 149.

пропасть. Курсы для няни. Можно ли дать. Курсы будут только дрессировкой.

Первое положение – воспитание с первых моментов должно быть в руках образованных.

Второй тезис – наши учебные заведения должны дать начальные сведения по психолог[ии], гигиене и физиологии.

Третий тезис: Школы для няни не должны быть профессиональными школами для подростков, а курсы для людей взрослых, на которые поступали бы по призванию...»¹.

Вместе с тем, на практике именно курсы для подростков стали главным средством пополнения востребованного «новыми идейными родителями» контингента образованных, готовых подчиняться родителям и врачам новых нянь. Слушательницы таких курсов (школ) для нянь непременно присутствовали на различных «выставках», посвященных семейному воспитанию: «Обходительные и воспитанные барышни расскажут здесь, что они в этой школе слушают лекции по гигиене, учатся вести подробные записки о ежедневном состоянии ребенка, что ... по окончании школы они поступают с жалованьем не менее 20 руб. (в месяц – В.В.) по преимуществу к детям графских, княжеских семей для общего руководства действительными нянями, подняниями и т.д.»².

Гарантией качества работы выпускниц школы нянь являлась не только четырехлетняя (!) подготовка, но и специфическая система «распределения», действовавшая на курсах. Свою первую работу девушки получали по рекомендации школы, причем из упомянутого выше значительного ежемесячного заработка, примерно 2–3 р. передавались администрации учебного заведения. Если няня справлялась со своей работой и дослуживала свой первый год до конца у одних хозяев, все деньги возвращались ей, если нет – оставались в распоряжении школы. В результате спрос на этих работниц был постоянно высок и в 5–6 раз превышал количество выпускниц³.

Еще выше ценились образованные и опытные няни, отличие которых от бонн на рубеже веков определялось только степенью

¹ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 953. Л. 22 об. – 23.

² Золотарев С.А. Наши няни // Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.XII.1912 – 6.I.1913 г. Т. I. СПб., 1914. С. 199.

³ Отчет совета С.-Петербургского Фрёбелевского общества... СПб., 1913. С. 26–27.

владения иностранными языками¹. Такая специалистка, состоявшая сразу при нескольких детях, могла брать за свои услуги свыше 25 руб. в месяц. Так, к моменту рождения у Е.С. Зарудной-Кавос третьего ребенка, после очень долгого поиска по газетным объявлениям и знакомым, ей удалось найти некую «Терезу Васильевну» (предшествовавшие назывались в дневнике – Настя, Аня, Маруся или просто няня), работа которой, наконец, не вызвала у хозяйки никаких нареканий и причем она занималась всеми детьми, в то время как до ее прихода каждый из малышей имел свою няню. Но счастье художницы было недолгим – специалистку пригласили к «четырем сироткам», мать которых умерла, пообещав платить за работу – 40–50 руб. в месяц, вместо тех 20, которые она получала в семье Зарудной-Кавос².

Если «новые идейные» родители считали необходимым лично много участвовать в уходе за своим ребенком и в его воспитании, прежде всего, под воздействием своих общественных убеждений, то «новыми практическими» родителями двигали в данном вопросе принципиально другие факторы. Эта категория родителей-дворян заявила о себе еще в 1860-х гг., а к началу XX в. именно этот тип стал преобладающим в дворянской среде. Главным двигателем, заставлявшим их вносить коррективы в отлаженный традиционный механизм взаимоотношений с маленькими детьми, было отсутствие свободных денежных средств. Причем количество принятых (во многом вынужденных) нововведений определялось уровнем материальных трудностей конкретной дворянской семьи. Соответственно, чем более нуждались люди (речь идет не о маргинализированных элементах, а о тех, кто пытался, по мере возможности, сохранить некую видимость достойного положения), тем больше менялся характер взаимоотношений родителей и детей.

Малыши и в данных семействах, как и ранее, оказывались на попечении крестьянских нянек, что было связано не только с привычностью, но и с дешевизной услуг. Вместе с тем, в целях «экономии», нанятая к ребенку прислуга должна была «заодно» выполнять и другую домашнюю работу. Это, с одной стороны, снижало эффек-

¹ Солдатова И.А. Развитие школы нянь в России в конце XIX – начале XX в. // Модернизация в России: история, политика, образование: материалы Всерос. науч. конф. СПб., 21 мая 2013 г. Вып. 5. / отв. ред. В.В. Карпова. СПб., 2013. С. 97–102.

² ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 11. Л. 12.

тивность «присмотра», а с другой – вынуждало мать (а в некоторых семьях и отца), «подменять» няню, самим занимаясь с малышами. Например, именно такая сменная система, когда родители «брали на себя ночь» (чтобы няня имела возможность отдохнуть), а мать – еще и часть дня, так как няня-прислуга «уж очень медленно другие дела исполняет», сложилась в семье будущего известного историка А.Е. Преснякова¹.

Возможен был и такой вариант, при котором мать в значительной мере брала на себя обязанности няни, а имевшаяся в доме прислуга «заодно» ей помогала. Молодая вдова Софья Яфа, жившая во второй половине 1870-х гг. с единственной дочерью в Царском Селе, в доме своей матери, целиком посвятила себя заботам о ребенке, которого воспитывала в «английском стиле». Они спали в одной комнате, мать сама укладывала и поднимала малышку, ежедневно купала и выводила девочку на прогулки и вообще строго следовала рекомендациям дворцового доктора: «возможно больше времени проводить на воздухе, не кутать, не бояться дурной погоды, разнообразить пищу и т.д.». Имевшаяся в семье прислуга (горничная и кухарка) привлекались к участию в заботе о девочке лишь в крайнем случае. Так, например, обязанностью кухарки было приносить ребенка перед сном из кухни, где ее купали, в спальню².

Отцы-дворяне (в полных семьях), как правило, поддерживали экономически выгодное для семьи участие их жен в уходе за малышами. Нередко похваляясь «великим самоотвержением» и «невыразимым самоотречением», с которым дворянки выносили несколько «томительных, скучных, однообразных лет кормления, качания, обтирания, купания, одевания!...»³.

Как и попытки вмешательства в дела «опытных» нянь, надежды обойтись одной прислугой, на которую хотелось перекинуть не только заботу об уходе за младенцами, но и другие работы часто оборачивались «домашней войной». В результате нередко вызревало решение свести до минимума использование наемной рабочей силы и передать все домашнее хозяйство жене.

Подобная история предстает перед нами со страниц дневника неизвестного чиновника (предположительно П. Вишневого). Этот источник особенно интересен тем, что дает нам возможность оце-

¹ Пресняков Александр Евгеньевич. Дневники, письма. 1889–1927. СПб., 2005. С. 231.

² ОР РНБ. Ф. 163. Д. 313. Л. 15–47 об.

³ Там же. Ф. 1362. Д. 71а. Л. 3.

нить представление мужа о степени тяжести выполняемой женой работы по дому и по уходу за маленькими детьми. Семья в составе двух родителей, двух маленьких детей – четырех и двух лет и одного новорожденного младенца, проживала в отдельной части большого дома и имела в своем распоряжении 6-комнатную квартиру. Женщина сама занималась уходом за детьми, а все прочие домашние работы были переданы «одной» прислуге и поденщице. Однако отношения хозяев и «наемной» никак не складывались – прислуга менялась практически ежемесячно.

Наконец муж принял решение кардинально изменить схему распределения домашних обязанностей. К пятимесячной девочке была нанята няня, а все остальное было поручено жене. На нее же была возложена и так называемая «грязная» работа: «дрова, помои, мытье полов и пр.», за исключение лишь стирки, что должна была делать прачка. За счет этого предполагалось «выгнать» 10–12 р. в месяц, и, к тому же, избавиться от «ежедневных мелочных дразг, из-за лени, пьянства, неаккуратности, грубости и проч. прелестей и атрибутов современной городской прислуги». Однако уже через месяц после перехода к новому распределению труда в семье разыгралась трагедия – умерла младшая, полугодовалая дочь чиновника. Отец сразу же обвинил во всем происшедшем жену, передавшую уход за ребенком няни, хотя она «вполне» могла это делать сама: «Если бы за Евфалией ухаживала сама мать, и с ... заботливой предусмотрительностью, руководствуясь в своих действиях указаниями и советами знающего и понимающего отца, то быть бы Евфалии и сейчас на белом свете... А то огрубевшая и измельчавшая в домашних дразгах мать возмечтавшая о себе, что она во всем гораздо больше мужа знает и понимает – и вот ей доказательство!... Первые два ребенка рождены гораздо слабее умершей Евфалии, также были опасно больны, и жизнь их висела вообще на тонком волоске, и все таки они живы и здоровствуют... Ну, если жена уверена, что она умнее и опытнее мужа, то пусть и живет своим умом. А мне после того нет дела ни до нее, ни до детей ее...»¹.

Как уже отмечалось, период второй половины XIX – начала XX вв. ознаменовался значительно большим, чем ранее, распространением медицинской помощи и медицинских знаний. Не только в крупных городах, но и в большей части Европейской России дво-

¹ ОР РНБ. Ф. 1362. Д. 71а. Л. 9 об. – 11 об.

ряне-родители получили возможность вызвать, в случае необходимости, к своему ребенку врача-специалиста. Конечно, скорость появления его у кровати больного младенца была различной – от нескольких минут до нескольких дней, но сам факт формирования привычки обращаться к врачу, советоваться с ним о состоянии ребенка и правилах ухода за ним становится новым характерным атрибутом пореформенной России.

К концу XIX в. среди отечественных врачей окончательно утвердился европейский подход к уходу за младенцами, который они активно пропагандировали среди дворян-родителей. Он предполагал сон в прохладной, хорошо проветренной спальне, отказ от портьер и вообще от всего «лишнего, где могла бы собираться пыль». Для одежды младенца рекомендовались короткая бумажная рубашечка, сложенная треугольником пеленка между ножек, большая теплая пеленка, в которую заворачивалось все тело, кроме ручек и шерстяная кофточка. К году этот костюм должен был быть заменен штанишками и платьицем. Дополняли обязательный перечень процедур ежедневные прогулки и купания, а также уход за кожей с помощью специальных масел и присыпок¹.

Сама по себе доступность медицинской помощи еще не гарантировала полностью выздоровление заболевшего ребенка и серьезное сокращение детской смертности². Это было связано с сохранением большого числа детских болезней, таких как скарлатина, дифтерит и т. д., для лечения которых врачи еще не имели достаточного инструментария, с недостатками в профессиональной подготовке детских врачей³, а также и с простым незнанием или непониманием родителями специфики возраста раннего детства и, в частности, младенчества.

К сожалению, за доказательствами последнего утверждения далеко ходить не надо, подобными фактами переполнены дворянские дневники и мемуары. Так, один из сыновей уже упомянутой семьи Второвых умер от «заворота кишок» в результате того, что младенцу для борьбы с кашлем было прописано малиновое варе-

¹ Уход за грудными детьми. Рига, 1913. С. 43–47.

² Медики начала XX в. отмечали, что «Россия стоит на первом месте среди 15 европейских государств по коэффициенту умерших на 1-м году детей». См.: Русских Н.А. Попечение о детях грудного возраста в России // Труды Первого Всероссийского съезда детских врачей... С. 13.

³ Об этой проблеме немало говорили, прежде всего, представители самого медицинского профессионального сообщества. См.: Труды Первого Всероссийского съезда детских врачей... С. 10, 90 и др.

ные. Характерно, что в своем дневнике отец берет всю ответственность на себя – он не понял доктора и вместо чайной ложки «лекарства» дал ребенку столовую¹. А в семье детского врача и педагога Я.М. Симонович одна из дочерей в двухмесячном возрасте заболела «черной» оспой, полученной через термометр. Отец дал его оспенному больному, после чего «градусник» (без дезинфекции!) продолжал использоваться в семье около двух лет, пока не передал свою инфекцию еще не привитому младенцу².

О распространенности проблем, связанных с неправильным уходом за новорожденными и грудными младенцами, свидетельствует то, что этой сфере уделялось повышенное внимание в специальной литературе. Так, в одном из бесплатных приложений к журналу «Хозяйка», выпущенному в 1902 г., говорилось, например, следующее: «Некоторые матери или усердные нянюшки, имеющие очень смутное представление о гигиеническом уходе за ребенком, для удаления секрета из носовой полости употребляют головные шпильки или свернутый в трубочку кончик носового платка, бывшего в употреблении». Далее автор указывала на очевидный вред таких действий для ребенка: «... эти предметы содержат на своей поверхности бесчисленное множество микроорганизмов, которые при усердном вытирании внутренних стенок носовой полости внедряются в слизистую оболочку, выстилающую их, и вызывают в ней воспалительный процесс». Не удовлетворяясь только критикой таких нерадивых родителей и нянь, автор пособия объясняла, как нужно действовать для того, чтобы не причинить вреда здоровью ребенка: «Чтобы удалить секрет, выделяемый слизистой оболочкой носа, следует промывать полость носа теплой стерилизованной водой или слабым раствором какой-нибудь дезинфицирующей жидкости»³.

Резкую критику со стороны передовой общественности вызывали попытки некоторых родителей с помощью алкоголя «поднять силы» слабых детей, порой начиная с первых недель их жизни. Вот лишь один из примеров, приведенных на Первом Всероссийском съезде по семейному воспитанию в январе 1913 г.: «Девочка 5-ти лет, из интеллигентной, зажиточной семьи получает уже с 1-го года жизни то портвейн, то коньяк, то малагу. Начали давать вино по

¹ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 84.

² Львова М.Я. Некоторые случаи из жизни нашей семьи // Львова (Симонович) М.А. Хочу умереть в России: воспоминания, дневники, переписка. М., 2010. С. 60.

³ Давыдова Е.[С]. Уход за ребенком... С. 5.

назначению врача, продолжали – по собственному усмотрению. Ежедневно получает не менее 2-х рюмочек портвейну и чайную ложку коньяку. Новый Год встречает с бокалом шампанского в руке. Пьет вино с удовольствием, после чего "оживляется"; обычно же вяла и апатична»¹.

Трудно сказать, насколько данное явление было распространено именно в дворянской среде, и какое влияние на умы родителей оказывала звучащая в печати критика приучения детей к алкоголю. Зато можно с уверенностью говорить о другом немаловажном явлении – о том, что развитие медицинских знаний и активная деятельность врачей сыграли свою роль в массовом отказе дворянок от труда кормилец, произошедшем в последней трети XIX – начале XX вв. Именно в эти годы в российском обществе широко обсуждалась «эпидемия» сифилиса, охватившая русскую деревню². Считалось, что взять кормилицу для ребенка без опасности заразить его можно было лишь двумя путями. Первый состоял в том, что мать ребенка должна была лично проводить целое исследование, расспрашивая и осматривая потенциальную кормилицу, в том числе (конечно, при наличии такой возможности), прибегая к услугам врачебного осмотра. Второй путь предполагал обращение для поиска кормилицы в специализированные приюты, где только что родившие женщины, желавшие идти работать в другие семьи, предварительно тщательно проверялись. Идея перехода «здоровых» кормилиц из семьи в семью перестала рассматриваться после того, как врачам, а за ними и их пациенткам стал известен факт возможности заражения больным ребенком здоровой женщины, причем довольно длительный инкубационный период делал невозможным распознать заражение на ранних стадиях³.

Первый из названных нами вариантов поиска кормилиц был построен на очень зыбких основаниях, особенно с учетом того, что да-

¹ Сажин И.В. Влияние алкоголя на развивающийся организм и роль семьи в борьбе с алкоголизмом // Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.XII.1912 – 6.I.1913 г. Т. I. СПб., 1914. С. 105.

² Подробнее см.: Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М., 1996; Энгелстейн (Энгельштейн) Л. Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 249–301.

³ Кормилицы и сифилис. Из лекции профессора Fournier. Перевод д-ра Н. Константинова (из журнала «Международная клиника»). СПб., 1887; Мать-кормилица (Библиотека «Самопомощи»). СПб., 1901.

леко не все матери имели возможность по разным обстоятельствам организовать врачебный осмотр женщины – претендентки на вскармливание. И хотя в специальных руководствах утверждалось, что порой «уже с первого взгляда не трудно определить, годится ли кормилица или нет», всё же авторы таких книг сами вынуждены были признавать, что целый ряд болезней лицам без специальной подготовки трудно диагностировать, «в особенности если болезнь находится в начале своего развития и нет еще определенных симптомов ее или же если имеют дело с таким случаем, в котором дальнейшее течение болезни приостановлено было лечением»¹.

Что же касается второго из отмеченных нами вариантов действий по поиску подходящей кормилицы, то следует заметить, что условия, устанавливаемые администрацией специализированных учреждений, оказывались неприемлемыми для небогатых дворянских семей. Например, приют акушерки Хрущевой требовал для своих кормилиц 8 р. в месяц жалования и гардероб (сарафанов, рубашек, юбок, чулок, передников, платков носовых, простыней, наволочек и полотенец – по 6; по одному – матрацу, подушке, одеялу, сундуку, большому байковому платку и шубе, а также сапог «сколько сносит»). По окончании же служения кормилице полагалось выдать «на выход» еще 25 р.² Добавим к этому 30–50 р., выделяемые на оплату труда акушерки или врача³, а также средства, которые надо было отложить на случай возможной болезни ребенка, и на «обзаведение» для него. Конечно, на новые вещи для дворянских детей родители тратились достаточно редко. Как правило, коляску, кровать и большую часть одежды передавали младшим от старших, при рождении же первого ребенка – собирали по родственникам⁴. В любом случае, при гигантских расходах в связи с рождением дворянского ребенка, «хорошую» кормилицу могли «поднять» только очень состоятельные семьи, а «любую» заводить боялись.

«Новые практические» родители с конца 1870-х гг. вынуждены были в основном отказаться от найма этой прислуги, причем исключительно из финансовых соображений. К услугам кормилицы зачастую не обращались даже тогда, когда мать по состоянию здоровья не имела возможности кормить ребенка, хотя именно вскармливание материнским молоком всё более и более воспринималось пе-

¹ Давыдова Е.[С]. Уход за ребенком... С. 40.

² ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 11. Л. 147.

³ Там же. Д. 9. Л. 155.

⁴ Там же. Д. 11. Л. 14.

редовой общественностью как один из важнейших факторов жизни новорожденного, позволяющий устанавливать «тесную связь матери с ребенком»¹.

Один весьма оригинальный выход из данной ситуации, вызвавший большой общественный резонанс, был предложен в статье офицера-воспитателя Орловского-Бахтинского кадетского корпуса капитана В.Н. Лайминга. Этот интеллигентный отец описывал, как по возвращении из командировки застал свою «жену совершенно больною плевритом и изнуренной непосильным кормлением ребенка». Врач «категорически заявил, что для спасения матери и ребенка необходимо прекратить кормление грудью и перейти на искусственное кормление». Их двое старших детей уже вскармливались искусственно, что и дало «отрицательные результаты: довольно частые и продолжительные поносы, а один ребенок впоследствии оказался рахитичным». Можно было бы ожидать, что в сложившейся ситуации семья примет решение о найме кормилицы, но на деле получилось иначе – в дом была взята коза! Опубликованная В.Н. Лаймингом брошюра и должна была служить практическим руководством для желающих заниматься «непосредственным вскармливанием козой»: «Для кормления коза ставилась на столик высотой 3/4 аршина, между ногами ее помещалась подушка, на которую клали ребенка...». Впечатляет итог статьи, долженствующий стать последним доводом в пользу данной системы вскармливания: «Правда, коза требует внимательного за нею ухода, но разве возня с деспотом-мамкою меньше? Содержание же последней несравненно дороже содержания козы»².

Впрочем, такие аргументы убеждали, конечно, далеко не многих. Чаще всего кормилицу заменяли не на козу, а применяли искусственное вскармливание, используя кипяченое, стерилизованное или пастеризованное коровье молоко, либо – с 90-х гг. XIX в. – специальные питательные смеси³.

Использование и термически обработанного молока, и специальных смесей требовало наличия в семье специальных приспособлений. Первоначально наибольшее распространение в

¹ Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.XII.1912 – 6.I.1913 г. Т. I. СПб., 1914. С. 234.

² Лайминг В.Н. Коза в роли непосредственной кормилицы моего грудного ребенка. Орел, 1911.

³ Яновская Д.А. Об искусственном кормлении новорожденных и грудных детей. Доклад в заседании Врачей Бесплатного Родильного Приюта, учрежденного Н.Ф. Уваровой в Киеве. Киев, 1913. С. 443, 447.

домашнем обиходе дворян имел стерилизационный аппарат Сокс-лета–Жантиля. В стеклянные бутылочки наливалось свежее коровье молоко, после чего каждая из бутылочек закупоривалась резиновой пробкой и помещалась на специальную подставку. Далее эта подставка ставилась в специальную тару, заполненную водой. В кипящей воде бутылочки с молоком находились от 30 до 45 мин. Этот традиционный способ «обеспложивания» молока нередко критиковался, прежде всего из-за воздействия высокой температуры на жидкость, что приводило к изменению ее химического состава и к потере ряда полезных свойств. Новым способом освобождения коровьего молока от опасных микроорганизмов стала в конце XIX в. пастеризация, также совершаемая при помощи специальных приборов, но при существенно более низкой температуре¹.

В конце XIX в. альтернативой использованию для вскармливания стерилизованного или пастеризованного коровьего молока, стали сухие готовые смеси из разных видов каш, одной из наиболее популярных среди которых была «смесь доктора Нестле»². Разумеется, данные смеси тоже требовали разведения и приготовления в специальных аппаратах для стерилизации. Эти аппараты стали важной частью и даже атрибутом домашнего быта интеллигентной, мало-мальски обеспеченной семьи, воспитывавшей младенца. Отечественной статистики «искусственников» в дореволюционной России не вели, но активно использовали данные французских специалистов. Так, исследование французской академии за 1902 г., показало, что «65% матерей не в состоянии кормить своих детей, а из оставшегося числа 35% – только 65% (т.е. неполных 23 на 100) матерей могут кормить грудью до 6-ти месяцев»³. Даже если признать эти данные завышенными для слабо урбанизированной России, все равно невозможно не увидеть наличие подобной проблемы, особенно среди дворянских слоев.

Изучение дневников и мемуаров дворянок рисует, в целом, схожую картину. Из числа всех своих детей мать вскармливала полный цикл одного–двух, а оставшихся либо кормили грудью не более 6 мес., либо сразу же переводили на искусственное кормление. Наконец, даже если своего молока было вполне достаточно, считалось «передовым» и «современным» давать ребенку с четырех-

¹ Давыдова Е.[С]. Уход за ребенком... С. 32–34.

² Жук В.Н. Козье молоко для детей и больных. Коза-кормилица. СПб., 1909. С. 88.

³ Там же. С. 13.

пятимесячного возраста в качестве прикорма специально приготовленные на стерилизационном аппарате смеси. Описание способа работы подобного устройства мы находим в переписке А.Е. Преснякова: «Путика начали прикармливать смесью молока с овсяным наваром, который стерилизуется в особом аппарате. Аппарат мы купили нового устройства. Это род самоварчика, который герметически закупоривается водой. Он эмалированный и очень удобен...»¹.

Широкое распространение искусственного вскармливания не могло не отразиться на состоянии здоровья дворянских детей. Врачи постоянно обращали внимание на то, что самой лучшей пищей для новорожденных является грудное молоко², и что «всего больше умирают дети от желудочных заболеваний, являющихся прежде всего следствием искусственного питания»³.

Борьба «с животом», болезненность и «рахитичность» младенцев являлись также одной из главных тем обсуждений в «эго-документах» членов дворянских семей и специализированной публицистики конца XIX – начале XX вв. Попытки «оздоровления» детей привели иностранных медиков, а за ними и часть отечественных специалистов, преимущественно деятелей Воспитательных домов, где искусственное вскармливание было основным, к идее «реабилитации козы». В начале XX столетия в Петербурге появилась частная ферма, в которой по рецепту врача и только больным, истощенным от искусственного вскармливания детям выдавали в рожке парное, некипяченое козье молоко⁴. В одном из докладов, специально поставленном на Первом Всероссийском съезде детских врачей (1912 г.), доказывалось, что «цельному козьему молоку мы не можем отказать в некотором преимуществе перед коровьим молоком в деле вскармливания детей и должны считать его некоторым заместителем грудного молока, главное, заместителем дешевым»⁵.

Таким образом, к началу XX столетия в дворянских семьях окончательно сложилась новая норма взаимоотношений родителей с маленькими детьми. Ребенок с самого рождения оказывался под усиленным надзором матери, которая либо сама кормила его, либо

¹ Пресняков Александр Евгеньевич. Дневники, письма... С. 228.

² Яновская Д.А. Об искусственном кормлении... С. 443.

³ Уход за грудными детьми. Рига, 1913. С. 18.

⁴ Жук В.Н. Козье молоко для детей и больных... С. 5.

⁵ Стрельбицкий И.К. Материалы по вопросу о кормлении грудных детей сырым неразбавленным козьим молоком // Труды Первого Всероссийского съезда детских врачей... С. 157.

осуществляла искусственное вскармливание. Она же принимала активное участие в уходе за ним в младенчестве и в раннем детстве. Родительские же функции отца зависели от того, о какой типологической группе идет речь. В довольно редко встречающихся «новых идейных» семьях отцы стремились участвовать в жизни младенца, с удовольствием беря на себя часть функций по уходу. Но в подавляющей массе дворянских семей, принадлежащих к группе «новых практических», отцовское участие определялось преимущественно заработком средств, необходимых для финансирования потребностей детей.

Дворянские дети дошкольного возраста

Когда в жизни дворянского отпрыска заканчивался период младенчества, ребенок вступал в новый этап, на котором к вопросам сугубо физического ухода добавлялись и задачи духовного развития личности. Особенно много перемен в жизни дворянских детей начинало происходить с наступлением 3–4-х-летнего возраста. С этого рубежа и приблизительно до 10 лет ребенок считался дошкольником¹.

В указанный период заметно обновлялся окружавший ребенка мир игрушек: на смену резиновым мячикам и зверушкам приходили разноцветные картинки с изображением различных животных и предметов, деревянные «кирпичики», кегли, серсо, небольшие приборы для рисования, вырезания и склеивания, складная азбука из кубиков, куклы, тачки, тележки, кораблики и многое другое. К началу XX в. передовая общественно-педагогическая мысль исходила из того, что «всякие заводные игрушки, лошадки с артистически сделанной упряжью, красивые, элегантно одетые куклы и т.п. вещи должны быть исключены из детской». Предпочтение при выборе игрушек предлагалось отдавать не их количеству и внешней красоте, а исключительно их «содержательности»: «...игрушки должны быть такого устройства, чтобы ребенок мог над ними проявить свою волю, свою сообразительность, чтобы мог с ними порезвиться..., не боясь повредить их или испортить». Особое внимание обращалось на целесообразность изготовления самых простых игрушек (например, бумажных корабликов или кукол) руками самого ребенка под

¹ Лыжина С.П. Образование детей младшего дошкольного возраста // Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.XII.1912 – 6.I.1913 г. Т. II. СПб., 1914. С. 74.

наблюдением и при помощи взрослых¹. Это позволяло развивать в ребенке творческие начала и приучать его к самостоятельности.

В дошкольном возрасте дети начинали общаться со своими сверстниками и сверстницами, например, проводя совместно часть лета в имениях своих старших родственников или друзей родителей, либо же на дачах. В это время они много гуляли и купались².

Дети всё больше интересовались совместными играми друг с другом. В этих играх полету фантазии, поистине, не было предела. Вот как описывала эту ситуацию в начале XX в. С.П. Лыжина, которая, по ее словам, «близко наблюдала» жизнь детей: «... вхожу я в одну комнату детей 4–5-ти лет: папа и мама водят гулять деток, тут же прыгает лягушка, лает собака; вхожу в другую, где играет несколько девочек: принцесса собирается в путь-дорогу; в третьей слышны шум и крик: взяли в плен Наполеона и ведут его куда-то». Подобные игры, особенно в более старшем дошкольном возрасте, имели не только характер развлечения, но и познавательный характер, конечно, под руководством того или иного взрослого человека: «Соорудив из стульев пароход, – рассказывала С.П. Лыжина, – дети отправились в далекое путешествие – в Африку. Приезд их на плантацию, знакомство с неграми, собирание хлопка и т.д., с большим воодушевлением были разыграны детьми, причем подробности ими тут же импровизировались»³.

Так – через игры и совместный отдых – в жизни дошкольника появлялись его сверстники. Но круг повседневного общения подраставшего ребенка менялся и в другом отношении. Вместо привычной и любимой няни (изредка – в добавление к ней) при детях появлялись гувернер и(или) гувернантка. «Мне было три года, когда поступила ко мне бельгийка M-le Henriette, – добрая, веселая девушка. В одно время с ней у братьев моих, Сережи и Мити, был гувернер M-r Liziar, француз», – писала в своих воспоминаниях В.Ф. Духовская⁴. Обилие иностранных имен гувернеров и гувернанток, встречающееся в различных дневниках и воспоминаниях дворян, не удивительно.

Приглашение к детям иностранцев объяснялось сформировавшейся в дворянской среде еще в XVIII столетии привычкой передоверять воспитание своих детей выходцам из-за границы,

¹ Давыдова Е.[С]. Уход за ребенком... С. 134–135.

² Е.П. К вопросу о половом воспитании // Половое воспитание. Сб. статей учителей, родителей и воспитателей. М., 1913. С. 56–57.

³ Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Т. II. С. 77–78.

⁴ Духовская В.[Ф]. Из моих воспоминаний. С. 3.

потребностью в хорошем знании иностранных языков и, наконец, незначительным числом русских подданных, имевших квалификацию, достаточную для получения свидетельства домашнего учителя (учительницы) или, тем более, домашнего наставника, но при этом готовых заниматься неблагодарным и малооплачиваемым трудом надомного преподавателя¹. Ведь согласно действовавшему с 1834 г. «Положению о домашних наставниках и учителях», право на эти звания имели исключительно русские подданные, причем от лица, претендовавшего на категорию «домашнего наставника», требовалось предъявить свидетельство об окончании высшего учебного заведения, а «домашний учитель» должен был пройти специальное испытание в университете, лицее или гимназии. Иностранцы же допускались к педагогической деятельности без присвоения специального звания. Для этого им также необходимо было пройти испытание, и представить документы о крещении и одобрительное свидетельство от русской миссии за границей².

Сравнительная легкость получения статуса гувернера для иностранца порой приводила к тому, что эту должность получали люди, мало подходившие для нее. Так, в доме Ф.Г. Голицына гувернером у сыновей одно время был «полусумасшедший» француз, который «по ночам ходил в сад и бил камнями окна в оранжерею, звонил в церковный колокол»³. Разумеется, с ним довольно быстро расстались.

Помимо иностранцев, при дворянских детях могли состоять и русские подданные. Заметим, что найти русскую гувернантку было несколько проще, чем русского гувернера. В большинстве своем это были либо бедные дворянки, либо дочери мелких чиновников, так и не выслуживших дворянства, – выпускницы Сиротских институтов. Администрация этих учебных заведений еще до выпуска договаривалась о получении каждой из них места и о предполагаемой оплате труда, зависевшей от продемонстрированной девушкой во время обучения успехов и связанного с этим итогового звания выпускницы – «кандидатка» или «домашняя учительница». Первые могли рассчи-

¹ Солодянкина О.Ю. Иностранная гувернантка и гувернер: сравнительные аспекты // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2005. № 10. С. 79–82.

² Положение о домашних наставниках и учителях (1 июля 1834 г.) // Лесгилье А. Руководство для русских гувернеров и гувернанток. На русском, немецком и французском языках. Необходимая настольная книга для каждого семейства, с прибавлением законов, относящихся к нравам и пенсиям лиц, посвятивших себя воспитанию и образованию детей в России. СПб., 1870. С. 90.

³ Духовская В.[Ф]. Из моих воспоминаний. С. 3.

тивать на жалованье в 350–400 р. в год, вторым полагалось не более 175–200 р. Ежегодно только Санкт-Петербургский Сиротский институт направлял на работу около 50 гувернанток. Так, в 1853 г. через это учебное заведение было устроено по дворянским семьям 25 кандидаток и 23 домашние учительницы¹.

Девушки, окончившие русские Сиротские институты, в которых велось преподавание танцев, музыки, языков, географии, физического воспитания и др. предметов, включая «даже» физику, как правило, имели лучшую образовательную подготовку, чем их иностранные коллеги. Но всё же, нередко в дворянских семьях к ним относились с известным предубеждением. «У нас новая гувернантка, – записала 4 февраля 1880 г. в своем дневнике Татьяна, дочь писателя Л.Н. Толстого. – Она очень умненькая, но институтка; это ее портит. Когда я ей это говорю, то она ужасно сердится»². Родители более охотно приглашали к своим дочерям иностранок, подчас тратя на оплату их труда значительно больше денег, чем, если бы они пригласили в свой дом соотечественницу, во многом еще и потому, что именно такой подход отражал цели образования девушки, которые ставили перед собой родители. Как справедливо отмечает в этой связи известный историк О.Ю. Солодянкина: «Гувернантка прежде всего моделировала девочек по своему образу и подобию – вот в чем секрет популярности французских гувернанток, ведь их непритязательное светское щебетание и изящные манеры, воспроизведенные в дочерях, помогали им сделать хорошую партию, что и считалось главной задачей молодой девушки»³.

Впрочем, обязанности гувернанток и гувернеров в дворянских семьях зависели не от их национальной принадлежности, а от их пола.

Прежде чем перейти к характеристике этих обязанностей, обратим внимание на встречавшиеся порой совершенно удивительные случаи, подобные тому, который нашел свое отражение в анонимных «Письмах гувернантки», опубликованных в 1858 г. на страницах газеты «Одесский вестник». Некая 16-летняя гувернантка Д. летом 1857 г. поступила на службу в семью провинциальных дворян Елисея Кузьмича и Прасковьи Феклистовны Клюквиных. «По приезде моем, – писала впоследствии девушка, – Прасковья Феклистовна

¹ ОР РНБ. Ф. 277. Д. 169. Л. 1–12.

² Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник / сост., вступ. ст. и прим. Т.Н. Волковой. М., 1987. С. 23.

³ Солодянкина О.Ю. Иностранная гувернантка и гувернер... С. 93–94.

поспешила передать мне, что мамзель нужна им только для блезиру; дети их не для того рождены, чтобы быть учителями или повытчиками; они одарены таким состоянием, которое откроет им дорогу на всяком поприще жизни»¹. В условиях, когда гувернантка приглашалась лишь «для блезиру», трудно всерьез говорить о каких-то особых и внятных ее обязанностях. Да и сама служба превращалась тогда в лишенное всякого смысла времяпровождение. Так что не удивительно, что уже вскоре «мамзель» покинула дом Клюквиных.

Думается, вышеописанная ситуация едва ли была единичной в дворянской среде, но всё-таки правильнее ее воспринимать как случай не типичный. Гувернеры и гувернантки нужны были главным образом не для того, чтобы пустить «пыль в глаза» соседям и знакомым, а для достижения гораздо более важных целей.

В задачи гувернантки входил надзор за детьми, нередко (в целях экономии) – как девочками, так и мальчиками, обучение их «манерам», языкам, музыке, сопровождение повзрослевших воспитанниц на прогулках и т. д.² Различные популярные руководства, вполне адекватно отражая место домашней наставницы в доме, утверждали, что «гувернантка вообще до некоторой степени заменяет детям мать; поэтому она постоянно должна находиться при них, заботясь не только об их образовании, но и об их физическом благосостоянии»³.

Гувернер же занимался исключительно мальчиками, и от него ждали хорошего уровня образования, создания всех необходимых условий для подготовки их к поступлению в выбранное родителями учебное заведение и вообще, введения своего ученика в «мужской мир»⁴.

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. социальный институт гувернерства прошел длительный путь и претерпел значительные изменения. Под воздействием свалившихся на дворянство экономических тягот, а также при расширении возможностей для женщин выбирать себе трудовой путь, молодые девушки-дворянки к концу столетия стали шире пользоваться возможностями педагогической подготовки, открывавшимися перед ними благодаря

¹ Д. Письма гувернантки // Одесский вестник. 1858. 15 июля.

² Зинченко Н. Женское образование в России. Исторический очерк. СПб., 1901. С. 19–20.

³ Жизнь в свете, дома и при дворе. Репринт. М., 1990. С. 94–95.

⁴ Солодянкина О.Ю. Иностранная гувернантка и гувернер... С. 92.

деятельности Ведомства учреждений императрицы Марии¹. В результате появился многочисленный слой получивших специальную подготовку гувернанток, а вот доля гувернеров заметно сократилась. Сообщения столичных и провинциальных институтов Мариинского ведомства о том, что их выпускницы «нередко встречали серьезные затруднения в приискании себе мест гувернанток или учительниц»², позволяет говорить о высокой конкуренции на рынке услуг гувернанток и домашних учительниц в конце XIX – начале XX вв.

Но в середине XIX столетия в большинстве случаев именно две названные выше фигуры – гувернер и гувернантка – реализовывали в жизни дворянской семьи все элементы семейного, домашнего воспитания. На долю родителей оставались лишь самые общие инструкции и запреты, а также функции такого же – весьма общего, а нередко и поверхностного – контроля.

Взаимные контакты родителей со своими вышедшими из младенческого возраста детьми, не отличались особой частотой. Как правило, они предполагали несколько «ритуальных» действий. Утром детей приводили к отцу и матери, поздороваться. Иногда днем, если в доме не было гостей, и родители были не очень «заняты», вся семья встречалась за столом. Наконец, вечером – осуществлялось пожелание «спокойной ночи», а в особо торжественных случаях – общая молитва³. Не случайно в череде ранних детских воспоминаний о периоде середины XIX в., как и о предшествующих десятилетиях, редко появлялся отец, а образ матери «прекрасной, далекой, пахнувшей духами», заглянувшей в детскую на минутку, чтобы поцеловать детей перед отъездом на бал, прием или куда-либо еще, скорее сопоставим с феей, неземным существом, а не с родным и близким человеком⁴. Только в очень редких семьях отцы (характерно, что именно отцы, а не матери) в свободное время занимались с детьми – учили их читать и писать,

¹ Пономарева В.В. Программа социализации воспитанниц в женских институтах Мариинского ведомства (конец XIX – начало XX в.) // Вестн. Московского ун-та. Сер. 8. История. 2013. № 5. С. 12–26.

² Там же. С. 17.

³ См., напр.: ОР РНБ. Ф. 326. Д. 15. Л. 2–2 об.; Гавриил Константинович. Великий Князь. В Мраморном дворце. Мемуары. М., 2001. С. 7–8.

⁴ Подробнее см.: Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в. СПб., 2009; Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. 2-е изд. М., 2008.

отвечали на вопросы, рекомендовали книги для чтения, которые затем обсуждали, наконец, просматривали ученические тетради¹.

На протяжении всего исследуемого периода главной своей задачей родители считали «хорошо устроить» будущее детей. Это, в свою очередь, требовало осуществления целого комплекса самых разных мероприятий: от поддержания материального благополучия семьи, до воспитания детей, нацеленного на их подготовку к будущей взрослой жизни, и предоставление им тех знаний и навыков, которые бы позволили молодому поколению наиболее быстро и с наименьшими проблемами утвердиться в обществе. Однако за почти 70 лет интенсивных реформ это самое «общество» кардинально изменилось, следовательно, изменилось внутренне содержание как самого понятия «хорошо устроить», так и представление о тех шагах, которые необходимо предпринять для достижения поставленной цели.

1860-е – первая половина 1870-х гг. привнесли немало нового в общественную жизнь российского общества. Конечно, и в пореформенные десятилетия сохранялся не подвергшийся почти никакой модернизации (с точки зрения внутренних отношений между родственниками) тип семьи, в котором, по воспоминаниям Ю.Н. Болдыревой, заботы «родителей исключительно были направлены на то, чтоб ребенок был здоров, накормлен и чист, т. е. на заботы о теле, а дух в здоровом теле рос сам собой»². Но наряду с таким, в общем-то, вполне традиционным подходом, в рассматриваемый период начали формироваться и проявлять себя те две новые группы родителей, о которых уже шла речь выше, и для которых мы ввели в известной мере условные обозначения – «новые идейные» и «новые практические» родители.

Как уже отмечалось, «новые идейные» родители под влиянием демократических идей того времени значительно расширили свое личное участие в уходе за младенцами. Но и в судьбе повзрослевшего ребенка они тоже стремились принимать самое деятельное участие, переосмысливая свою роль как в самом процессе воспитания детей, так и в целях и задачах этого воспитания. Это участие могло осуществляться в форме *постоянного* (а не периодического) контроля над процессом обучения вообще, или же, реже, в форме

¹ См., напр.: ОР РНБ. Ф. 698. Д. 2. Л. 25–26.

² Болдырева [Ю.Н.] Продукты детского творчества как материал для изучения ребенка // Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.XII.1912 – 6.I.1913 г. Т. I. СПб., 1914. С. 267.

преподавания ребенку того или иного предмета, который был более знаком родителю. Что же касается цели и задач воспитания, то они мыслились в формировании «человека» и «гражданина»¹, и в максимальном развитии естественных способностей конкретного ребенка. Это, в свою очередь, предполагало не подготовку детей к определенной деятельности, а предоставление им значительной палитры знаний, из которых они *сами*, могли бы потом выбрать то, что им было бы наиболее интересно.

Первое поколение «новых идейных родителей», датируемое нами концом 1850-х – началом 1870-х гг., обладало также рядом особых типологических черт, подвергшихся изменению в последующие периоды. К таким особым характеристикам следовало бы отнести следующие.

Во-первых, воспитанием и образованием собственного ребенка родители-шестидесятники обычно начинали заниматься не ранее достижения им пяти – семи лет, когда уже можно было приступить к его серьезному обучению. До достижения этого возраста ребенок по-прежнему оставался на руках у нянек, а затем гувернанток или гувернеров.

Во-вторых, участие родителей в воспитании подросших детей было крайне неравномерным. В полных семьях, при наличии обоих родителей, очевидное преимущество принадлежало отцу. Именно отец определял направление образования детей, подбирал литературу, следил за выполнением домашних занятий и т.д. Мать же либо оказывала ему в этом деле некоторую помощь, либо заменяла отца в его отсутствие. В этом плане прерогативы мужчины-«развивателя», следящего за интеллектуальным ростом и жены, и детей, казались совершенно непреложными.

И, наконец, в-третьих, идеи образования и обучения девочек и мальчиков были глубоко различными. С одной стороны, и тем, и другим предполагалось давать достаточно обширные познания, максимально раскрывать и развивать их способности. Вместе с тем,

¹ Вопрос о том, кого в первую очередь надо воспитывать: «человека», т. е. лицо исповедующее «общечеловеческие идеалы» или «гражданина», т. е., прежде всего, «патриота» стал в конце 50-х – 60-е гг. одним из самых спорных. Обсуждение его велось на страницах не только педагогической, но и общеполитической прессы. Каждый из «новых идейных родителей» был, несомненно, знаком с ожесточенной дискуссией, которую вели между собой по данному вопросу Н.И. Пирогов, К.Д. Ушинский и М.Н. Катков, и либо пытался следовать доктрине одного из них, либо надеялся реализовать при воспитании собственных детей принцип золотой середины.

в отношении мальчика всё это казалось вполне «понятным» и «естественным», – необходимость в развитии его внутреннего мира не требовала никаких дополнительных аргументов. Предоставляя же серьезное образование дочери, родители, как правило, считали необходимым «оправдаться» перед собой или окружающими, говоря о важности «учености» для девочки, как для будущей матери¹. Таким образом, если «новые идейные» родители, в целом отошли от предопределения будущего своих сыновей, не готовя их заранее ни к какой карьере определено, то четкая ориентация будущего девочки, как жены и матери сохранилась, обретая лишь некоторую специфику.

Яркий образец «новой идейной» системы домашнего воспитания мы находим в записных книжках А.В. Половцова, датируемых концом 1850-х – началом 1860-х гг. Маленький Тотоша, как его звали в семье, вел свой дневник по требованию отца, и под его строгим надзором. Мальчик записывал не только события, произошедшие за день, но и некие «предположения», т.е. стоявшие перед ним задачи. В обязательном порядке подводились итоги: мальчик должен был определять, насколько ему удалось реализовать эти самые «предположения», рассчитанные на неделю, месяц или даже год. Раз в несколько дней отец проверял дневник, исправлял допущенные при написании ошибки, отмечал тот или иной поступок ребенка, а также обращал внимание на забытые сыном события и указывал на то, что и как следует записывать. Так, в том месте, где семилетний Тотоша написал, что потерял резинку, отец оставил пометку «Стыдно»². А в комментариях отца к итоговой записи за 1861 год содержится упрек, что сын не отметил дату 19 февраля, ставшую «навсегда замечательным днем» для России. Сам же А. Половцов постоянно сетовал на то, что «Папенька хочет, чтобы мы писали вместо фактов – мысли в нашем гимназическом дневнике. Иногда это легко, а большей частью трудно; и выходит чушь»³. Характерно, что

¹ Эта традиция была положена Н.И. Пироговым в его нашумевшей статье «Вопросы жизни». Вслед за великим врачом и педагогом практически все деятели либерально-демократического направления рассуждали, что «всякую женщину, прежде всего, необходимо предположить матерью ... Для женщины вообще бездетность ненормальна». См.: Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9. С. 559–597; Гиерглифов А. Общественное призвание женщины // Отечественные записки. 1863. Т. 143. № 7–8. С. 519.

² ОР РНБ. Ф. 601. Д. 44. Л. 11.

³ Там же. Д. 46. Л. 187 об., 201.

для практики в языках дневник велся сразу на трех – русском, французском и немецком.

Помимо проверки дневника, отец ежедневно занимался с сыном по вечерам. Такие занятия могли проходить в трех формах – иногда он читал мальчику вслух, в другие дни сын читал, а отец слушал, и, наконец, периодически они совместно обсуждали те вопросы, которые мальчик «проходил» на занятиях, и отец мог повторно объяснять сыну неясные и непонятные вопросы. При этом первоначально А. Половцов и его двоюродный брат – Карл, обучались дома с гувернантками (с одной – до 10 лет, а с другой – с 10 до 12 лет). Помимо этого к мальчикам были приглашены учителя по музыке и по гимнастике.

Мать Тотоши Половцова тоже занималась с сыном, хотя и значительно меньше, чем отец. Она диктовала ему тексты на иностранных языках, практиковала в разговоре, а иногда, как правило, в отсутствие отца, проверяла у него уроки.

Таким образом, родители проводили с сыном по несколько часов в день, были постоянно в курсе всех его дел, обсуждали интересные мальчика вопросы и сами направляли его развитие, поднимая важные на их взгляд темы¹.

Часть «новых идейных» родителей-дворян вслед за немецким педагогом Фридрихом Фребелем признавала желательным помещение детей в детские сады, в которых их чада могли бы играть, общаться, наблюдать за природой, словом, получать разностороннее воспитание и подготовку к школе.

Одна часть современников подчеркивала, что развитие «детских садов и клубов» было обусловлено недостаточностью подготовки самих родителей, прежде всего, матерей, для решения задач воспитания своих детей². Другие же обращали внимание не столько на уровень подготовки матерей как воспитательниц, сколько на растущую занятость женщин-дворянок в сферах интеллигентных профессий, что отнимало у них в среднем по 7 час. в день. Эти женщины проявляли особый интерес к детским садам: «...как уменьшилась бы нервность, капризы и эта «скука» у детей, если бы они в отсутствие матери оставались в хороших условиях, а не на руках у прислуги!»³.

¹ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 44–47.

² Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.XII.1912 – 6.I.1913 г. Т. I. СПб., 1914. С. 59.

³ Там же. С. 167.

В начале XX в. призывы оказывать реальную поддержку женщинам путем организации различных форм призрения детей активно звучали со стороны представительниц либерального и радикального феминизма, исходивших из убеждения в том, что женщина должна иметь возможность совмещать рождение и уход за детьми с активной социальной деятельностью¹.

Во второй половине XIX в. Фребелевские общества появились во многих странах, в том числе и в России. Но если в Западной Европе значительную роль в развитии системы дошкольного воспитания играло государство, то в нашей стране до начала XX в. детские сады появлялись по инициативе и при финансовом участии частных лиц и обществ.

В Российской империи первый платный детский сад был открыт 1859 г. в Гельсингфорсе, а второй – в Санкт-Петербурге, в 1863 г. Новое явление распространялось медленно. По данным, полученным Санкт-Петербургским Фребелевским обществом от попечителей учебных округов, в России в 1874 г. насчитывалось всего 56 детских садов, причем более половины из них располагались в Петербургском (14), Московском (9) и Рижском (8) округах².

Наряду с детскими учреждениями для трудящегося населения, в России получили распространение платные детские сады для детей дворян, чиновников, офицеров, почетных граждан. Детские сады появлялись как при средних учебных заведениях, где выделялись 1–2 комнаты для малолетних детей, так и в отдельных помещениях. В эти учреждения принимали детей в возрасте от 3–4 до 7–8 лет. Плата составляла от 50 до 80 р. в год. При приеме предъявлялось свидетельство врача о состоянии здоровья и о прививке от оспы. Занятия велись с 10 до 14 час.

Отчетливое представление о целях, задачах и методах воспитания в детских садах в конце XIX – начале XX вв. создает небольшая брошюра, автор которой писал следующее: «Детский сад имеет целью дать детям общее развитие и удовлетворить их стремление к обществу. В детском саду производится свободное воспитание, основанное на внутренней волевой дисциплине, трудовой обстановке и индивидуализации развития каждого ребенка. Кладя основой развития самостоятельное достижение знаний и развитие

¹ Мицюк Н.А. Типы российских дворянок начала XX в. по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 23.

² ЦГИА СПб. Ф. 582. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

наблюдательности, собеседования с детьми ведутся только на темы окружающей жизни, природы, внесенной в жизнь детского сада и того материала, который дают прогулки и экскурсии с детьми. Для большего закрепления в памяти детей приобретенных знаний все впечатления иллюстрируются ручным трудом, развивающим навыки рук и внешние чувства. Для развития фантазии детям рассказываются сказки, которые иллюстрируются рисунками, лепкой и драматизацией. Воля и внимание детей развивается в общих подвижных играх и в музыкальных играх...»¹. Как видим, детские сады были нацелены на физическое и нравственное воспитание детей в обществе сверстников, в процессе игр и иных занятий, подходящих по возрасту, а также эти учреждения были призваны содействовать подготовке детей к дальнейшему обучению в средней школе.

В семьях «новых практических» родителей складывалась несколько иная ситуация с воспитанием и образованием своих детей дошкольного возраста. Детские сады для этой категории дворян оказывались совершенно «не по карману». С 3–4 лет дети в таких семьях переходили либо на попечение гувернантки, если, конечно, имелась возможность оплачивать ее услуги, либо на попечение матери, которая должна была сама давать своим детям первоначальное образование.

В 1860–1870-е гг. значительно более частым явлением, чем в предшествовавшие годы, стали русские гувернантки и домашние учительницы. В значительном большинстве это были не выпускницы Сиротских институтов, а «обычные» дворянские девушки из обедневших семей, оказавшиеся перед необходимостью сами содержать себя или даже помогать домашним. Наплыв желающих, как и то, что они были «вынуждены толкаться на очень узкой полосе экономической жизни» приводили к тому, что, они «конкурируя друг с другом», сбивали «цены с невысокого и без того женского заработка»². В результате их небольшая требовательность способствовала тому, что пригласить на службу русскую гувернантку, в отличие от иностранки, могли позволить себе и не очень обеспеченные дворянские семейства.

С другой стороны, квалификация таких «учительниц» была, конечно, невысокой. В массе своей эти «работницы», нередко очень

¹ [Чабан Е.Н.]. Программа среднего учебного заведения с курсом мужской гимназии для детей обоего пола. [Пг., б.г.]. С. 1.

² Первый женский календарь на 1901 год / под ред. П.Н. Ариян. СПб., 1901. С. 303–304.

юные, имели образование, данное им «старыми» родителями без учета возможной трудовой деятельности, и предполагавшее уже отмеченный нами набор – языки, музыка, «манеры» и «некоторое» представление об основных науках. Только вызванная отменой крепостного права потеря источников существования вынудила «благовоспитанных», но совсем не «ученых» барышень «встать на собственные ноги». Так, потомственная дворянка Анна Шабанова, в будущем одна из «пионерок» женского движения, в связи с полным разорением семьи оказалась перед необходимостью начать свою трудовую деятельность в 1863 г. в возрасте 15 лет, став домашней учительницей¹.

При традиционных требованиях к уровню образованности девушек квалификация подобных «специалисток» показалась бы вполне приемлемой. Однако «новые практические» родители, хотя и были стеснены в средствах, и не желали много платить гувернантке, но, вместе с тем, хотели за свои деньги значительно большего, нежели в «старых» семьях. Прежде всего, они мечтали получить *одного* домашнего учителя для всех детей, как девочек, так и мальчиков. Но главное состоит в произошедшем принципиальном изменении воззрения родителей на необходимую подготовку для дочерей. Вокруг каждой семьи существовало немало примеров дворянских девушек, вынужденных самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Понимание того, что замужество дочерей может стать весьма отделенной перспективой, так как семья не обладает достаточными средствами для наделения приданным, а значит, может так случиться, что юной особе придется где-то работать, способствовали стремлению родителей «на всякий случай» позаботиться об обучении их тем или иным навыкам или умениям, пригодным для заработка. Таким образом, вовсе не развитие личности и ее способностей, а профессиональная подготовка должны были стать итогом обучения не только сыновей, но и дочерей.

Попытки совместить высокие требования к первоначальному образованию с приглашением лишь одного домашнего наставника для всех детей оказывались в большинстве случаев неудачными. Гувернантки, обладавшие практически таким же уровнем знаний, как и матери, оказывались способными, помимо функции присмотра, в лучшем случае успешно обучать детей одному–двум предметам, а для других занятий требовалось дополнительно нанимать кого-то еще.

¹ Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 129.

В итоге «новые практические родители», считавшие буквально каждую копейку, как правило, были вынуждены выбирать одну из следующих альтернатив: либо гувернантка занималась присмотром, а обучением детей она с матерью занимались совместно, либо гувернантку вообще не нанимали, и функции контроля брала на себя мать, а для обучения приходили учителя, нередко, гимназисты (гимназистки) и студенты (курсистки). В любом из двух названных вариантов, мать оказывалась одним из домашних педагогов, серьезно и постоянно занимаясь образованием детей. Отец же, в большинстве случаев, уделял внимание детям также мало, как и в «старых» семьях, причем нередко он к тому же исповедовал и традиционные воззрения. Например, документы Комиссии-Канцелярии прошений содержат немало страниц, посвященных звуковому методу обучения чтению (!), ставшему популярным в России в 70-е гг. XIX в. Отцы категорически требовали обязать их жен «не портить детей» применением «облегченного метода учения, развивающего ... лень»¹.

Получалось, что «новые идейные родители» – это были, преимущественно, единомышленники, которые под руководством мужа и отца стремились реализовать задачу воспитания «человека и гражданина», используя для этого возможности не только семьи, но и, в ряде случаев, детских садов, а «новые практические родители» далеко не всегда исповедовали общие педагогические установки. Напротив, очень часто речь идет о матерях, самостоятельно воспитывающих детей, а в полных семьях – о родителях, объединенных лишь одной общей целью – дать детям образование, обеспечивающее им в будущем «кусочек хлеба», при минимальных финансовых затратах.

* * *

«Открытие детства» – это был первый и, пожалуй, наиболее сложный период в жизни ребенка, да и всей его семьи. Это не означает, конечно, что сложностей не возникало в дальнейшем, но на этом, самом первом этапе возникало много специфических проблем, от решения которых, особенно в первые месяцы и годы после рождения, зависело здоровье и даже жизнь ребенка. До 70-х гг. XIX в. условия родовспоможения и ухода за младенцами в дворянских семьях мало отличались от ситуации в других социальных группах и слоях общества, оставаясь на весьма примитивном уровне. Как следствие, весьма частыми были осложнения у женщи-

¹ См., напр.: РГИА. Ф. 1412. Оп. 213. Д. 20. Л. 5–5 об.

ны во время беременности и при родах, а также высокая смертность младенцев.

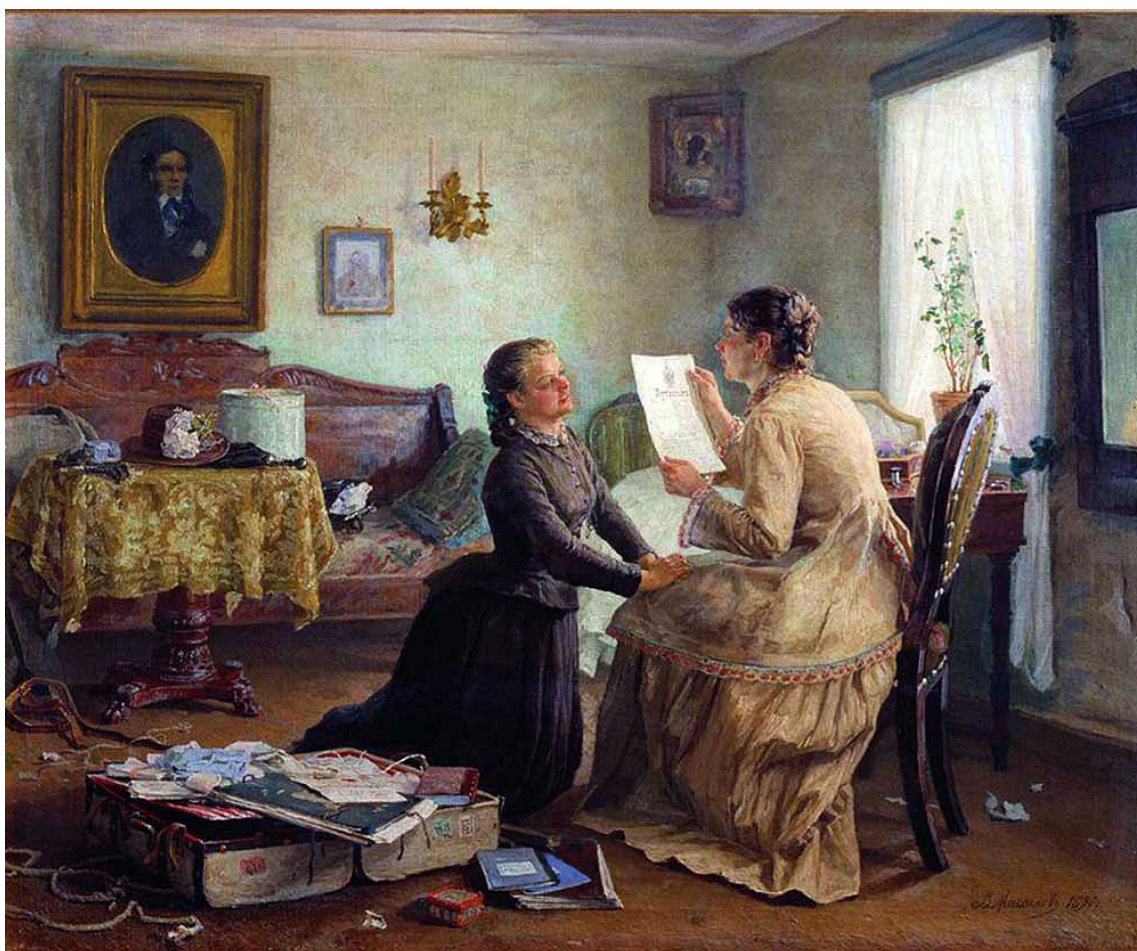
В 70-е гг. XIX в. не только в столицах, но и в провинции широко распространилась профессиональная акушерская помощь, которой пользовались, прежде всего, дворянки. Возросло и участие медиков в контроле над протеканием беременности и над состоянием здоровья детей раннего возраста. В этот же период всё более значительную роль в уходе за маленькими детьми начинают играть сами матери. Это происходило как в довольно обеспеченных семьях, в которых мать наблюдала за работой кормилиц и нянь, так и в малообеспеченных, в которых все тяготы по уходу за ребенком ложились на плечи матери семейства. К началу XX в. уровень развития стационарной помощи роженицам, особенно в крупных городах, способствовал тому, что часть дворянок, даже имевших значительные средства, по рекомендации врачей начали использовать для проведения родов специализированные медицинские учреждения. Однако в целом у дворян сохранилась традиция домашних родов.

Существенные изменения на протяжении рассматриваемого периода произошли и в уходе за детьми дошкольного возраста. Если первоначально они находились под присмотром и попечением гувернеров и гувернанток, большей частью, иностранных, то к концу XIX в. уход за детьми этого возраста осуществляли сами родители, преимущественно матери, при определенной поддержке со стороны прислуги, порой даже не специализированной. Социальный институт гувернерства сохранился, но тоже претерпел изменения: к концу столетия сформировался многочисленный слой получивших специальную подготовку русских гувернанток, а доля гувернеров – как русских, так и иностранных – стала мизерной.

Главной задачей дошкольного воспитания в последней трети XIX – начале XX вв. являлась подготовка ребенка к школе, в то время как раньше значительная часть дворянских детей ограничивалась лишь домашним образованием. В «новых идейных» семьях дворян отцы активно участвовали в воспитании собственных детей и в их подготовке к школе, а в основной массе «новых практических» семей роль отцов ограничивалась лишь поиском материальных средств, необходимых для воспитания и обучения ребенка.

Задачи по подготовке ребенка к школе выполняли не только члены семьи и приглашенные на дом наставники, но и специализированные общественные заведения – детские сады и подготовительные классы, популярность которых в дворянской среде, несмотря на их дороговизну, заметно выросла к началу XX в.

ГЛАВА III СЕМЬЯ И ШКОЛА

В. Максимов «С дипломом»

Куда пойти учиться?

Одной из заметных тенденций в изменении повседневной жизни несовершеннолетних дворян в России во второй половине XIX – начале XX вв. стало неуклонное снижение доли тех, кто получал исключительно домашнее образование. Например, в 1857 г. из всех дворян Курской губернии (обоего пола) домашнее образование получили свыше половины (53,1%), а в 1897 г. таких было лишь 39,9%. Соответственно, возросла численность тех дворян, которые, начиная с определенного возраста, получали образование в различных учебных заведениях – с 46,9% в середине XIX в. до 60,1% к концу столетия¹.

В столичных регионах доля лиц, имевших только домашнее образование, к концу XIX в. была еще меньше. Это отчетливо видно, например, из анализа состава московского «Общества распространения между образованными женщинами практических знаний»². За первое десятилетие его работы (с 1888 по 1898 гг.) в «школах» (по сути, в специализированных кружках или на курсах) этого «Общества» прошли обучение 2778 взрослых женщин, почти половина которых принадлежала к дворянскому сословию. Весьма показательно, что только 16% женщин имели домашнее образование. У остальных же было оконченное или неоконченное среднее образование³.

В связи с ростом численности дворянских детей, для которых домашняя подготовка не исчерпывала собой образования, а была

¹ Оноприенко И.Г. Быт провинциального дворянства: традиции и новации в 50–90-е гг. XIX века (на примере Центрального Черноземья): автореф. дис ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007. С. 23.

² Подробнее об этом учреждении см.: Верременко В.А. Российское «Общество распространения между образованными женщинами практических знаний» (конец XIX – начало XX в.) // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань: в 2-х т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, О.Д. Попова. М., 2014. Т. 2. С. 488–492.

³ Общество распространения между образованными женщинами практических знаний. Отчет с 1888 г. – 1898 г. М., 1900. С. 14–15; Краткий отчет деятельности Общества распространения между образованными женщинами практических знаний за время 25-летнего существования его. 1887–1912. М., 1912. С. 8, 22–23.

лишь стартовой площадкой для дальнейшего поступления в среднюю школу, перед ребенком, а в наибольшей степени, конечно же, перед его родителями, неизбежно возникал тот самый вопрос, который вынесен нами в заголовок – куда пойти учиться?

В середине XIX в. возможности выбора средних учебных заведений были ограниченными. До конца 1850-х гг. для дворянских девочек, достигших возраста 7–11 лет, существовали исключительно закрытые институты и пансионы. Дома девочки проводили лишь несколько недель в году, да и то лишь те из них, кто находился в пансионах. В Сиротских институтах и институтах благородных девиц каникулы появились с 1862 г., первоначально в качестве меры поощрения «за успехи в науке и хорошее поведение». С 1870-х гг. детей стали отпускать и на праздники Святой Пасхи и Рождества Христова¹.

По окончании обучения в институте или пансионе девушки, как правило, снова оказывались на попечении гувернантки, находящейся при них, с целью «сопровождения», до самого замужества².

Основная масса учебных заведений для дворянских девушек, за исключением нескольких элитных институтов, давала им очень слабое образование. На выходе из учебного заведения они должны были немного рисовать и музицировать, сносно говорить на французском и немецком языках, уметь вязать, вышивать и шить, а также иметь некоторые, самые общие, представления о законе божьем, истории, географии и математики³. В «первоклассных институтах» список предметов был значительно шире. Однако, и окончившая подобное учебное заведение Е.А. Кравченко, писала в своих воспоминаниях спустя четверть века о том, что она с ее знаниями и «методой» 1850-х гг., «теперь» не годится даже в гувернантки⁴.

¹ Родителей, родственников или опекунов обязывали во время каникул («отпуска») «являться за детьми самими; в случае же невозможности – присылать кого-либо из родственников, или других благожелательных лиц и снабжать последних письменной доверенностью...». Девицам во время отпуска полагалось «не выходить далее родственного круга», запрещалось брать их «на публичные гулянья и танцевальные вечера с платой за вход». Возвращать институток по окончании каникул полагалось родителям или замещающим их лицам «лично, или с доверенными, известными начальству лицами и при том в определенный для того срок...». См.: ЦГИА СПб. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2068. Л. 1–1 об., 45 об.

² См., напр.: Из воспоминаний Н.А. Малевского-Малевича // Русский архив. 1908. Кн. 2. № 5–8. С. 94.

³ ОР РНБ. Ф. 698. Д. 2. Л. 38 об.

⁴ Там же. Ф. 601. Д. 1195. Л. 73.

В большинстве своем родители были хорошо информированы о предполагаемом уровне образования, которое получит их дочь, потратив на учение 6–8 лет, и израсходовав на это значительные материальные средства из семейного кошелька. Однако в середине XIX столетия это их никоим образом не смущало, ведь о том, что их дочери когда-либо придется работать, ни отец, ни мать, не могли представить себе и в страшном сне, а для удачного замужества от барышни требовалось уметь держать себя в обществе и обладать полной «невинностью». И то, и другое институты и пансионы гарантировали, а, стало быть, затраченные родителями или опекунами средства вполне окупались. Вспоминая это «счастливое время», бабушка обучавшейся на Высших женских курсах (ВЖК), а потом и в Сорбонне Елизаветы Дьяконовой, сетовала: «... прежде девицы никогда ничего не знали, а выходили замуж и счастливы были... Со всем не надо никакого образования, тогда лучше будет!»¹.

Девушки, которые не отправлялись в закрытую школу, а оставались дома, должны были усвоить тот же набор «знаний», что и в пансионе, но под руководством гувернантки. Этот вариант был менее предпочтительным, так как в домашних условиях «оградить невинность» было все же более затруднительно, однако в середине столетия нередко приходилось довольствоваться именно этим вариантом, прежде всего, из-за острой нехватки денежных средств.

Успех в жизни молодого человека, напротив, напрямую зависел от наличия у него достаточных умений и навыков в выбранной (конечно, не им самим, а его родителями) сфере. Исходя из этого, подготовкой будущего «военного» или будущего «штатского» начинали заниматься с возраста 10–11 лет. Эта подготовка могла осуществляться несколькими путями: отправкой мальчика в закрытое учебное заведение, поступлением в школу открытого типа, наконец, домашним образом, под руководством одного высококвалифицированного гувернера или целого штата учителей. Главными требованиями, предъявляемыми родителями к учебному процессу являлось хорошее усвоение ребенком материала и твердая дисциплина.

Готовя мальчика к его карьере, семьи нередко вынуждены были обходить всякого рода щекотливые моменты, лишь бы на выходе молодой человек мог рассчитывать на «хорошее место». Так, глубоко верующий, православный коммерсант из дворян Г.М. Литусов, решивший, что и его сын Николай, должен продолжить семейное

¹ Дневник Елизаветы Дьяконовой // Всемирный вестник. 1905. № 8. С. 131.

дело, отправил ребенка по достижении семи лет в Аннинскую школу, состоявшую при Лютеранской церкви Св. Анны. Отец был убежден, что именно там формировали столь необходимые для поступления в Коммерческое училище знания и навыки. Характерно, что требования в этом учебном заведении были действительно очень высокие, и еще до школы мальчик был обучен читать и писать по-русски и по-французски¹.

По завершении сугубо образовательного процесса в отношении своих чад, родители переходили к самой важной части своих обязанностей. Они «пристраивали» детей в соответствии с их полом: девушек – замуж, а юношей – к «месту», т. е. на службу. И в том, и в другом случае, мнение молодых людей, пусть и вполне взрослых, особого значения не имело, и принималось в расчет только в том случае, если не противоречило «видам» родителей.

Отдельную группу детей в дворянских семьях составляли воспитанники. Эта категория была достаточно разнообразна по составу. В нее входили: дальние и близкие родственники, как правило, сироты или полу-сироты, совершенно «чужие» дети, иногда даже подкидыши и найденыши, незаконные дети отца, либо обоих родителей, если они вступили в брак только после рождения у них ребенка. Отношение к этим детям в семьях дворян также было весьма различно.

Если в семье не было «своих» детей или они как раз и были «своими» детьми, а также в случаях когда «воспитателями» являлись их бабушки и дедушки, то на таких «воспитанников» распространялись все «заботы» родителей в форме предоставления им «соответственного» образования усилиями гувернеров или же в «подходящем» учебном заведении, а также организации карьеры для мальчиков и замужества для девочек.

Иное положение в семье имели воспитанники, использовавшиеся в качестве компаньонов для «хозяйских» детей. Предполагалось, что в результате совместных занятий и вызванной этим конкуренции дети будут учиться лучше. Например, подобную функцию в семье Половцовых исполнял племянник – Карл Вайе². При этом, если образование компаньоны-воспитанники получали такое же, как и родные дети хозяев, то при поисках «места» или «партии» для них особых усилий не прикладывалось. Наконец, отдельную категорию воспитанников составляли дети, исполнявшие в семье раз-

¹ ОР РНБ. Ф. 698. Д. 2. Л. 48–48 об.

² Там же. Ф. 601. Д. 46.

ного рода «послуги», и, несмотря на особый статус, мало отличавшиеся по своим обязанностям от крепостной прислуги. Нередко малообеспеченные помещики брали для этой цели детей из Воспитательных домов. Последнее особенно распространилось после отмены крепостного права, превратившись в способ приобретения бесплатной рабочей силы¹.

Пореформенные десятилетия привнесли немало перемен в жизнь дворянской семьи. В результате, многие вопросы, которые раньше решались вполне привычным образом, теперь не имели такой накатанной колеи. Менялся и социокультурный облик родителей, что тоже приносило определенные новации в решение вопроса о выборе образовательной стратегии и учебного заведения для ребенка.

Вероятно, всё же, распространенность отмеченных выше перемен не стоит абсолютизировать ни для пореформенных десятилетий, ни для начала XX в. Педагоги не очень уж сильно сгущали краски, произнося: «Большинство родителей, подогреваемые газетными и журнальными статьями (не ведающими, что творят), поручают детей школе, лишь "отдавая дань неизбежному злу"; входят в школу с трепетом и предубеждением, что ведут детей на муку и ряд несправедливостей, словом, о доверии нет и речи...»². Думается, что разговоры о «большинстве» таких родителей – не более чем полемический прием, призванный заострить особое внимание слушателей, а впоследствии и читателей, на имеющихся проблемах во взаимодействии семьи и школы. Однако же в наличии самой проблемы, отмеченной в речи А.В. Ветухова, сомневаться не приходится.

Наряду с таким, условно говоря, немодернизированным слоем существовали и другие группы дворян, по-иному смотревшие на задачи школы и на способы выбора того или иного учебного заведения. Для одной из таких групп – «новых практических» родителей – предоставление детям домашнего среднего образования оказывалось совершенно невозможным, так как требовало – при гарантии высокого качества – слишком много средств. Оставался один выход – отправлять ребенка в школу. Выбор учебного заведения зависел от четырех основных обстоятельств: возможности получить бес-

¹ См., напр., материалы о выдаче Воспитательным домом детей в дворянские семьи на «воспитание» и о возвращении части из них назад в связи с «нездоровьем». ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 464 а.

² Ветухов А.[В]. О взаимном доверии и взаимопомощи семьи и школы (Произнесено на акте в Харьковском коммерческом училище императора Александра III 24 октября 1904 г.). Харьков, 1905. С. 2.

платное место в том или ином заведении или стипендию на обучение; от реальных материальных средств, которыми располагали родители; от количества детей в семье и, наконец, от наличия у какого-нибудь из них особых способностей. Каждое из этих обстоятельств могло выступать как основное, а могло действовать в комплексе с другими.

Практически каждая чиновничья, а особенно офицерская семья, имела возможность воспользоваться для одного из своих законных детей государственной вакансией или пособием на обучение. Наибольшие льготы имели морские офицеры. Право на помощь от казны получали все морские офицеры, «сделавшие» на море в офицерских чинах не менее 4 кампаний. Например, только в 1865 г. пособие на образование (без учета казенных вакансий) получило 914 детей таких офицеров, на общую сумму 396.104 р¹.

Правда, отдельные министерства предоставляли помощь на конкретных условиях. Например, дочери служащих в Ведомстве учреждений императрицы Марии могли рассчитывать на бесплатное помещение именно в заведения этого ведомства².

Помимо этого в 1860-е–1870-е гг. существовала вполне успешная практика обращения к «монаршему милосердию» с просьбой объявить того или иного ребенка «Пенсионером Его Императорского Величества», с обращением платы за обучение на казенный счет. В дальнейшем, после трагической гибели императора Александра II в 1881 г., ситуация стала меняться. Новый император Александр III (1881–1894) постоянно отказывал большинству просителей. На текстах всеподданнейших докладов можно часто увидеть такие резолюции: «Платить за всех нет возможности»; «Подобные просьбы будут без конца. Я не нахожу возможным воспитывать всех детей просителей на казенный счет» и т. д. Исключения из этого правила делались либо в случае добавления к ходатайству рекомендации какого-либо пользующегося влиянием лица (министра или члена царской семьи), либо в случае, если выплаты предполагались как кратковременные (за последний год обучения, в ожидания открытия в самом скором времени казенной вакансии и т. п.). При императоре Николае II в 1896 г. такого рода дела были временно изъяты из ведения Канцелярии по принятию прошений и переданы в «надлежащие ведомства» для изложения прошений, в случае необходимости,

¹ Проект правил для назначения денежных пособий на воспитание детей морских офицеров. СПб., 1862; ОР РНБ. Ф. 208. Д. 78. Л. 1 об.

² ЦГИА СПб. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2068. Л. 5.

императору в ходе собственных всеподданнейших докладов. Однако министерства, не имея других средств, помимо уже существующих казенных вакансий, отклоняли ходатайства без доклада царю, поэтому выплаты на образование почти полностью прекратились. В 1903 г. по инициативе руководителя Канцелярии по принятию прошений барона А.А. Будберга его ведомству было предоставлено ежегодное финансирование на указанную выше категорию дел в размере 100 тыс. р. Уже в 1908 г. на эти средства претендовало около 4 тыс. чел.¹

Материальную помощь, хотя и не столь значительную по сравнению с казенной, в образовании дворянских детей оказывали сословные организации. Такая помощь могла выражаться в открытии специализированных заведений для «недостаточных» (бедных) дворян, в выплатах стипендий и просто в разовых денежных выдачах².

Наконец, определенное участие в судьбе дворянских детей принимали всевозможные благотворительные организации и частные благотворители, которые, среди прочего, организовывали бесплатное обучение детей наиболее настойчивых из обращающихся к ним родителей³. При прочих равных условиях преимущество традиционно отдавалось «сиротству детей и многочадию родителей»⁴.

В среднем, дворянская семья, имевшая четырех и более детей, как правило, могла поместить одного или даже двоих из них в учебное заведение на казенное содержание. Для нуждающихся дворян это было значительным подспорьем, и они обязательно пользовались представившейся возможностью. Соответственно, подходящий по возрасту ребенок направлялся в то или иное учебное заведение не потому, что имел для этого способности, не потому, что родители считали такую школу наиболее подходящей, и даже не из-за того, что родители заранее выбрали для него определенную карьеру, а потому, что за обучение можно было не платить.

Судьба других – «платных» – детей зависела от трех оставшихся из вышеперечисленных факторов. Если детей было мало, то им подбирали школы, нередко частные, обеспечивавшие хорошую под-

¹ Писарев С.Н. Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, приносимых на Высочайшее Имя. 1810–1910 гг. Исторический очерк. СПб., 1909. С. 159, 178, 188.

² См. напр. материалы о помощи детям бедных дворян С.-Петербургской губернии. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 1316; 1334.

³ См. напр. ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 2. Д. 1225.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2068. Л. 225.

готовку к поступлению в специализированное учебное заведение. А когда на всех детей потратиться в одинаковой степени возможности не было, то предпочтение по качеству образования отдавалось тем, на кого родители возлагали наибольшие надежды. В многочисленных адресах и других обращениях «во власть» дворяне постоянно указывали, что расходы, связанные с получением «хорошего» среднего образования одним ребенком составляли 300–400 р. в год. Потратить такие средства на двух, а тем более троих и более детей средние дворянские семьи уже не имели никакой возможности. Им подчас приходилось довольствоваться «полуобразованием» или даже элементарным обучением на уровне городских училищ. Например, в 1890-х гг. в Воронежской губернии в каждом из уездов насчитывалось до 30 дворянских детей, обучавшихся в низших школах и сельских училищах¹.

В этом плане особым знаменем времени стало то, что далеко не всегда дворянская семья отдавала однозначное предпочтение сыновьям, обеспечивая именно их карьеру. Если заметными способностями выделялась дочь, а особенно, в тех случаях, когда она входила в число старших детей, то ее развитие мыслилось родителями как удачное вложение денег, не только гарантирующее им спокойную старость, но предоставляющее возможность, за счет ее будущего заработка, «поднять» остальных детей. Так, например, дочь дворян Бергов окончила Смольный институт, а сын, из-за нехватки денежных средств, был взят из гимназии и переведен в фельдшерскую школу, с оплатой обучения из доходов работающей сестры².

В результате всего этого комплекса факторов в последней трети XIX – начале XX в. никого уже не удивляло наличие в одной дворянской семье детей, имевших принципиально разную образовательную подготовку, причем построенную не на так называемых «естественных» и сознательно проводимых разграничениях по полу, а вызванную конкретными обстоятельствами жизни отдельной семьи.

Произошедший под воздействием «Великих реформ» Александра II перелом в материально-бытовых условиях и в мироощу-

¹ Токарский А.Д. Мнение по вопросу, что нужно для поддержания дворянского сословия // Особое совещание по делам дворянского сословия. СПб., 1901. С. 2; Записка Воронежского Губернского Предводителя Дворянства // Там же. С. 3.

² РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 904. Л. 165.

щении русского дворянства, выразился, среди прочего, и в появлении уже неоднократно нами упомянутых «новых идейных» родителей-дворян. 60-е – первая половина 70-х гг. XIX в. ознаменовались серьезным кризисом во взаимоотношениях поколений в дворянской среде. «О какой дворянской семье не спросишь в то время, – писала С.В. Ковалевская, – о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещественных, материальных причин возникали ссоры, а единственно из-за вопросов чисто теоретических, абстрактного характера. «Не сошлись убеждениями!» – вот только и всего, но это «только» вполне достаточно, чтобы заставить детей побросать родителей, а родителей отречься от детей. Детями, особенно девушками, овладела в то время словно эпидемия какая-то – убежать из родительского дома»¹.

Однако все же были дворянские семьи, в которых родители поддерживали «передовые» воззрения своих детей. Главной характерной чертой этих «новых идейных» родителей, несомненно, связанной с влиянием «демократических» идеалов, было переосмысление ими своей роли, как в самом процессе воспитания и образования детей, так и в целях и задачах этой деятельности. Цель таких родителей, говоря словами одного из современников, заключалась в том, чтобы «поставить ребенка в условия жизни, при которых развитие его сил, удовлетворение умственных и нравственных запросов совершалось бы легко, свободно и радостно»². Наиболее образно эту мысль выразил А.С. Буткевич: «Ребенок – растение, развивающееся из зерна. Предоставив ему в обилии все необходимое для развития и прежде всего свободу развития, мы можем быть уверены, что оно пышно и гармонически разовьет все заложенные в зерне особенности»³.

В предыдущей главе уже шла речь о том, что эта категория родителей стремились к широкому личному участию в воспитании своего ребенка как гражданина, в развитии его высоких нравственных и интеллектуальных способностей. Эта родительская забота не иссякала и в тот период, когда ребенок становился школьником. По-прежнему родители посвящали значительную часть своего времени заботам о воспитании ребенка, уделяя наибольшее внимание его

¹ Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М., 1986. С. 57.

² Китаев А. Мысли о половом воспитании // Половое воспитание. Сб. статей учителей, родителей и воспитателей. М., 1913. С. 5.

³ Буткевич А.С. Совместное воспитание полов // Совместное воспитание и образование. Четыре доклада в московских кружках «Совместного воспитания и образования детей» и «Педагогическом кружке». М., 1913. С. 9.

интеллектуальному и духовному развитию, и стремясь подобрать такое учебное заведение, которое наилучшим образом позволяло бы реализовывать имевшиеся у родителей установки в области образования и воспитания.

Последнее обстоятельство вытекало из простого опасения родителей того, что все их усилия в деле воспитания из ребенка «человека» и «гражданина» будут просто-напросто «похоронены» старой, казенной, ретроградной школой¹. Эти опасения нередко «подпитывались» личным опытом родителей, их воспоминаниями о «своей» гимназии, «в которой начинали наши головы всяким хламом, всякой мертвечиной»: «Никаких светлых, хороших, поднимающих переживаний в классе у нас не было. Мы тщательно оберегались от всего "вредного", т. е. от всего хорошего, светлого, высокого...»².

С учетом сказанного становится понятным, почему для подбора подходящего учебного заведения «новые идейные родители» шла на любые неудобства и на весьма значительные расходы. Так, для того, чтобы маленькая Оля Яфа могла быстро добираться до выбранной для ее обучения школы, вся семья переехала из «удобной, большой и светлой», да к тому же и достаточно дешевой квартиры, в «неудобную, маленькую, сырую» и более дорогую, но расположенную на соседней улице с гимназией³.

Дети старшего подросткового возраста, даже если речь идет о молодых девушках 15–17 лет, могли обучаться в школе, расположенной в 40–50 мин. езды, добираясь до нее с несколькими пересадками на конке, извозчике, а позднее и на трамваях! Вот, например, какую ежедневную дорожную эпопею переживала, по описанию одной из родственниц, ученица старших классов Катя Кавос: «Погода все время очень скверная, бежать ей утром нужно до Благовещенской площади, там садиться на 4-й номер (трамвая – В.В.); но это в теории так, а на практике выходит, что она всякий раз берет извозчика» (любившая поспать девочка все время опаздывала). В итоге мать, находившаяся в то время за границей, написала опекавшей девочку родственнице: «...чем ей по мокроте бежать до извозчика уж лучше пускай ей подает всякий день мой знакомый,

¹ См.: Поликутина Н.В. Взаимодействие семьи и школы как общественно-педагогический феномен в России второй половины XIX – начала XX вв. СПб., 2009.

² Кабанов Н.А. Совместное обучение // Совместное воспитание и образование... С. 35.

³ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 314; 316.

весьма порядочный старичок, и мы с тобой будем покойнее и стоит тот же полтинник»¹. Обрато Катя должна была добираться уже сама: «Возвращаюсь, – писала она матери, – ... на двух трамваях (причем всегда все страшно толкаются и пихаются; воздух в вагонах невыносимый, воняет сапогами, водкой и т. д.)»². Характерно, что оба приведенных примера касаются Санкт-Петербурга. Очевидно, что в столице Российской империи с ее десятками женских средних учебных заведений, можно было найти школу, не требовавшую подобных «жертв». Однако «новые идейные родители» выбирали только ту, которая не только обучала, но и воспитывала, причем на самом передовом уровне. В таких школах реализовывались новые методики преподавания, проводилась не только классная, но и активная внеклассная работа, формализм и зубрежка уступали место задачам формирования разносторонней личности.

Однако прежде чем готовиться к переезду или решать транспортные проблемы, в «передовую» школу надо было еще поступить. Подобные учебные заведения, в массе своей частные, были дороже казенных учебных заведений, а вступительные испытания в них были значительно строже. Так, например, школа Е.С. Левицкой в Царском Селе – одна из первых средних школ с совместным обучением мальчиков и девочек – сразу заявила о себе как об учебном заведении «продвинутого типа», предназначенном для узкого круга детей «избранных родителей». В данном учебном заведении обещали «полную свободу ребенка», «строгий семейный режим», «хорошее образование, присмотр и благотворное влияние детей разных полов». Все это стоило далеко не дешево – с пансионеров взималась плата в размере 820 р., а приходящие должны были вносить 300 р., причем в эту сумму не входили уроки музыки, латинского языка и танцев³.

Вместе с тем, частный характер подобных школ делал возможным определенные корректировки условий, официально записанных в правилах приема. Это касалось тех случаев, когда владельцы школы и потенциальные родители учеников были друзьями, родственниками, знакомыми, в конце концов, просто встречались в одних кругах. Тогда родители могли несколько задержаться с оплатой, а

¹ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 43. Л. 49.

² Там же. Д. 44. Л. 96 об.–97.

³ Школа Е.С. Левицкой в Царском Селе. Программа для поступающих. СПб., 1903; Веретенко В.А. Проблемы среднего совместного образования в России (школа Е.С. Левицкой в Царском Селе) // 300 лет Царскому Селу. Сб. научных статей / отв. ред. В.А. Веретенко. СПб., 2010. С. 63–67.

поступающие – даже иметь определенные пробелы в знаниях. Вот как проходил вступительный экзамен в Стоюнинскую гимназию для уже упомянутой выше О. Яфа, мать которой в течение несколько лет до этого была в приятельских отношениях с хозяйкой учебного заведения. Как вспоминала сама Ольга, М.Н. Стоюнина, «обласкав, самолично проэкзаменовала меня по русскому языку, арифметике и Закону Божию (письменно – в классе, устно – в учительской) и найдя мои знания и навыки вполне удовлетворительными (какие-то недочеты, впрочем обнаружались в приемах устного счета, которые мама обещала восполнить за лето), – сказала, что зачислит меня в список учениц будущего I класса»¹.

Разумеется, далеко не все располагали такими связями, как родители Ольги Яфа и, следовательно, не для всех вступительные экзамены проходили столь просто, как в описанном выше случае. К началу XX в., как показывают, в частности, материалы I Всероссийского съезда по семейному воспитанию (конец 1912 – начало 1913 гг.), «общим местом» в рассуждениях родителей и педагогов стала резко негативная оценка существовавших процедур вступительных экзаменов. Одни считали, что эти экзамены при поступлении в среднюю школу «должны получить совершенно иной характер, спокойной, неторопливой и более продолжительной проверки знаний, носящей характер обычных классных занятий, прерываемых очередными перерывами с играми, завтраками и пр.». Другие утверждали, что вступительные экзамены и вовсе «должны быть отменены, да и вообще, экзаменов не должно быть, в особенности это касается Закона Божия...», а сам процесс «приготовления» детей к вступительным экзаменам в школу характеризовался как «величайшее насилие над детской душой»².

С учетом сказанного становится понятным, почему порой, тщательно изучив все возможные предложения, родители так и не находили ничего подходящего для ребенка. В этом случае, они могли, разумеется, если позволяли материальные средства, открыть свою школу. Делалось это «всего лишь» для того, чтобы гарантированно предоставить своему ребенку именно то образование и, главное, воспитание, которое они считали правильным. В том, что мотив обучения собственных детей и младших родственников в духе свободного, демократического образования играл большую роль в от-

¹ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 314. Л. 90.

² Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.XII.1912 – 6.I.1913 г. Т. II. СПб., 1914. С. 81–82.

крытии «передовых» школ, можно убедиться, посмотрев списки учеников первого набора того или иного учебного заведения: там обязательно встретятся фамилии хозяев учебного заведения¹.

Приблизительно по данной схеме появилось в Санкт-Петербурге одно из самых «передовых» учебных заведений – упомянутая выше женская Стоюнинская гимназия. Мысль об открытии средней школы для девочек впервые появилась у Марии Николаевны в 1879 г.: «Я тот час сказала об этом своему мужу (известному педагогу Владимиру Яковлевичу Стоюнину – В.В.). Ему пришлось по душе моя мысль, – но он не знал еще насколько крепко она утвердилась во мне и потому отвечал, что согласится содействовать мне только в том случае, когда я через год – еще раз повторю ему о своем намерении»².

Ситуация изменилась в 1881 г., когда их старшая дочь Лина достигла возраста первоначального обучения. «Для нее и был открыт младший приготовительный класс», – откровенно признавали сами родители. Этот приготовительный класс положил начало будущему учебному заведению. Вот какие аргументы приводила М.Н. Стоюнина в пользу создания «своей» школы: «...мы с Владимиром Яковлевичем хотели видеть наших детей прежде всего «людьми», а так как мы не верили тому, что существующие казенные школы могут дать им такое воспитание, такой «закал», мы и стали мечтать создать «свою» школу, которая помогла бы нам сделать из наших родных детей, и из их сверстников «людей» – настоящих, честных и работоспособных граждан своей Родины»³. Афористично, емко и актуально звучит высказанная тогда идея о том, что подлинное назначение школы – «...воспитание, прежде всего человека, а не подготовленных лиц, которые могли занять одну из ступеней табелей о рангах»⁴.

Сам подход к открытию гимназии – неверие в возможность существующей государственной школы сделать из детей «настоящих граждан своей Родины» – predetermined оппозиционный характер учебного заведения, как с точки зрения внешней организации учебного процесса, так и внутреннего его содержания. Особенности организации учебного процесса в Стоюнинской гимназии были следующие: «Специальных воспитательниц – «классных дам», – вспо-

¹ Напр., состав школы Е.С. Левицкой в Царском Селе см: Школа Е.С. Левицкой в Царском селе. Программа для поступающих. СПб., 1903.

² ОР РНБ. Ф. 744. Д. 302. Л. 1.

³ Там же. Ф. 163. Д. 370. Л. 3–4.

⁴ Там же. Ф. 744. Д. 418. Л. 3.

минала уже упомянутая выше ученица школы О. Яфа, – в нашей гимназии не было: воспитательские функции считались неотъемлемыми от преподавателя любого предмета и вменялись в обязанность каждого педагога.

Отметок не полагалось: педагог должен прививать детям интерес и любовь к знанию, которые в таком случае и будут достаточным и гораздо более благородным стимулом к учебной работе. Лишь в конце каждого полугодия, мы получали ведомости, где отмечались наши успехи по предметам, но не цифрами, а словами: «удовлетворительно», «хорошо», «очень хорошо». Оценка ниже удовлетворительной подробно детализировалась родителям, чтобы они знали на какие слабые места и пробелы в знаниях их детей они должны направить свою помощь»¹.

Эти внешние проявления «свободы» находились в неразрывной связи с действовавшей внутри школы, далеко выходившей за пределы допустимого, свободы высказываний со стороны преподавательского состава. Вот, например, воспоминания о содержании занятия, проведенного М.Н. Стоюниной с ученицами старшего класса в 1893 г.: «...она не столько беседовала с нами, а рассказывала с горячем увлечением о Герцене, его журнале «Колокол», на обложке которого были изображены барельефы профилей пяти повешенных декабристов, о друге Герцена Огареве, о поколении русских девушек и женщин 60-х и 70-х годов, не жалея сил боровшихся за право русских женщин на труд, на высшее образование. Сами для себя они мало что добились, хотя некоторые из них и стали врачами, педагогами, переводчицами, художниками – но они добились всего этого для сменявших их, следовавших за ними поколений, для вас»².

Очевидно, что хотя среди учащихся и могли оказаться те, чьи родители отдали детей в «престижные» школы не предполагая, какое обучение и образование их там ждет, но подавляющее большинство, преодолевая немалые материальные и моральные трудности для определения детей в эти учебные заведения, заранее поддерживали взгляды и подходы к воспитанию местных преподавателей. А это означало, что и дома, в семье, велись «свободные» разговоры, при которых присутствовали, а возможно и участвовали дети.

Результат подобного семейно-школьного и однозначно «оппозиционного» существующей системе власти, воспитания, не мог не

¹ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 316. Л. 9–9об.

² Там же. Д. 370. Л. 2–3.

сказаться на подростках. Очень яркую картину того, как сами воспитуемые представляли себе достойного «человека» и «гражданина», находим в воспоминаниях О. Яфа. Рубеж 80–90-х гг. XIX в. На перемене девочки-старшеклассницы, учащиеся Стоюнинской гимназии, обсуждали животрепещущие для них вопросы: «Что такое подвиг?» и «Настоящее самопожертвование». Ольга Яфа вспоминала: «После минутного молчания раздался тихий голос Мани Станюкович:

– Что такое истинное самопожертвование? Мне рисуется большая городская площадь, запруженная народом. Посреди площади сооружен эшафот и толпа собралась смотреть на казнь. Привозят приговоренного: молодого революционера. И вот вдруг объявляют (это, конечно, невероятно, но ведь фантазировать можно?), ... что этому человеку будут дарованы жизнь и свобода, если в этой толпе найдется хоть один, который согласится, вместо него, сложить свою голову на плахе. Толпа вполне сочувствует революционеру, но ... умереть за него? Таких не ... находится. Молодого человека ведут на эшафот, подводят к плахе... И вдруг из толпы раздается голос: – Я хочу умереть за него: верните ему жизнь и свободу!». Обдумывая этот пример «истинного самопожертвования», остальные замолчали. Всех их, скорее всего, поразила та же мысль, что и автора приведенных воспоминаний, написанных на основе дневника – «Как жаль, что не я сказала это, ведь я думаю также»¹.

Дела и заботы школьного возраста

Условия жизни и быта школьника в дворянской семье России в пореформенный период зависели от ряда факторов. Среди них основными были возможность сохранения связи ребенка на время обучения с семьей, материальное положение родителей и характер педагогических и гигиенических представлений воспитателей.

Как уже отмечалось ранее, многие дворянские дети на время обучения покидали семьи. Часть из них отправлялась в закрытые учебные заведения (в качестве казеннокоштных – обучаемых за счет казны, своекоштных – средства на обучение и проживание, которых оплачивали родители или опекуны, и, наконец, чьих либо пансионеров – необходимые суммы предоставляли благотворители, представители царской фамилии, общественные/сословные органи-

¹ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 316. Л. 91 об.–92.

зации, местные администрации, а также конкретные министерства и ведомства). Остальные хотя и учились в учреждениях открытого типа, но так как учебное заведение располагалось в другом городе, то дети вынуждены были селиться в пансионах при школах, семьях родственников, и даже просто на съемных квартирах.

В закрытых элитных школах, призванных обеспечивать постоянный «бдительный надзор» над процессами нравственного совершенствования дворянской молодежи¹ (разумеется, отдельных для мальчиков и для девочек²) уже с первой половины XIX в. действовала «английская» система организации жизни детей, получившая (и то частично) определенное распространение в дворянских семьях только к концу столетия. Такая система предусматривала строгий, изменявшийся только в крайних случаях (большие праздники, приезд высокопоставленных особ и т. д.) распорядок жизни.

Во всех государственных учебных заведениях закрытого типа, и для мальчиков, и для девочек, был приблизительно одинаков: воспитанники вставали в 6 час. (в начале XX в. – в 6.30–7 час.), умывались и одевались, после чего шли в столовую пить чай (чай с молоком, сбитень или даже ржаной кофе и кипяченое молоко). Потом до 8 час. они гуляли и делали уроки³. Далее сменяли друг друга классные занятия, прогулки, подготовка уроков к следующему дню, дополнительные занятия – танцы, музыка, пение, гимнастика. Между уроками и прогулками приемы пищи – завтрак, обед, чай и/или ужин (еще один вечерний чай). Время приемов пищи могло отличаться в разных учебных заведениях. Различие зависело от того, рассматривался ли утренний чай как завтрак – тогда обед следовал в 12 час., или нет, тогда завтрак давали в 11 час., а обед в 14–15 час. В 20–21 час. дети умывались и ложились спать⁴.

¹ Сюзор Г.П. Ко дню LXXV юбилея Училища правоведения. 1835–1910 гг.: исторический очерк. СПб., 1910. С. 117.

² Даже Сиротские институты, предназначенные для призрения сирот и полу-сирот дворян, чиновников и офицеров, функционировали отдельно для девочек и мальчиков: Императорский Гатчинский Николаевский сиротский институт – для мальчиков и Николаевские сиротские институты в С.-Петербурге и Москве – для девочек. См.: Правила для принятия сирот в Императорский Гатчинский Николаевский сиротский институт. СПб., 1894. С. 13–15; ЦГИА СПб. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2068, 4615.

³ В женских учебных заведениях утренний туалет занимал все время до 8 ч утра, поэтому после утреннего чая сразу начиналась учеба.

⁴ См., напр.: Гурьев П.С. Очерк истории Императорского Гатчинского Сиротского института. СПб., 1854. С. 39; Морозова Т.Г. В институте благородных девиц // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц /

Из всего распорядка дня главные переживания учащихся были связаны с ранними подъемами: «... ничто так дурно на меня не действовало, – вспоминала А.В. Стерлигова, – как звон колокольчика ранним утром, к которому я никак не могла привыкнуть. В шесть часов утра все должны были вставать и умыться в прихожей дортуара, где ночью всегда спала обязательно горничная. Все спешили к двум умывальникам из красной меди с тремя кранами, над огромными тазами из дикого камня или, лучше сказать, резервуаром, перебивая одна другую; каждой хотелось поскорее умыться...»¹.

Вопросам гигиены вообще уделялось большое внимание. Ежедневно, а то и по несколько раз в день – утром и вечером, дети должны были умывать руки, лицо, шею холодной/прохладной водой, полоскать рот и чистить зубы. Периодически они должны были стричь ногти. Обязательно контролировалась аккуратность прически, одежды, обуви. Один или два раза в неделю их мыли в бане, меняли нательное и постельное белье².

Дети жили в хорошо проветриваемых, но холодных помещениях, спали под тонкими одеялами³. Носили практически одинаковую и дающую мало тепла одежду, своего рода «униформу»⁴. Для мальчиков, в зависимости от типа (военное или штатское) учреждения, она могла варьироваться от «фасонистых мундирчиков» до блузы с жилетом и брюками. В любом случае, под них надевались рубашки (зимой – фуфайки) и чулки (носки). Для девочек: камлотовое (шерстяное с добавлением шелковых ниток) платье (цвет его отличался не только от института к институту, но и в рамках одного учреждения – в зависимости от возраста воспитанниц) с короткими рукавами. Под него надевали полотняное белье и накрахмаленные нижние

сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. М., 2001. С. 400–401; В училище правоведения. Воспоминания И.А. Тютчева. 1847–1852. СПб., 1885. С. 4; ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 33.

¹ Стерлигова А.В. Воспоминания // Институтки... С. 86.

² Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки ... С. 148; Положение и устав Александровского кадетского корпуса. СПб., 1829. С. 9–11.

³ Зимой температура в помещениях специально поддерживалась на уровне не выше 14° Реомюра (17°С), а по утрам она могла опускаться до 8–10° Реомюра (10–13°С). Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки ... С. 229, 234; Абрамов Е.П. История Александровского кадетского корпуса для малолетних в Царском Селе. С. 116.

⁴ О дисциплинарной и иерархической функциях формы см. Зиновьева Л.Е. Барышня в униформе: форменный костюм и дисциплинарные практики в институтах благородных девиц в России XVIII–XIX веков // АНТРО. 2012. № 2. С. 5–16.

юбки. На голые руки надевались белые рукавички, подвязанные тесемками под рукавами платья; на голую шею накидывали пелеринку; белый передник с лифом, который застегивался сзади булавками, довершал костюм. Пелеринка, рукавички, передник были из грубого белого холста и по праздникам заменялись коленкоровыми. Комплект одежды выдавался на один год¹.

Кормили школьников однообразной, но вполне питательной пищей. Например, в Гатчинском сиротском институте «стол» воспитанников состоял из мясной и растительной пищи, а «продукты и состав блюд находились под контролем старшего врача института». По утрам воспитанникам подавался чай, белый хлеб или булка. На завтрак они получали мясное блюдо, чай или молоко. На обед могли быть: суп с манной крупой, мясной с вермишелью, суп из корней с морковью или борщ. Ужин мальчиков состоял из жареной картошки или макарон, кулебяки или слоеного пирога с капустой и яйцом, вечером воспитанникам подавался белый хлеб или кулебяка². Правда, большинство мемуаристов всё равно жаловалось на то, что еда не отличалась вкусом, а порции были недостаточны³. Особое недовольство вызывал появлявшийся иногда на завтрак так называемый гибер-суп – холодная, очень жидкая овсяная каша на воде (в институтах благородных девиц в это блюдо добавляли чернослив и изюм). Этот «суп» одинаково не любили как воспитанники мужских, так и женских заведений, практически всегда оставлявшие его нетронутым⁴.

В закрытых учебных заведениях строго соблюдались все посты. Завтрак в пост состоял из вареного картофеля с куском селедки или манной каши на воде. Обеденное постное меню включало суп с крупой или щи, на второе подавался кусок вареной рыбы, клюквенный кисель, пирог или блин с вареньем и кусок черного хлеба с квасом.

¹ Павлов Н.Г. Столетие существования Гатчинского Сиротского Института Императора Николая I (1803–1903 г.). Исторический очерк. СПб., 1903. С. 36; Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки ... С. 229; ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 162. Л. 12; РГИА. Ф. 762. Оп.1. Д. 987. Л. 58.

² Императорский Гатчинский Николаевский Сиротский Институт. Краткий очерк его современного состояния. СПб., 1896. С. 11; ЦГИА СПб. Ф. 751. Д. 738. Л. 4–7.

³ Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки ... С. 150; ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 33.

⁴ Абрамов Е.П. История Александровского кадетского корпуса для малолетних в Царском Селе. С. 116.

Помимо постов обязательным было ограничение пищи в среду и в пятницу¹.

Значительное внимание уделялось физическим упражнениям: ежедневные прогулки, танцы, гимнастика, зимой – катание со специально построенных горках и на санях, в мужских учебных заведениях, помимо названного, – вводились элементы спорта: верховая езда, фехтование, теннис, игры с мячом (в начале XX в. – футбол), бокс, зимой – коньки и лыжи².

Особую роль в сфере организации школьного быта играло поддержание дисциплины, воспитание у юношей и девушек привычки к соблюдению распорядка дня, опрятности и т.п. В мужских закрытых учебных заведениях для подростков допускались даже телесные наказания. В частности, § 56 Устава Училища правоведения гласил, что «с разрешения директора, может быть применено наказание розгами как исправительная мера для трех младших классов Училища». Ситуация внутри учебных заведений слабо изменилась и к началу XX в. Вот, например, какие воспоминания о жизни в Гатчинском сиротском институте оставил Д.Н. Лебедев: «Институт славился суровыми порядками. Поддерживалась строгая дисциплина, регулярно проводились маршировки. За провинности сажали под арест или под строгий арест в карцер, где условия были самые жестокие: никакой пищи, кроме хлеба и воды, и то через день. На прогулку за стены института воспитанников выпускали лишь в субботу и воскресенье, – конечно, только тех, кто за неделю ни в чем не провинился. Гимназисток, своих сверстниц, мы видели только в церкви»³.

Однако, несмотря на целый ряд специфических условий в организации школьного быта в закрытых учебных заведениях и многочисленные сетования со стороны воспитанников на различные

¹ В училище правоведения. Воспоминания И.А. Тютчева. 1847–1852. С. 5; Стерлигова А.В. Воспоминания... С. 85; ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 3. Д. 43. Л. 33.

² Анненкова Э.А. Императорское училище правоведения // Пространство и время. 2013. № 1. С. 219; Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). СПб., 1911. С. 25; Сюзор Г.П. Ко дню LXXV юбилея Училища правоведения... С. 230–231; Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки ... С. 148.

³ Устав Училища правоведения, высочайше подтвержденный 27 июня 1838 г. СПб., 1838; Орлова В.Д. Повседневная жизнь воспитанниц институтов благородных девиц во второй половине XIX – начале XX в. // Молодежь и социум. 2012. № 2. С. 38–40; Лебедев Д.Н. Пройденное: воспоминания. Л., 1980. С. 8–9.

трудности и неудобства¹, определенные результаты данная «спартанская система» приносила². В то время как смертность от различного рода болезней, прежде всего, инфекционных, была постоянным спутником детского возраста³, в закрытых школах показатели ее были минимальны. Современники были склонны объяснять это наличием строгого медицинского надзора за воспитанниками и воспитанницами, быстрой и квалифицированной медицинской помощью в случае необходимости, а также правильной организацией жизни подростков в стенах учебно-воспитательного заведения. При этом каждый случай болезни со смертельным исходом строго расследовался, становясь поводом для приезда специальной комиссии или даже смещения начальства⁴.

Во второй половине XIX в., первоначально в мужских штатских, а к 70-м гг. и во всех остальных закрытых учебных заведениях воспитанникам стали разрешать покидать учреждение на каникулы, праздники, а живущим поблизости от места обучения и на выходной (с вечера субботы до вечера воскресенья). Администрация относилась к этому новшеству с определенным опасением и первые несколько лет уезжавшие получали отпускной билет и четкую инструкцию по поведению на время отсутствия, ответственность за ее выполнение возлагалась на родителей и родственников. Вот, например, выдержки из «правил внешкольного поведения» для учащихся Училища правоведения, помеченных 30 мая 1849 г.:

«1. Воспитанникам IV, V, VI, VII и приготовительного класса ходить и ездить не иначе, как с родственниками, знакомыми и приличными провожатыми; из сего исключаются те только воспитанники IV и V классов, которым, по особому дозволению, за отличные благонравие и успехи, дозволяется ходить и ездить одним, почему выда-

¹ Галеновский П.А. Воспитание юношества в прошлом. Исторический очерк педагогических средств при воспитании в военно-учебных заведениях (в период 1700-1856 гг.). СПб., 1904. С. 28; Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов... С. 25; Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки ... С. 143; Абрамов Е.П. История Александровского кадетского корпуса для малолетних в Царском Селе. С. 116.

² Так, воспитанники кадетских корпусов отличались отменным здоровьем, что позволило многим из них дожить до глубокой старости. Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М., 2007. С. 145.

³ Верemenko В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4 (История). № 3. С. 18–31.

⁴ Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки ... С. 208.

ются им билеты, установленные для воспитанников первых трех классов, имеющих право ходить одним.

2. Всем вообще воспитанникам из домов родителей, родственников или знакомых, к которым они увольняются и которые дали обязательства в надзоре за ними, отлучаться не иначе, как с ведома сих лиц, и отпускной билет иметь всегда при себе.

3. Строго соблюдать форму и опрятность одежды...

6. В театрах быть не иначе как в ложах, соблюдать приличия, не хлопать и не вызывать играющих.

7. Не входить в кондитерские и рестораны...

10. Время не проводить праздну, но посещать ежедневно несколько часов исполнению заданных уроков и полезным умственным занятиям...»¹.

Однако постепенно внешний надзор за покидающими на каникулы и праздники закрытые учебные заведения стал ослабевать. Параллельно с этим происходило другое знаковое изменение – к началу XX в. практически во всех закрытых элитных школах появились полупансионеры и приходящие ученики. Как правило, это были дети персонала учреждения, «болезненные», для сохранения здоровья которых требовался «особый домашний уход», наконец, это был способ увеличить комплект обучающихся в учебном заведении без его кардинального расширения. В результате, та самая закрытость, которая должна была обеспечивать отрыв воспитанников от внешней среды, создавать из них «высшую касту», не подверженную влиянию «тлетворного окружения», стала ослабевать. А сам режим жизни подростков² строго разделялся на две противоположные сферы – школьную (с ранними подъемами, диетой, железной дисциплиной и порядком) и домашнюю (с возможностью «выспаться», «наесться» и свободно отдохнуть, не обращая внимание ни на какие наставления и нотации)³.

¹ Сюзор Г.П. Ко дню LXXV юбилея Училища правоведения... С. 154–155.

² Характерно, что даже тех, кто не имел родных и близких лиц, к которым можно было поехать на каникулы, стали вывозить на летние дачи. Так, например, воспитанников Гатчинского сиротского института отправляли на мызу в 5 верстах от Гатчины, где для них были устроены деревянные бараки, имелся «сад и небольшой огород, обрабатываемый самими воспитанниками», а на протекавшей рядом речке, было оборудовано место для купания. Императорский Гатчинский Сиротский институт. Краткий очерк... С. 9–10.

³ И родители, и учителя, и тем более дети, знали, что лето это «воля, полное ничегонеделание, полное забвение школы». Радциг Е. Урок естествознания // Свободное воспитание. 1908–1909. № 3. С. 96.

Под «пансионатами» подразумевались учреждения двух видов – во-первых, закрытые учебные заведения, но не государственные, а частные (наиболее широко были распространены до 70-х гг. XIX в., затем в связи с развитием сети открытых учебных заведений многие из пансионов, особенно женских, перепрофилировались в учебные заведения по подготовке детей к обучению в собственно средней школе, давая образование на уровне приготовительного и 1–2 классов учебных заведений МНП¹). Во-вторых, своего рода общежития (как частные, так и государственные²) при открытых школах (определенная часть открытых средних учебных заведений стала таковыми во второй половине XIX в. путем допуска приходящих учеников и полупансионеров в бывшие закрытые учреждения), куда можно было поместить ребенка, родители которого проживали вне места обучения.

Как правило, условия жизни в пансионах были не столь регламентированы, как в закрытых элитных школах, обстановка не столь «спартанской»³, а правила гигиены и санитарии – не столь обязательными⁴. Недаром мемуаристы, которым пришлось побывать и в частных пансионах, и в казенных закрытых учебных заведениях, в один голос отмечали отсутствие «казенщины», домашний характер отношений между детьми и персоналом в пансионе, где было «не житье, а масленица»⁵.

¹ См. об этом: Марасанова В.М., Албегова И.Ф., Шаматонова Г.Л. Женщины и образование в конце XVIII – начале XX в. (на примере Ярославской губернии) // Женщина в российском обществе. 2011. № 1. С. 7–8.

² Из государственных наибольшее количество относилось к ведению МНП и Ведомства Императрицы Марии.

³ Порядок жизни напрямую зависел от позиции хозяина (хозяйки) – начальника (начальницы) конкретного пансиона. Варианты могли колебаться от желания полностью повторить условия содержания детей в казенных элитных учреждениях до попыток создать «семейную обстановку». Мицюк Н.А. «Образование не для одной только гостиной». Феномен провинциальных женских пансионов // Женщина в российском обществе. 2012. № 2. С. 6–7; Луговой А. Как росла моя вера // Вестник Европы. 1909. Кн. 3. С. 171–172.

⁴ Подтверждение подобной ситуации находим и в художественной литературе. Так, в «повести для юношества» Л.А. Чарской – «Ради семьи», действие которой разворачивается в одном из частных женских пансионов С.-Петербурга, изображены близкие, свободные отношения между персоналом и девочками. Причем одна из воспитательниц, всеобщая любимица Магдалиночка, несмотря на тяжелую стадию чахотки(!), живет в одном помещении с ученицами, которые выражают свою любовь к ней обниманием и поцелуями. Чарская Л.А. Ради семьи: повесть для юношества. М., 1914.

⁵ Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки ... С. 130–131.

Частный характер большинства подобных учреждений делал в них возможным то, что казалось совершенно недопустимым в казенной школе. Так, например, отдельные подобные учреждения как в столице, так и в провинции, практиковали принцип со-обучения мальчиков и девочек. Причем данные новации могли осуществляться как совершенно сознательно (в конце XIX – начале XX в.)¹, так и «в силу необходимости», являясь следствием отсутствия достаточного числа средних учебных заведений в конкретной местности или способом увеличить контингент, а вместе с ним и доход заведения (50–70-е гг. XIX в.)². Впрочем, проверяющие инстанции, как правило, либо негативно, либо с изрядной долей осторожности относились к этой практике. Поэтому начальникам и начальницам пансионов, по крайней мере, до начала XX в., приходилось прибегать к различным ухищрениям, например, выставлять кого-либо из персонала для «дозора». Как только проверяющий приближался к зданию пансиона, мальчики, по указанию учителя, должны были моментально перейти в другое классное помещение³.

В дореформенное время во многие из пансионов дети принимались вместе с личной прислугой, в обязанности которой входил уход за ребенком и его вещами, а также контроль и информирование родителей обо всех обстоятельствах жизни школьника. Если же родители не имели возможности приставить к детям собственную прислугу (или это не допускалось правилами учебного заведения), то они стремились дать ему необходимые наставления, тексты которых содержали инструкции на все случаи жизни, а одним из пунктов было обязательное требование отчитываться в форме дневника и/или писем о каждом прожитом дне.

Приведем подобное «наставление», данное Иваном Алексеевичем Второвым своему сыну 19 августа 1830 г., накануне отъезда мальчика на учебу в Казань: «Ты отделяешься милый Николенька из дома родительского; разлучаешься с отцом и сестрами; будешь жить один в чужих людях, в другом месте далеко от родных и близких.

Поручаю тебя Богу, и добрым честным людям и советую тебе в горести, в нужде и болезни прибегать с молитвою и сердечным уми-

¹ См., напр.: Школа Е.С. Левицкой в Царском Селе. СПб., 1903. С. 1–2.

² Так, А. Луговой был помещен в казанском частном пансионе, где для детей до 11 лет практиковалось совместное обучение полов, а в старших классах оставались только девочки.

³ См.: Васенко П.Г. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте (публ. подг. В.В. Митрофанов) // Клио. 2013. № 11(83). С. 24–25.

лением просить помощи и утешение у милосердного Бога и советоваться с добрыми людьми:

1/ Каждое утро и вечер, благодари Бога за сохранение жизни и здоровья твоего, проси Его о ниспослании на тебя Его благости и просвещения, в ученье твоём успехов, отвращения от дурных поступков и привычек.

2/ Наставников и учителей своих слушай и исполняй их приказания, будь ко всем вежлив и ласков, даже к прислужникам твоим.

3/ Никогда не лги, особливо шутками не оскорбляй никого; применяя к себе, что тебе не приятно, того и с другими не делай.

4/ Из товарищей своего возраста избирай себе в друзья людей кротких с добрым нравом и склонностями, люби и угождай им взаимно, а с порочными уклоняйся от знакомства, но не презирай их, а жалеешь, и не огорчай своими укоризнами.

5/ В утреннее время и вечером мысли бывают свежее, и потому не пропускай ни одной минуты драгоценного времени без занятия науками или чтения полезных книг, тверждения уроков и проч.

6/ будь опрятен и бережлив в одежде, привыкай одеваться и раздеваться сам без прислуги и наблюдай чистоту своего тела, для сего надобно по крайней мере один раз в неделю мыться, а платье всегда было бы свернуто и положено так, чтобы не измялось, особливо чтоб не замаралось и не изорвалось.

7/ Привыкай и к хозяйству, знай сам и записывай сколько у тебя белья и других вещей, так же и маленькой сумме денег твоих веди счет... на ненужные вещи и игрушки не трать их, а покупай что необходимо, и то всякий раз спрашивай своего наставника, купить ли и чего это стоит?

8/ Я приучал тебя записывать в журнал свои мысли, чувства и происшествия. И так и не оставляй своего занятия. Каждый день записывай все что ты чувствовал... Это будет беседа с самим собой, которая научит тебя размышлять и сочинять... Окончив тетрадь, присылай оную ко мне. Я буду знать через то и твои успехи и неудачи и твое поведение.

9/ Пиши ко мне каждую неделю, а иногда и в две недели по одному письму»¹.

К концу XIX столетия основная масса пансионеров была рассчитана не более чем на несколько десятков человек. Очень часто для них выделялся отдельный этаж, а то и просто 2-3 комнаты в здании

¹ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 11. Л. 1–2.

учебного заведения, в котором помимо пансионеров учились еще приходящие ученики и полупансионеры (они получали в школе питание, но ночевать уходили домой). Соответственно и подход хозяев пансионов к детям мог быть двояким: либо просто обеспечить нуждающихся крышей над головой – без особого контроля над их жизнью, деятельностью, соблюдением гигиенических норм и т.д., либо же специально организованное совместное проживание, с тем, чтобы «постоянная совместная жизнь детей с учительским персоналом создала из школы большую семью, где полная свобода ребенка тесно слилась с строгим семейным режимом»¹. Очевидно, что стоимость обучения во втором случае была значительно выше, чем в первом, и могла достигать в начале XX в. 800–900 р. в год.

Интересно, что такие очень дорогие, элитные школы, с «семейной обстановкой», очень часто вспоминались учащимися далеко не со светлыми чувствами. Вот, например, как описывал уже упомянутую школу Е.С. Левицкой в Царском селе В.А. Свистальский:

«1911–1912. Царское Село. «Школа Левицкой», на английский манер. Форма: спортивный английский костюм с короткими брюками, чулки с отворотами (как нынешние спортивные гетры). До завтрака красные чулки, после завтрака черные. Кепки всегда красные, галстук красный, костюм серый. Знак школы – подснежник, носится на булавке в галстук и на кепке вышивкой. Режим, приблизительно, следующий: школа представляет собой закрытое учебное заведение, т.е. ученики не приходят, а живут в ней. Провинившиеся, или не имеющие родителей, остаются на каникулы при школе. И зимой и летом форточки открыты.

Каждый корпус имеет во главе «дядьку», который будит всех, ему поднадзорных, в 7 часов утра, после чего в умывалке все подряд обливаются ледяной водой. После этого все гуськом пробегают

¹ Так в школе Е.С. Левицкой в Царском селе существовал следующий распорядок: «Классные уроки (длительностью от 25 до 50 минут в зависимости от возраста), как требующие большого умственного напряжения, разделены гимнастикой и пяти минутным отдыхами и оканчиваются в 1 час дня; послеобеденное же время (с 2 ч. дня) посвящается практике иностранных языков, прогулке, играм и ручному труду на открытом воздухе, работе в мастерских, пению, рисованию, лепке, танцам, самостоятельному чтению, практическим занятиям по начальной топографии и лекциям по всевозможным отраслям знания. В вечернее время (от 6 до 7 часов) дети продумывают по конспектам все слышанное в классе, исполняют различные письменные работы, как-то: самостоятельные сочинения, решение и составление задач и пр., а также привыкают пользоваться литературными источниками...». Школа Е.С. Левицкой в Царском Селе. СПб., 1903. С. 1.

под надзором дядьки аллею, специально для этой цели служащую. Затем следует молебен, после чего все идут к завтраку. Если кто-либо не доел чего-либо за завтраком, обедом ли, ужином, на следующее, хронологически, принятие пищи, ему подают то же самое, пока он этого не съест.

На особые случаи имеется карцер. Параллельно, с ведома начальства, существует товарищеский суд, с узаконенной, таким образом, поркой гимнастической резиновой туфлей. Ударов от 50 до 200»¹.

Иногда сами хозяева/учителя школ поселяли у себя несколько учеников, как правило, не более десяти. Такие своего рода квартирные пансионы занимали промежуточное положение между собственно пансионами и жизнью подростков на квартирах. В доме учителя дети, под его контролем, соблюдали режим, питались за общим столом. Вечером преподаватель проверял выполнение домашних заданий или устраивал домашние вечера чтения/музыки². Подобный пансион существовал, например, при гимназии Стоюниных, хозяева которой помещали в свою семью несколько учениц на учебную неделю (на воскресенье дети уезжали домой) или даже на все учебное время³.

Довольно значительная часть школьников (порой до 1/3 учащихся класса) жили у родственников, знакомых или вообще «на квартирах»⁴. В большинстве своем проживавшие в семьях родных и близких подвергались такому же уходу и надзору как и собственные дети хозяев. Ни их не считали «приживалками», ни сами они не рассматривали действия приютившей их семьи как неоплатное благодеяние. Такая ситуация была связана с рядом обстоятельств: прежде всего, приезжать в «гости» к родным и друзьям на несколько месяцев, как и отдавать друг другу детей для обучения и воспита-

¹ Шумихин С. У меня свои вкусы, ощущения и судьба: В.А. Свитальский по воспоминаниям М.М. Мелентьева и другим материалам // Наше наследие. 2002. № 61. С. 81.

² В столицах данная система особенно практиковалась в «передовых» учебных заведениях, в которые часто поступали дети из провинции, где подобных учреждений было значительно меньше. См. об этом статью «Там внутри...» // Свободное воспитание. 1908–1909. № 11. С. 79–82.

³ ОР РНБ. Ф. 163. Д. 316. Л. 20–37; 40–58.

⁴ Напр., в отчете наставника 2-го класса Самарской гимназии за 1871 г. приводились следующие данные: всего учеников – 77, из них жили с родителями – 49, с родственниками – 11, на чужих квартирах – 17. Извлечения из отчетов классных наставников самарской гимназии за сентябрь и октябрь месяц 1871 года // Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1873. № 3. С. 182.

ния было в традициях русского дворянства¹, тем более что нередко семья отправлявшая ребенка в город на учебу, затем принимала летом в своем имении всю семью горожан, с их многочисленными домочадцами и друзьями. С другой стороны, возможен был и противоположный вариант, когда в счет «столования» ребенка родители заранее выдавали родственникам довольно значительные суммы². Наконец, совместные занятия детей близких возрастов (одного своего, а другого из семьи друзей или родственников), тем более, учившихся в одном учебном заведении, считались очень полезным с педагогической точки зрения.

Другое дело, когда школьников помещали в дома совершенно чужих людей. И хотя преимущественно предполагалось селить детей у бывших или нынешних преподавателей учебных заведений города, на практике хозяевами таких квартир могли быть совершенно разные люди³. В большинстве случаев, предоставив ребенку (за счет средств родителей или благотворителей) место для сна, утренний чай, обед и ужин (или опять-таки чай), домохозяева считали свою роль выполненной, мало интересуясь тем, соблюдает ли школьник режим дня, гигиенические процедуры, готовит ли уроки, да и вообще, как он проводит свое время по окончании гимназии. Как правило, представители школы, чаще всего классные наставники, обязаны были периодически посещать такие квартиры с целью выяснения условий, в которых жили дети, однако все, что они могли сделать по итогам таких инспекций, – это написать родителям, с предложением о перемене или сохранении местожительства под-

¹ Данное явление широко было распространено еще в XVIII – первой половине XIX в. См.: Мартианова И.Ю. Мать или светская дама? (Материнство в XVIII – первой половине XIX в.) // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 21.

² ОР РНБ. Ф. 163. Д. 316. Л. 17–19; 37–39; 59–64; 65.

³ «§ 1 ...Выбор той или иной из одобренных начальством квартир зависит от усмотрения самих родителей или родственников. Инспектор рекомендует ту или другую квартиру тем из родителей, которые обращаются к нему за советом по этому делу ...

§ 2... В квартиросодержатели избираются начальством учебного заведения преимущественно преподаватели гимназии или прогимназии, помощники классных наставников и вообще должностные лица заведения, лица учебного ведомства, бывшие преподаватели и вообще лица, пользующиеся доверием учебного начальства, буде вообще все эти лица заявят на то свое желание». Правила для родителей учащихся в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах. Киев, 1883. С. 4.

ростка¹. Далее все зависело от родителей, возможности которых, в свою очередь определялись материальными факторами.

Действовал материальный фактор и при организации жизни ребенка-школьника в собственной семье. Подчас именно от имущественных возможностей родителей зависел характер питания детей (как в количественном, так и в качественном виде), условия их занятий (наличие собственной комнаты или хотя бы письменного стола, нормы освещения и вентиляции рабочего места и т.д.), наконец, режим труда и отдыха (вставание, прогулки, игры, дополнительные занятия, выполнение обязанностей по дому, а то и получение школьником самостоятельного заработка). Передовая общественно-педагогическая мысль изображала следующий наиболее рационально построенный распорядок жизни школьника дома, т.е. во второй половине дня: «По возвращении из школы дети пользуются дома отдыхом вплоть до обеда, который должен состоять из простых, но питательных и удобоваримых блюд. После обеда снова небольшой отдых; затем приготовление уроков, которое не должно длиться более 2–3 часов..., прогулка или гимнастические упражнения, легкий ужин, – и спустя час, который можно посвятить чтению или комнатным играм, – дети отправляются спать. Этот однообразный, но здоровый образ жизни можно разнообразить различными развлечениями, к которым относятся: загородные прогулки (экскурсии), детские праздники, детские спектакли и пр.»². Взрослым рекомендовалось также не забывать о том, что взросление детей и их переход к «систематическому учению» вовсе не означает отказа от любимых игрушек: «Чем дольше ребенок остается ребенком, чем дольше он находит удовольствие в детских игрушках и детских шалостях, тем он безусловно счастливее»³.

Реальная картина повседневной жизни школьника во внеурочное время, дома далеко не всегда соответствовала этим идеалам. Так, из дневниковых записей Ольги Георгиевны Базанкур (урожд. Гудковой) мы, в частности, узнаем, что в 1880-х гг. она обучалась в Коломенской женской гимназии, дававшей, по мнению родителей,

¹ П.П. Из прежних отношений школы и семьи // Вестник воспитания. 1906. № 1. С. 158–159; Поликутина Н.В. Взаимодействие семьи и школы как общественно-политический феномен в России второй половины XIX – начала XX в. СПб., 2009.

² Давыдова Е.[С]. Уход за ребенком. По сочинениям проф. С. Бидерта, Гоксингера и др. 4-е бесплатное приложение к журналу «Хозяйка». СПб., 1902. С. 108.

³ Там же. С. 135.

прежде всего, по убеждению матери, «хорошее практическое образование», гарантировавшее по окончании обучения поступление на высшие курсы, а затем возможность найти «приличную» работу учительницы или служащей конторы. Главной (и, вполне возможно, единственной) темой общения между Ольгой и ее матерью были «занятия и занятия». Каждый день, как явствует из дневника девочки, «во всякую погоду (всегда, без всякого снисхождения)», ее поднимали в 7 час. утра и отправляли в гимназию, расположенную за 10 верст от их дома. По возвращении домой, Оля обедала и садилась за уроки. Вечером она отчитывалась перед матерью о своих успехах и неудачах. В каникулярное время мать приносила ей книги из библиотеки, усаживала за фортепьяно, заставляла заниматься переводами. С отцом Оля и другие дети встречались лишь за обеденным столом или во время домашних праздников¹.

* * *

Итак, выбор учебного заведения был важным, во многом рубежным событием в жизни родителей-дворян и их подраставших детей. Этот выбор, прежде всего, определялся представлениями родителей о сфере будущей деятельности их чада. До середины XIX в. профессиональная подготовка предназначалась исключительно для мальчиков, а из девочки целенаправленно готовили будущую жену и мать, а по сути, «украшение гостиной». К концу XIX – началу XX вв. даже вполне обеспеченные родители стремились дать не только сыновьям, но и дочерям профессиональные знания, которыми, в случае необходимости, они могли бы воспользоваться. В результате в начале XX столетия фактически перестали существовать гендерные различия в определении характера обучения и типа школы. Недаром среди элитных школ в это время широко была распространена система совместного образования.

Вместе с тем, на решении дворянами сакраментального вопроса «Куда пойти учиться?» в начале XX в. всё больше сказывались сугубо материальные обстоятельства жизни родителей. Нехватка денежных средств у части из них приводила к появлению такого способа выбора школы, при котором родители руководствовались исключительно возможностью пристроить своего ребенка (одного или нескольких) на бесплатное обучение. Интересы и склонности самого ребенка в этом случае в расчет не принимались. Получалось, что в одной семье не только могли, но и зачастую действи-

¹ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 1.

тельно оказывались дети, получавшие различное образование, в зависимости от наличия или отсутствия «бесплатной вакансии».

Повседневные дела и заботы учащихся определялись, прежде всего, типом учебного заведения, в котором они состояли. Самые «спартанские» условия и жесткие требования в отношении распорядка дня и соблюдения требований гигиены и санитарии существовали в закрытых казенных учебных заведениях для мальчиков и для девочек. В пансионах уровень требований и контроля над воспитанниками был значительно ниже. В некоторых элитных, дорогих учебных заведениях целенаправленно формировалась «семейная обстановка». С течением времени всё больше дворянских детей стали получать образование в средних школах открытого типа, в которых упор делался, прежде всего, на решении образовательных задач. В последнем случае юные дворяне и дворянки проводили в семье времени значительно больше их сверстников, состоявших в учебных заведениях иных типов, но характер жизни школьников, ориентированный именно на учебу, не оставлял им больших возможностей для свободного времяпровождения. Вместе с тем, закрытые учебные заведения всё чаще стали отпускать своих воспитанников к родителям или другим родственникам на выходные и на каникулы. В этом проявлялось определенное стирание граней между спецификой жизненного уклада учащихся закрытых и открытых учебных заведений в России в конце XIX – начале XX в.

ГЛАВА IV ВЗРОСЛЫЕ ДЕТИ

В. Максимов «Шитье приданного»

«Женьба не гоньба – поспеешь», или о брачном возрасте

Думаю, что не все люди (как сегодня, так и в далеком прошлом) готовы были бы полностью согласиться с этой нехитрой русской поговоркой. В разные времена и в различных социальных слоях существовали и существуют *свои* представления об оптимальном возрасте для женитьбы и замужества. Но, если оставить в стороне субъективную составляющую, то придется признать, что «поспевать» или «не поспевать» в решении вопроса о создании своей собственной семьи можно, лишь начиная с определенного возраста, который принято обозначать как брачный возраст или возраст брачного совершеннолетия.

Казалось бы, чего уж проще: достиг соответствующего «возрастного ценза» и вперед – «поспевать» за теми, кто уже успел из «женихов» и «невест» перейти в другой разряд – «мужей» и «жен». Но как раз с определением «возрастного ценза» порой возникало немало путаницы и проблем.

В значительной мере это было связано с несовпадением церковных и гражданских правовых норм в Российской империи. Церковный канон, как следует из указа Св. Синода от 17 декабря 1774 г., устанавливал брачный возраст для юношей и девушек, соответственно, в 15 и 13 лет¹. А светское законодательство второй половины XIX – начала XX вв. этот возрастной рубеж определяло иначе: для мужчин – 18 лет, а для женщин – 16 лет. Помимо минимального брачного возраста, закон устанавливал максимальный возраст для вступления в брак – 80 лет². Подобное же каноническое ограничение для православных приходилось на 60 лет, но могло быть расширено с согласия архиерея³.

Впрочем, в вопросе о возрасте брачного совершеннолетия были и свои исключения. Для «природных жителей» Закавказского края гражданское законодательство устанавливало пониженный по сравнению с другими регионами брачный возраст: для жениха –

¹ Григоровский С. О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах. Сборник церковных и гражданских законов. СПб., 1910. С. 122.

² Законы Гражданские. Т. X. Ст. 4.

³ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 2. СПб., 1896. С. 39.

15 лет, а для невесты – и вовсе 13 лет¹. А брачный возраст офицеров, наоборот был повышен – 23 года для служащих по Военному министерству и 25 лет – для офицеров морского ведомства. И еще одно исключительное право находилось в руках епархиального духовенства, которому была предоставлена возможность «в необходимых случаях разрешать браки, по личному своему усмотрению, когда жениху или невесте недостает не более полугода до узаконенного на сей случай совершеннолетия»².

Другая проблема, встававшая на пути молодых людей к законному браку, состояла, как это ни покажется парадоксальным на первый взгляд, в незнании тем или иным человеком (да и членами его семьи) даты своего рождения и, как следствие, своего точного возраста. В этом плане весьма показательной является история дворянской семьи Шараповых, ставшая известной во всех своих деталях благодаря судебному разбирательству, затеянному одним из членов этой семьи³. В начале января 1875 г. должно было состояться венчание юной Марии Шараповой и 45-летнего надворного советника А.П. Катенева. Мать семейства – Лидия Шарапова – не помнила, когда родилась ее дочь, а наводить справки в метрических книгах побоялась. Совершенно понятно, что и сама Мария своего возраста не знала, точно так же, как и ее мать. Л. Шарапова, полагая, что ее дочери на момент заключения брака будет лишь 15 лет, предприняла ряд ухищрений, нацеленных на введение в заблуждение священнослужителей, которым предстояло совершить обряд венчания. Вот эти-то ухищрения и стали основанием для судебного разбирательства, в ходе которого, кстати сказать, была установлена точная дата рождения Марии (30 декабря 1858 г.), а также выяснилась бессмысленность противоправных усилий матери, так как дочь достигла требуемого законом 16-летия как раз накануне венчания.

Разумеется, различного рода, сознательно допускаемые, фальсификации были редкостью. Чаще всего законопослушные члены дворянских семей пытались официальным путем выяснить, достигли ли они (их дети) брачного возраста или еще нет. А поскольку «на местах» сделать это далеко не всегда удавалось в силу встречающихся пробелов в ведении метрических книг приходским духовенством, постольку заинтересованным лицам приходилось

¹ Темнековский Е.П. Брачное совершеннолетие // Журн. министерства юстиции. 1915. № 1. С. 48.

² Законы Гражданские. Т. X. Ст. 3; 63. / сост. А. Боровиковский. С. 1, 12.

³ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 1684.

обращаться за соответствующими выписками в Духовную Консисторию. Данное ведомство оказывалось перегруженным делопроизводством по уточнению и исправлению метрических свидетельств, а без таковых сведений на местах священники отказывались совершать обряд венчания, опасаясь санкций.

Ставшая привычной к концу XIX в. ситуация, при которой вступающие в брак не могли предоставить надлежащих документов о своем возрасте, вызвала к жизни в сентябре 1898 г. специальный циркуляр Св. Синода, в котором епархиальным начальствам рекомендовалось не отказывать в венчании в тех случаях, когда в метрической книге не обнаруживается записи о рождении жениха или невесты, но при этом «в достижении брачующимися установленного для брака возраста причты никакого сомнения не встречаются». Это решение мотивировалось необходимостью преодолеть медлительность священников в «повенчании» браков и разгрузить Консисторию от накопившихся в ней «дел об исправлении метрических свидетельств»¹.

«Женьба» – не «гоньба», конечно. Но, как видим, прежде чем начать движение к семейному счастью, и юношам, и девушкам требовалось достичь установленного законом брачного возраста, при этом не запутаться в разночтениях канонических и гражданских правовых норм, да еще и вспомнить дату своего рождения...

Брачные формальности

Помимо определенных ограничений возраста жениха и невесты, существовали еще и требования к самому процессу заключения брака и венчанию. Они были схожими для всех христианских конфессий, разница заключалась лишь в последствиях, которыми грозило их несоблюдение.

Прежде всего, желавшие вступить в брак должны были сообщить об этом священнику вместе с необходимыми сведениями об их имени, вероисповедании, сословии и роде занятий². Законы Гражданские, в соответствии с нормами христианских религий, требовали проведения перед венчанием обязательного трехкратного оглашения как средства против заключения незаконных браков. Та-

¹ Указ Св. Синода об усмотренных при ревизии одной из духовных Консисторий неправильных распоряжениях Епархиального Начальства по делам о повенчании браков. СПб., 1898. С. 1.

² Законы Гражданские. Т. X. Ст. 25.

кие оглашения проводились в приходах жениха и невесты в течение трех недель (по воскресеньям) или чаще (если между воскресеньями были праздничные дни), но в любом случае между первым из них и венчанием должно было пройти не менее недели¹. Наибольший срок, на который распространялось действие оглашений для православных равнялся двум месяцам, а у католиков – шести. Если на протяжении этого времени брак не заключался, то оглашения нужно было повторять².

Отсутствие оглашений, как и отказ от выполнения других брачных формальностей, сами по себе не делали православный брак незаконным и недействительным, а лишь предполагали наказание причта за несоблюдение им должностных обязанностей³. В ряде случаев на нарушения шли и сами священники, помогая молодым в достижении семейного счастья. Любопытную историю привел В.В. Розанов. Когда молодым влюбленным – девушке-еврейке и русскому дворянину – не удалось получить разрешения на брак от ее родителей, невеста сбежала из дома и приехала без документов в Петербург к жениху. Последний немедленно обратился местному священнику, который не только незамедлительно, без всякого оглашения, совершил обряды крещения и венчания, но и предварительно договорился с начальством молодого человека-студента о предоставлении ему разрешения на брак, а с градоначальником – о разрешении девушке жить в столице без документов⁴.

В период оглашений православный священник должен был производить брачный обыск – исследование о наличии или отсутствии препятствий к браку. Во второй половине XIX – начале XX в. никакого реального обыска не производилось. Вместо этого, уже прямо перед венчанием, священник проверял представленные ему документы и записывал информацию из них в обыскную книгу. Под первым пунктом записывались данные об имени, фамилии, сословном и служебном положении, месте жительства и вероисповедании жениха. Далее шла аналогичная информация о невесте. Третий пункт содержал данные о возрасте брачующихся и состоянии их

¹ Законы Гражданские. Т. X. Ст. 26.

² Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 2. С. 62; Положение о союзе брачном 1836 года. Пг., 1916. Ст. 41–44. С. 12–13.

³ Иные правила существовали в католической церкви. Ст. 51 «Положения о союзе брачном» устанавливала недействительность браков, заключенных «не надлежащим Священником, без согласия приходского Священника либо епархиального начальства».

⁴ Розанов В.В. Семейный вопрос в России. СПб., 1903. С. 690–691.

душевного здоровья (устойчивая, обязательная формулировка: «оба находятся в здравом уме»). Четвертый пункт, заполняемый со слов самих вступающих в брак и их свидетелей, отвергал наличие родства и свойства. В пятом пункте записывалось их добрачное семейное положение. Шестой пункт также представлял собой устойчивое выражение, дословно кочующее из документа в документ: «К бракосочетанию приступают они по своему взаимному согласию и желанию, а не по принуждению и на то имеют, как жених, так и невеста от родителей свое благословение». В седьмом пункте сообщалось о проведенном оглашении. Восьмой же пункт представлял собой тщательную опись всех представленных брачующимися документов. Далее сообщалось о дате и месте бракосочетания¹. Этот текст удостоверялся подписями четырех поручителей (поезжан) – по два со стороны жениха и невесты, причем в самом тексте содержалась необходимая для них информация о возможности привлечения их к суду в случае, если сообщенные в обыске сведения окажутся ложными. Хотя закон не оговаривал пола свидетелей и поручителей, на практике эти функции всегда выполняли мужчины.

Последнее действие в процессе заключения брака – собственно венчание. Общегосударственный закон вслед за православным каноном утверждал, что оно должно происходить в церкви, публично, в присутствии, по крайней мере, двух свидетелей. Данное положение было четко сформулировано в 1853 г. в связи с дошедшем до Св. Синода и Николая I дела о православном браке, венчанном на дому². Нормы протестантской религии, хотя и отмечали предпочтительность бракосочетания в церкви, вполне допускали возможность венчания и в частном доме³. Католическая же церковь предполагала такую ситуацию только в крайнем случае⁴. Необходимость публичности обряда признавалась всеми конфессиями, причем, по католическим нормам, если при венчании не было, по крайней мере, двух свидетелей, брак считался недействительным⁵.

¹ Духовные лица других христианских конфессий либо заполняли бумаги, близкие по содержанию к приведенному, либо просто прикладывали предбрачные документы к записи в метрической книге, сообщавшей о событии венчания.

² Горчаков М. О тайне супружества. Происхождение. Историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриарха Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей книги. СПб., 1880. С. 323.

³ Устав евангелическо-лютеранской церкви в России... СПб., 1832. Ст. 52. С. 3 об. – 3*.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 630. Л. 84.

⁵ Положение о союзе брачном 1836 года. Пг., 1916. Ст. 51. С. 14.

Каноническими правилами каждой церкви тщательно прописывались дни, когда совершение браков категорически запрещалось (например, в период поста), и условно допустимые дни, когда специальное разрешение на брак можно было получить у епархиального архиерея¹. Существовало и более или менее предпочтительное время дня для венчания. Заключение брака в неурочный день и час не делало это событие незаконным, но могло повлечь наказание для священника, не соблюдавшего нормы своей церкви.

Факт венчания записывался во вторую часть метрической книги, носившую название «О бракосочетаниях»². В специальные графы вписывались отдельно имена и звания жениха и невесты, их вероисповедание, возраст и сведения о том, какой это брак для них по счету. Отдельно указывались данные о свидетелях. Лицам, вступившим в брак, выдавалась выписка («выпись») из метрической книги, подтверждавшая это событие³.

Родительское благословение... родительского выбора

В 50-е – первой половине 60-х гг. XIX в. основная масса дворянских браков совершалась при значительном участии родителей. Конечно, в наибольшей степени это касалось дочерей, но и судьбой сыновей родители нередко распоряжались, сообразуясь исключительно с собственным пониманием их счастья.

Представление основной массы отцов и матерей из дворян о той роли, которую они играют (или хотели бы играть) в браке своих детей наглядно вырисовывается при исследовании разного рода прошений, подававшихся в различные инстанции родителями будущих новобрачных. Прежде всего, обращает на себя внимание то

¹ По православным нормам нельзя было получать «брачные благословения» от церкви «под среду, пятницу, накануне великих праздников, дней воскресных, дней высокотожественных – коронования и восшествия на престол Государя Императора, а равно от 14 Ноября до праздника Богоявления Господня; от мясопостной недели Великого Поста до Фоминой; от недели всех святых до праздника Св. Апостола Петра и Павла, и от 1 дня Августа до праздника Успения Пресвятой Богородицы». См.: Львов П. Памятная книжка о правах и обязанностях армейского духовенства. Гельсингфорс, 1870. Таким образом, по правилам православной церкви не более трети дней в году оказывались разрешенными для совершения брака. См.: Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб., 2004. С. 182. Разрешение на брак в неурочное время, как правило, давалось в связи с неотложной необходимостью жениха отправляться к месту службы.

² Св. Зак. Т. IX. Законы о Состояниях. СПб., 1876. С. 297–310.

³ См., напр.: РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 24. Л. 14а–14а об.

обстоятельство, что из всей массы таких ходатайств подавляющее их большинство (90%) исходило от старших членов семьи, и лишь 10% приходилось на обращения собственно жениха или невесты¹. Причем, если с просьбами (как правило, о выдачи денежного пособия в связи с бракосочетанием), обращался сам будущий супруг то он, как правило, был явно не юношеского возраста, т.к. обычно ссылался в обоснование своего ходатайства на значительный служебный стаж².

Наибольший интерес в текстах прошений родителей представляет сам стиль изложения, схожий по сути, но различный по форме, в зависимости от того о браке сына или дочери шла речь. Отец (мать) сообщал(а), что «имеет» сына (дочь) и «хочет» его (ее) женить (выдать замуж) ... (далее указывалась кандидатура будущего супруга), но «встречает препятствие». После этого указывалась причина, затруднявшая планируемое родителем венчание. Показательно, что в тексте ничего не говорилось о том, а что, собственно, думает по данному поводу сам молодой человек или девушка, будущее которых так активно и заинтересованно решалось родителями. Впрочем, и рассматривавшие ходатайства чиновники тоже ни разу не задались этим вопросом³.

Отсутствие интереса родителей к личной склонности детей, как и их стремление самим подобрать брачную партию выросшим сыновьям и, особенно, дочерям, может быть объяснено рядом обстоятельств. Прежде всего, большинство из родителей сами вступили в брак по желанию старших и, «стерпевшись», считали свое супружество если и не самым удачным, то, по крайней мере, «не хуже, чем у людей». Подобным же образом создавались практически все из окружавших их семей, а значит, данный вариант сугубо психологически оказывался наиболее подходящим. К тому же, если в такой семье случался «скандал», приобретающий общую известность, то неудачное супружество можно было объяснить ошибкой, которая обязательно будет учтена другими поколениями родителей и более не повторится. С другой стороны, в дневниках и воспоминаниях женщин, считавшихся невестами в 50–60-х гг. XIX в., нередко фиксировались реальные сюжеты, подававшиеся девушкам как «положительные примеры», в которых присутствовала дочь, противившаяся выбору родителей, но затем смирившаяся и ока-

¹ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 779–801.

² См., напр.: Там же. Д. 801. Л. 25 об.

³ Там же. Ф. 821. Оп. 10. Д. 604. Л. 113.

завшаяся счастливой в браке. Так, для П.Г. Скалдиной-Скальдиной таким «образцом» была ее двоюродная сестра Ольга. Ведь выданная против воли замуж за «г-на Лебедева, она была счастлива с ним и очень любила после его»¹. Вместе с тем, и сам по себе брак по взаимной склонности не возбранялся, если конечно, она связывала молодых людей, чьи родители были не против их возможного супружества.

Другим важным фактором, стимулировавшим активное участие родителей в браке детей, была неуверенность в том, что дети в состоянии организовать одно из важнейших событий своей жизни без их помощи. Здесь присутствовало сразу два опасения. Во-первых, родители предполагали, что самостоятельный выбор детей может быть неудачным (например, «неподходящей партией» считался человек из другой социальной среды), а, во-вторых, очень важной являлась материальная сторона будущего брака.

От жениха требовалось наличие средств, необходимых для содержания «дома», причем источники их могли быть самыми разными – его поместье или другое личное имущество, доходы от службы или помощь семьи. Размер приданого невесты, в свою очередь, играл значительную (если не решающую) роль при определении ее шансов на замужество. Материальные трудности могли быть компенсированы высоким общественным положением претендента. Впрочем, существовала и обратная зависимость: хорошо обеспеченный представитель купеческого сословия вполне мог «породниться» с небогатой дворянской фамилией.

Из личных качеств девушки ценились – мягкий нрав, умение держать себя в обществе и приятная внешность. Можно определенно сказать, когда кротость и «хорошие манеры» было особенно трудно демонстрировать, – конечно, за общим столом в присутствии потенциального жениха! Во внутреннем столкновении чувства голода и необходимости соблюдения «приличий» девушке приходилось брать сторону этикета. Как вспоминала позднее о такой ситуации княгиня В.Ф. Духовская, на «званом» завтраке она практически не притронулась к пище. Зато потом, продолжает Духовская (и в этих словах чувствуется гораздо больше радости, чем от встречи с женихом), горничная «приносила мне в палисадник под окошко моей комнаты миску с людскими щами, которые я с аппетитом хлебала

¹ ОР РНБ. Ф. 698. Д. 2. Л. 24.

деревянной ложкой, пугливо озираясь, как бы кто меня не поймал на месте преступления»¹.

От мужчины ожидали, строго говоря, немногого – «положительности» и «трезвого поведения». Впрочем, нельзя не заметить, что при дефиците женихов и от этих умеренных требований подчас приходилось отказываться в ожидании того, что, став главой семьи, молодой человек «одумается» и «остынет».

Многие родители опасались, что дети, особенно дочери, предоставленные сами себе, не смогут вступить в брак вовремя и спешили сами найти для них подходящую партию. В отношении дочерей к этим опасениям присоединялась и тревога за нравственность неопытной девушки, которая вместо брака могла оказаться «жертвой развратителя». Казалось бы, что эту проблему можно было хотя бы частично разрешить большей информированностью девушки и определенной подготовкой ее к будущей семейной жизни. Однако напротив, родители считали своим особым достижением, «когда взрослая девушка, невеста, умеет производить впечатление такой невинности ... будто она убеждена, что между ней и ее женихом только та разница, что у него есть растительность на лице, а у нее нет; что он шьет платье у портного, а она – у портнихи...»². В итоге практически полное отсутствие представлений об окружающем мире вынуждало родителей контролировать каждый шаг дочерей, тщательно образом следить за соблюдением ими «приличий», опасаясь проявлений любой самостоятельности, которая могла бы навредить им.

Значительная роль родителей в организации брака объяснялась и определенными объективными причинами, связанными со сложностями знакомства без посредников. Дело в том, что молодые люди и девушки имели весьма небольшой круг общения с представителями противоположного пола. Чаще всего он был ограничен родственниками, соседями, семьями сослуживцев или компаньонов отца. Определенную роль «брачного базара» играли балы и званые вечера, но они были возможны для проживавших в городах или специально приезжавших в города для посещения этих светских мероприятий, и, конечно, требовали значительных денежных средств³.

¹ Духовская В.[Ф]. Из моих воспоминаний. Ч. 1–2. СПб., 1900. С. 48.

² Авилова Е. В избранном обществе // Вестн. Европы. 1904. № 1. С. 208.

³ Подробнее см.: Захарова О.Ю. История русских балов. М., 1998; Колесникова А.В. Бал в России. XVIII – начало XX века. СПб., 2005.

В связи с тем, что все указанные опасения, как уже отмечалось, преимущественно волновали семью девушки, именно ее члены и являлись наиболее активной стороной при организации брака. К услугам профессиональных свах родители обращались довольно редко, однако эту функцию «на общественных началах» с удовольствием выполняли все старшие родственники, и особенно, родственницы будущей невесты.

Схема организация брака была приблизительно следующей. Родители и родственники девушки, достигшей 16–18-летнего возраста и приехавшей в родной дом из пансиона, в котором, как правило, она находилась в течение предшествовавших 5–8 лет, подбирали среди своих знакомых потенциального жениха. Наиболее желательным было нахождение нескольких кандидатур, но могли ограничиться и кем-то одним. Далее происходило знакомство молодых людей. Если будущего жениха устраивала невеста, то за знакомством следовало 2–3 встречи в присутствии родных. Затем наступало время финансовых переговоров между молодым человеком и его семьей с одной стороны, и родителями невесты – с другой. Когда материальные вопросы оказывались решенными, мать девушки сообщала ей о планах известного мужчины обратиться к ней с предложением руки и сердца. Серьезное принуждение к браку происходило крайне редко, в большинстве случаев дочь, вняв доводам родителей и понимая, что замуж выходить «надо», давала согласие «добровольно».

Типичный пример подобного сватовства мы находим в воспоминаниях П.Г. Скалдиной-Скальдиной (урожд. Литусовой). По возвращении 18-летней Прасковьи из пансиона, родители, а также их родственники и знакомые, стали подыскивать девушке жениха. Один из друзей предложил кандидатуру поверенного из дворян, но родителям это занятие показалось неподходящим, и они отвергли данный вариант, даже не став знакомить молодых людей. Решено было искать дворянина-чиновника, так как, по мнению отца, успешного уже разориться при занятиях коммерцией, именно такой муж мог гарантировать его дочери безбедную и спокойную жизнь. После нескольких месяцев поисков родители остановили свой выбор на чиновнике А.Д. Скалдине-Скальдине. Первая встреча молодых людей состоялась на вечере у знакомых, где девушка с матерью (как впоследствии предполагала сама мемуаристка) оказались «по уговору». Первое впечатление о новом знакомом у Прасковьи было отрицательное, что впрочем, не помешало дальнейшему развитию

событий. В последующие несколько месяцев молодой человек лишь дважды заходил в их дом, поэтому у девушки вызвал сильное удивление разговор о возможном сватовстве Скалдина, однажды затеянный отцом за завтраком. Спустя еще месяц подобную тему подняла уже мать, говоря о том, что «замуж идти надо» и, что жениха «все одобряют». Девушка первоначально отказалась, но в течение последующих нескольких дней ей методично внушали, что «при большом разборе могу и остаться девкой, что лета не ждут, а жениха одобряют». В конце концов, она выразила желание встретиться с избранником. В ходе своего визита он в присутствии ее родителей признался ей в любви, а она дала согласие на брак. Интересно, что и спустя годы, имея за плечами неудачное супружество, закончившееся, в конце концов, разъездом, женщина продолжала считать, что ее «не насильно отдавали и даже не уговаривали, а представили решить самой...»¹.

Трудно сказать, что побудило мемуаристку написать именно так. Быть может, сказались прошедшие года, стершие в памяти перипетии ее взаимоотношений с родителями накануне замужества. А быть может, брак «по сговору», заключаемый при деятельном участии родителей и прочих родственников, но при почти полном игнорировании личных пристрастий девушки, был настолько привычным для 50-х – первой половины 60-х гг. XIX в., что и воспринимался многими практически как норма, а вовсе не как насилие над личностью.

О браках свободных и браках фиктивных

Во второй половине 1860-х гг. наступила, без преувеличения, новая «брачная эра». Уходили в прошлое сохранявшиеся десятилетиями практики заключения брака по «сговору» родителей жениха и невесты. Всё более активно прокладывала себе дорогу идея о браке как свободном союзе мужчины и женщины. Эти изменения были, конечно, не случайны.

Прежде всего, этому способствовала широко развернувшаяся на страницах периодической печати дискуссия о праве женщины на образование и саморазвитие, о необходимости «эмансипировать женщину», также как перед этим осуществлялась эмансипация крестьян². Среди демократической дворянской молодежи появились

¹ ОР РНБ. Ф. 698. Д. 2. Л. 54 об.–64 об.

² См.: Тишкин Г.А. Женский вопрос в России 50–60-е годы XIX в. Л., 1984.

«развиватели-мужчины», готовые воплотить в реальной жизни теоретические идеи, изложенные на страницах журнала «Современник» или романа «Что делать?». При этом большинство из них придерживалось мнения, что «надобно развивать женщин, но нельзя же заняться вдруг многими и надо выбрать одну, которая бы перенявши все нужное, не сосредоточилась бы на себе самой, а передала бы свои познания грядущему поколению»¹.

Наряду с этим, кое-где уже проявлялись первые симптомы будущей серьезной экономической катастрофы, которой обернулась для мелкого и среднего дворянства отмена крепостного права². Ухудшение материального положения дворянских семей, ставшее мощным стимулом возраставшего стремления девушек-дворянок к получению серьезного образования и профессиональной подготовки, формировало группу лиц, нуждавшихся в помощи мужчины – «развивателя» и «освободителя»³.

Наконец, в новых условиях расширялись возможности для знакомств и контактов между молодыми представителями того и другого пола. В условиях роста социальной активности, юноши и девушки нередко оказывались бок о бок на многочисленных публичных лекциях, собраниях и диспутах, среди посторонних слушателей университета, преподавателей вечерних школ, участников благотворительных акций и т.д. Интенсивные контакты между юношами и девушками проявлялись не только на общественном, но и на бытовом уровне. Благодаря появлению сети женских средних учебных заведений открытого типа, сформировалась новая группа девушек-дворянок, получавших образование дома, и привыкших свободно и легко общаться с приходившими к ним в гости друзьями своих братьев и братьями подруг. Немаловажной чертой таких знакомств было то, что они происходили «естественно», т. е. без очевидного всем и каждому намерения той или иной стороны найти себе брачного партнера. Это, в свою очередь, вносило коррективы в

¹ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 46. Л. 209.

² Веременко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX–XX вв. Сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Кочетков. СПб., 2001. С. 55–63; Федосеев Р.В. Дворянское хозяйство Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века: от поместья к экономике: автореф. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007. С. 16.

³ См.: Веременко В.А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб., 2004.

нормы «приличия» и снижало до минимума присущие балам и прочим «брачным базарам» флирт и кокетство.

Постепенно родители девушек начали относиться к посещению «серьезных» мероприятий как к явлению «безопасному», что, конечно, не исключало стремления старшего поколения предварительно самим удостовериться в «благонравности» той среды, в которую они отпускали своих дочерей. В итоге появился совершенно немыслимый ранее феномен – «приличная» девушка-дворянка, отправлявшаяся совершенно одна, без сопровождения, на то или иное «мероприятие». Вот, например, как описывала этапы своего вхождения в университет одна из первых женщин-вольнослушательниц – Екатерина Юнге: «Я рвалась разделить участь тех нескольких женщин – сестер Конради, Богдановой и др., – которые решили вступить в университет и пошли на первую лекцию Костомарова, но мать не пустила меня и поехала сначала одна, к моей радости она вернулась очень довольная, и на третьей, кажется, лекции я уже была»¹.

Рост контактов между молодыми мужчинами и женщинами давал возможность создания большего числа семей, построенных на личной симпатии (реальной или разыгрываемой для осуществления каких-либо других целей), при прежнем условии, конечно, что родители не возражали против брака. Ухудшение же экономического положения дворянских семей в пореформенные годы заметно снизило планку требований к будущему супругу со стороны родителей как женихов, так и, в еще большей степени, невест.

При довольно скудном приданом (не говоря уже о бесприданницах), родственники стремились поскорее в буквальном смысле «сбыть с рук» девушку. А сделать это порою было весьма непросто, ведь к традиционному для Европы перевесу численности «слабого» пола над «сильным», достигшем в России во второй половине XIX в. огромной цифры 1 млн 300 тыс. чел.², прибавилось и резко уменьшившееся стремление мужчин-дворян вступать в брак. Мужчина прекрасно осознавал, что «вся тяжесть попечения о жизни семейства ляжет на его плечи, – в случае, если он не найдет богатой же-

¹ Юнге Е. Из моих воспоминаний 1843–1860 гг. // Вестн. Европы. 1905. № 5. С. 258.

² Соболев М. Женский труд в народном хозяйстве XIX в. // Мир Божий. 1901. № 8. С. 74–75.

ны»¹, поэтому он и не спешил обзаводиться семьей. Общество же предоставляло мужчине широкие возможности, говоря словами К. Цеткин, и вовсе «обойтись без семьи и удовлетворить свои половые потребности вне брака»². Вспомним, что ряд подзаконных актов, инициированных МВД и Министерством юстиции на протяжении 40-х гг. XIX в., по сути, легализовали проституцию (вопреки действовавшему законодательству, строго преследовавшему за «непотребство»), правда, при условии ее подчинения установленному «регламенту»³.

Вот и получалось, что при всех указанных экономических, морально-психологических и правовых обстоятельствах родители стали, как минимум, более благосклонно, чем раньше, относиться к заключению их дочерью брака, даже если мужская «партия» для них была невысокого достатка и не самой высокой репутации. В противном случае девушка могла быть обречена на участь «старой девы», «бремени в родном доме»⁴, «лишнего рта» и «дармоедки». Наличие симпатий между женихом и невестой (если они, конечно, возникали) становилось для родителей немаловажным морально-психологическим компенсатором такого, на первый взгляд, не самого «подходящего» брака.

Итак, во второй половине 60-х – начале 70-х гг. XIX в. заметно возросло участие молодежи в создании собственной семьи. Однако многие из заключенных в те годы супружеств, хотя и создавались «по свободному выбору», но также как и ранее не предполагали необходимости «любви»: хорошо, конечно, если она возникала, но *обязательным* компонентом в отношениях молодых в те годы она еще не стала. Знаменем того времени стал фиктивный брак. О широком распространении данного явления свидетельствовали многие современники. Так, А.М. Скабичевский писал: «Фиктивный брак с целью освобождения генеральских и купеческих дочек из-под ига

¹ Браун Л. Женский вопрос, его экономическое развитие и его экономическая сторона. М., 1902. С. 131.

² Цеткин К. Интеллигентный пролетариат, женский вопрос и социализм. Одесса, 1905. С. 7.

³ Максимович Е.А. Проституция в Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. // Модернизация в России: история, политика, образование: материалы Всерос. науч. конф., СПб., 5 апр. 2011 г. Вып. 4 / отв. ред. В.А. Верemenko. СПб., 2011. С. 58.

⁴ Шлезвиг-Экштейн Т. Женщина к началу XX века. СПб., 1905. С. 40.

семейного деспотизма ... сделался обыденным явлением жизни»¹. Правдивость этого личного впечатления продемонстрировали политические процессы 1870-х гг., на которых были выявлены десятки фиктивных браков², и многочисленные примеры, описанные в воспоминаниях³.

На наш взгляд, данное общественное явление может в определенной степени рассматриваться как отражение роста ценности «личного счастья» в восприятии молодых дворян. Конечно, активной стороной в нем являлся исключительно мужчина, так как, будучи более свободным в своем брачном выборе, только он мог увидеть в таком браке некое геройство. Мужчина шел на «жертву», сознательно отказываясь от права на создание семьи по любви ради высоких целей «спасения девушки» от произвола родителей или опекунов и предоставления ей возможности стать самостоятельным членом общества.

Для того, что бы оценивать данное событие именно так, нужно было допускать, что личное счастье действительно возможно и доступно, только тогда отказ от него становился «настоящей» жертвой. Ведь до этого многие поколения мужчин вступали в брак с малознакомыми женщинами без особых чувств, а ради неких родовых или семейных ценностей и целей, или просто потому, что «так надо» или «уже пора», и не видели в этом никакого подвига или жертвы.

С другой стороны, основная масса девушек – участниц фиктивных браков – относились к произошедшему значительно проще, чем мужчины. Практически не предполагая возможность выхода замуж по любви, они легко и непринужденно меняли реальный брак по сговору на фиктивный, но свободный союз. Тем более, что главное преимущества последнего – ощущение полной независимости и неподконтрольности, как и возможность строить свою жизнь по собственному желанию, ценились ими намного выше несбыточного личного счастья.

¹ Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М.-Л., 1928. С. 249–250.

² Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. М., 1988. С. 70–71.

³ В фиктивном браке состояли – А.С. Голицын и А. Зайцева, В.О. Ковалевский и С.В. Корвин-Круковская, С.С. Синегуб и Л.В. Чемоданова, Д. Рогачев и В. Карпова. См.: Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007. С. 125–126.

Схема организации фиктивных браков была во многом почерпнута из художественной литературы¹ и предполагала обязательное участие посредника, который находил для нуждающейся девушки так необходимого ей «брата» (под этим именем в интеллигентных кругах значился фиктивный муж). К «брату» предъявлялось главное требование – он должен был «понравиться» родителям своей невесты. Для облегчения достижения цели молодые люди нередко разыгрывали на людях пламенную любовь с первого взгляда.

Какой бы «глухой» ни была провинция, из которой хотела вырваться девушка, всё-таки при ее активном желании и помощи «друзей» это оказывалось вполне возможным. Так, Э.К. Пименова смогла заключить фиктивный брак для поездки в Петербург, в Медико-Хирургическую академию, живя с отцом, морским офицером, на маленьком острове Ашур-адэ, расположенном в юго-восточной части Каспийского моря. Интересно, что первоначально девушка надеялась отправиться на учебу, выйдя замуж за судейского чиновника, выбранного ей родителями. Но, когда она поняла, что этот брак не сулит ей ни свободы, ни «хотя бы» любви, она решительно разорвала помолвку, тем самым очень расстроив отца. Последний мечтал поскорее пристроить свою восемнадцатилетнюю дочь, дабы она перестала, наконец, «увлекаться завиральными идеями насчет женской самостоятельности». В этих условиях появление нового жениха было встречено семьей вполне благосклонно. Родители, конечно, не догадывались, что скороспелый бурный роман и «безумная любовь» были лишь умелой мистификацией. Отец, наведя справки, выяснил, что молодой человек происходит из «хорошей» семьи и что «все отзываются о нем хорошо». Единственным серьезным «огорчением» была вопиющая бедность жениха, у которого «ничего не было кроме мизерной офицерской зарплаты». Но, в конце концов, родители посчитали, что лучше все же выдать дочь замуж за бедняка, чем оставлять ее «в девках», быть может, до конца ее дней².

¹ О роли литературы и прессы в реальном воплощении фиктивных браков и, вообще, «новых» брачных моделей см.: Паперно И. Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.

² Пименова Э.К. Дни минувшие. М.-Л., 1929. С. 78–93.

Брак по любви и самостоятельному выбору

Начало широкого распространения «брака по любви» в дворянской среде пришлось на конец 70-х – начало 80-х гг. XIX в. Поколение ровесников Великих реформ Александра II заметно отличалось от своих родителей. Вот как восторженно оценивала изменения, произошедшие в семейном укладе за два пореформенных десятилетия, дворянка Е.А. Кравченко, чья юность выпала на 50–60-е гг. XIX в.: «Сколько веков существовало барство без малейшего изменения, сколько веков была женщина рабою то отца, то мужа! Ныне не то. Эмансипация шестидесятых годов вошла в полную силу. Крепостной мужик, крепостная дочь, жена – все это исчезло, все приняло другой оборот ... Волею или не волею, а каждый отец и мать применяются к общему водовороту по мере умения своего, к чему мол пригодно его детище, есть ли у него способности к той или другой дороге. Славное житье теперь между большинством людей, сам избирай всяк свою карьеру, мужа, жену, сам выбирай...»¹. Широта же выбора напрямую зависела от интенсивности и характера контактов между молодыми людьми обоего пола. А одобряемые обществом границы этого выбора определялась рамками «своего круга», под которым все чаще понималась не сословная принадлежность и даже не сопоставимость материального достатка или образа жизни, а близость интеллектуальных и духовных запросов людей.

Наметившиеся в предшествовавшее десятилетие факторы к концу 1880-х гг. проявились в полную силу. Все более усугублявшиеся с каждым годом экономические проблемы дворянских семейств стимулировали рост ценности образования. Помимо организации карьеры сыновей родители все чаще заботились и о приобретении дочерьми неких профессиональных навыков, необходимых для поддержания ими своего существования в ситуации возможного безбрачия или позднего вступления в брак. Этому движению способствовало и возрастание ценностей образованности, культурности в самом обществе, что нередко побуждало как девушек из вполне обеспеченных семейств стремиться к получению дипломов специалистов, так и родителей – соглашаться на поступление дочерей в специализированные учебные заведения. Вместе с тем, профессиональных школ для женщин было не много, и они располагались лишь в крупных городах. Отправка к месту обучения

¹ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 1195. Л. 72 об.–73.

всей семьей, как правило, была исключена. Очень редко «проследить» за уезжавшей из родного дома дочерью поручалось родственникам. Иногда такого рода задача ставилась перед братьями девушек, уже учившимися в том же месте. В большинстве же случаев девушка отправлялась в далекий город, имея на руках несколько рекомендательных писем к малознакомым людям, с просьбой помочь ей снять не очень дорогое жилье.

Типичным примером учащейся девушки-дворянки была Н.М. Зеленская. Она жила с отцом и сестрами в Екатеринославской губернии. Семья очень нуждалась в деньгах, и отец, «еле зарабатывая на пропитание, ... предоставил мне поступать как мне угодно». Мелкими приработками девушка скопила 100 руб., которые позволили ей уехать в Харьков. Там, с помощью нескольких местных студентов она несколько месяцев готовилась к поступлению в Медико-Хирургическую академию. Приехав в Петербург, она обратилась к генеральше Рехневской, которая благодаря рекомендации, поместила девушку (и то лишь «после полугодового ожидания») в приют Св. Ксении для трудящихся девиц. В этом благотворительном учреждении за 12 руб. в месяц постояльцам предоставляли кровать в комнате, рассчитанной на несколько человек, а также обед, чай утром и вечером, и кофе с хлебом и маслом в 12 час.¹

Оказавшись совершенно одни в новом мире, где главной задачей был поиск средств существования, молодые дворянки, с одной стороны, уже не так восторженно воспринимали полученную ими свободу и независимость, но с другой, быстро привыкали решать все проблемы самостоятельно, мало сообразуясь с мнением окружающих, и, особенно, старших. Недаром уже упомянутая нами Е.А. Кравченко, восхищаясь такими качествами своей дочери Кати, как «современность» и «развитость», тут же замечала, что она «пряма, рассудительна, эгоистична», и вообще у нее, как и «всех новых людей» нет «тепла» к матери².

Постепенно прибывшие на учение девушки «обрастали» новыми знакомыми, причем как женщинами, так и мужчинами. Их взаимные контакты в «непринужденной обстановке» вносили серьезные изменения в старый кодекс приличий. Вполне допустимым и нормальным теперь были многочасовые совместные занятия студента и курсистки, даже если они происходили наедине. Новой обязанностью мужчины стало провожать девушку до дома в вечернее, и даже

¹ ОР РНБ. Ф. 294. Д. 5. Л. 4–6.

² Там же. Ф. 601. Д. 1195. Л. 70.

ночное время. А так как денег ни у одного, ни у другого, как правило, не было, то такие «проводы» превращались в длительную пешую прогулку, при обоюдном желании становившуюся «свиданием». Наконец, молодой человек, приобретший статус «близкого знакомого», мог позволить себе пригласить девушку в театр, на концерт, пикник и т.д. В воспоминаниях Н.М. Зеленской о студенческих годах, перед нами проходит череда ее друзей, с которыми девушка ходила в гости, на выставки, собрания, просто гуляла, которые провожали ее домой, помогали ей в занятиях. Характерно, что ни она сама, ни окружавшие ее представители дворянской интеллигенции (как молодые, так и старые), не видели в этом ничего особенного и тем более предосудительного, воспринимая такие отношения как вполне обыденные¹.

Важно отметить, что новые правила поведения описывались не только мемуаристами, но и становились привычным элементом содержания разнообразных рассказов, «бульварных романов» и газетных фельетонов. Их авторами была женская и – иногда – мужская интеллигентная молодежь, зарабатывавшая себе на жизнь «писательством»². Тем самым, эти новые правила взаимоотношения полов становились отрефлексированными и, всё более укореняясь в сознании, они прочно закреплялись в повседневной жизни дворян.

Близкое личное знакомство и общие интересы способствовали переходу отдельных дружеских контактов к личной симпатии, а затем к любви. Эти чувства вполне естественно возникали, несмотря на то, что многие девушки, отправляясь на учебу, предполагали, что в результате такого шага они навсегда отказываются как от создания своей семьи, так и вообще от личного счастья ради служения обществу на ниве знания и просвещения. Так, поступившая в Академию художеств в 1880 г. Екатерина Зарудная и спустя два года безапелляционно писала в своем дневнике: «Я не хочу выходить замуж ни за что, ни за что; я хочу заниматься серьезно живописью, я чувствую, что только тогда и буду жить, когда буду заниматься, работать»³.

¹ ОР РНБ. Ф. 294. Д. 5.

² О влиянии литературы и публицистики на изменение норм поведения во второй половине XIX – начале XX вв. см.: Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. М., 2009. С. 139–142.

³ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 4. Л. 5 об., 12 об. К этой теме она возвращалась неоднократно и в течение последующих нескольких лет, посто-

Вместе с тем, некоторые интеллектуалки выдвигали к себе чересчур завышенные требования. Полагая, что они не соответствуют «высокому» идеалу жены, такие женщины отказывали влюбленным в них мужчинам. Так, двоюродная сестра Е. Зарудной – Н. Старицкая, отвергла предложение В. Вернадского, так как «она старше его на два года и некрасива». Будущему академику пришлось долго доказывать своей избраннице, что для его любви, а главное, для их совместной деятельности, которая, как считал Вернадский и составляет «силу и значение семьи», ее аргументы не имеют значения¹.

Немалая часть мужчин, общавшихся с такими девушками, веря в их искренние заявления о планируемом отказе от личной жизни, считали встречи с ними вполне «безопасными» для своей «свободы», что стимулировало продолжение знакомства. Благоприятным фактором для этого выступало положительное отношение таких мужчин к женской «учености», как неременному условию воспитания женщины-матери. Ничто, полагали они, не может «сравниться с прелестью девушки, которая создает себе будущее, просвещая себя светом науки, более ярким и более блестящим, чем свет от бальных люстр. Вот кто будет настоящей матерью своему ребенку, матерью не только по плоти, но и по духу, который осветит его жизнь сознательным и разумным отношением»².

Конечно, далеко не каждый мужчина, идя навстречу «природе» или пониманию общности интересов, был готов связать свою жизнь с «новой женщиной». Некоторые даже бравировали своим нежеланием иметь что-либо общее с «синими чулками». Так, некий г. Ритих, великосветский знакомый семьи Зарудных-Кавос, гордился тем, что «бросил ухаживать за одной очень хорошенькой и молоденькой варшавской барышней из-за того, что он, подсмотрев, увидел ее читающей политическую экономию и с тех пор стал ее, т.е. барышню избегать»³. Вероятно, именно с таких «Ритихов» был списан литературный герой «Записок Линды Мурри», безапелляционно утверждавший: «Образованные женщины не годятся для семьи, их всегда

янно подчеркивая, что при замужестве «лишаешься свободы, времени заниматься своим делом и навязываешь себе на шею целую массу страданий, забот и хлопот...». Там же. Д. 6. Л. 16.

¹ Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1886–1889). М., 1988. С. 17.

² Буа Ж. Женщина будущего. Киев, 1897. С. 49.

³ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 7. Л. 110 об.

будут обкрадывать слуги. Знаешь что, по-моему, должна уметь делать женщина: вязать чулки и штопать белье своего мужа»¹.

Отпугивали такие мужские мировоззренческие установки девушек из дворянских семей от заключения брака или нет? Для некоторой части из них, особенно для первого поколения курсисток, эти идеи были неприемлемы. В массе своей эти девушки видели себя «весталками», которые ради служения «храму науки» были способны терпеливо сносить презрительные взгляды окружающих и решительно отказываться от личного счастья и замужества. Это означало, что они вступали в брак «с трудом», от большой любви или глубокого несчастья.

Но были, конечно же, и те, кто рассматривал поступление в высшие учебные заведения как способ вырваться из невыносимой, по разным причинам, домашней обстановки, соглашаясь ради достижения цели замужества подстраиваться под существовавшие в мужской среде патриархальные требования к женщине. Вот как об этом писала Е.П. Казанович, поступившая на Высшие женские курсы (ВЖК) в 1905 г.: «Меня тянуло к блеску и роскоши придворной жизни, мне казалось, что только там можно встретить действительно умных, благородных, честных людей... Я думала, что стоит мне только попасть в Петербург, как там я тотчас найду свою судьбу... Я мечтала, что встречу с каким-нибудь вельможей, придворным, выйду за него замуж, буду при дворе. Тогда я не искала даже любви, мне нужно было только положение, через кого-бы мне оно не досталось: через отвратительного ли старика, молодого ли юношу, развратного кутилу, лишь бы выйти на дорогу. Я была уверена, что не останусь незамеченной, п[отому] ч[то] привыкла слушать кругом, что я красива, интересна и т.п. Я хотела, вернее ждала, славы, власти, блеска, денег, могущества, собиралась даже оказывать влияние на ход политических событий, делать людей счастливыми... Понятно, что при таких мечтах все окружающее казалось невыносимым, гадким, отвратительным, домашняя атмосфера душила, все знакомые, которых я призираю, возмущали, всякий труд, к которому мама приучала меня, был ненавистен»².

По каким бы индивидуальным сценариям не развивались события, они были отражением принципиально новых поведенческих норм и практик. Прежде всего, нормы поведения менялись, конечно, в крупных городах, где жизнь приезжих курсисток постепенно стано-

¹ Записки Линды Мурри // Русская мысль. 1907. № 8. С. 156.

² ОР РНБ. Ф. 326. Д. 15. Л. 19–19 об.

вилась образцом для подражания у «местных» дворянских девушек. Так, уже в 1879 г. 17-летней дочери сенатора Е. Зарудной казалось удивительным, что в окружении ее матери нашлись люди, которые «возмущаются, что мы одни по улицам ходим. Да чего им за дело до нас?»¹.

Вслед за столицами похожие перемены происходили и в провинции. Здесь многие из девушек-дворянок, хотя и ограничились средним образованием, но также оказывались очень «занятыми»: походы в гимназию и на всякие «гимназические мероприятия», занятия с репетиторами или, напротив, собственные «уроки», встречи с подругами для совместной подготовки и т.д. Родители, не поспевая за темпом жизни своих чад, и будучи ограниченными в средствах, при всем желании не могли обеспечить их постоянным сопровождением.

По окончании обучения многие из «самостоятельных» девиц, желая помочь семье, пытались найти для себя «приличный приработок». Они давали частные уроки, работали в школах, сотрудничали в газетах и журналах, осуществляли переводы, переписывали студентам лекции, служили в конторах и т.д. Если и ранее контроль был затруднителен, то теперь следить за передвижениями таких тружениц семья не имела вообще никакой возможности и вынуждена была отпускать их «по делам» на полном доверии.

По мере роста числа девиц, ведущих «активный образ жизни» именно такое поведение стало восприниматься как норма. Закончившая же институт девушка, выходящая из дома лишь с сопровождением, вызывала насмешки ровесниц, тяжело переживая свое положение «белой вороны». Как результат, не только в «столицах» и других крупных городах, но и в провинции возрастали разнообразные контакты между молодыми людьми того и другого пола, менялись нормы приличия, усиливалась уверенность молодежи, особенно женской, в своих силах, падал авторитет старших и значение их запретов и рекомендаций.

Все это способствовало созданию новой семьи, основанной в большинстве случаев именно на романтической привязанности, взаимном уважении и общности личных взглядов и интересов. Красноречивое свидетельство ценности новых идеалов находим в одной из частных, дневниковых записей 17-летней Татьяны Толстой от 29 августа 1882 г.: «Я вообразить себе не могу, если бы я была

¹ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 4. Л. 50 об.–51.

замужем, как бы мужу в голову пришло меня пальцем тронуть! Если женщина не может заставить мужа уважать себя, то уж наверное все счастье погибло, потому что, по-моему, оно только тогда возможно, когда муж и жена друг друга уважают»¹.

Этапы создания вышеназванной новой семьи предполагали достаточно длительное знакомство, проходящее через несколько стадий – встреч наедине, ухаживания, личного объяснения. Только вслед за этим, уже приняв принципиальное решение о браке, молодые люди сообщали о своем намерении родителям. Мнение последних не имело принципиального значения и крайне редко влияло на планы жениха и невесты. Вопросы о материальной стороне будущей совместной жизни супругов разрешались, большей частью, в «идеальном плане», в духе рассуждении об их совместном труде на благо общества и друг друга. Если в дальнейшем родители жениха давали молодой семье деньги на «обзаведение», а невесте выделялось некое приданое, то дети спокойно (если не сказать – равнодушно) принимали эти дары. Если же родные ничем не могли или не хотели помочь новобрачным, то привыкшая к самостоятельной жизни молодежь не усматривала в этом никакого препятствия к браку. Действительно же серьезным препятствием к созданию семьи они, как правило, считали не полученное одним из них (в основном, девушкой) образование. В этом случае, молодые люди долго и тщательно обдумывали, как им лучше поступить – вступать в брак после завершения обучения или венчаться, не дожидаясь получения диплома.

Пример подобной «брачной эпопеи» мы находим в создававшихся одновременно, но, конечно, независимо друг от друга, дневниках Е.Н. Кравченко (Половцовой) и А.В. Половцова. Эти поденные записки позволяют проследить развитие «романа» с обеих точек зрения – мужской и женской.

Молодые люди были знакомы с 1875 г., но роман между ними возник лишь в начале 1878 г. Анатолий по несколько раз в неделю приходил в гости к Екатерине. Они совместно гуляли, посещали различные собрания, готовились к занятиям. Вместе с тем, они называли друг друга по имени отчеству и обращались на «Вы». Их встречи происходили наедине и продолжались по 4–5 часов. Однако до объяснения дело все никак не доходило. Анатолий, с детства приученный отцом четко фиксировать в дневнике основные про-

¹ Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник. М., 1987. С. 45.

блемы своей жизни и ставить задачи, так комментировал сложившуюся ситуацию: «И в ней чувство не открыто еще вероятно вполне и долгое жданье свадьбы при напряженном состоянии – все прочило бы гибель. А я, разумеется, экзамен бы не выдержал и мучился бы мысленно о преждевременности все испортившей. Значит разумеется надо избегать не только роковой минуты объяснения, но и какого бы ни было дальнейшего развития чувства с обеих сторон». Исходя из этого, в качестве задачи на ближайший год им было поставлено «сохранить с К.Н. настоящие отношения не сближаясь более и не расходясь». Однако девушку, судя по всему, уже стала угнетать неопределенность. Она решила вынудить молодого человека на объяснение и написала ему «таинственное» письмо, в котором признавалась: «Я привязывалась к Вам с каждым днем все сильнее и сильнее против моей воли и желания». В итоге в ноябре 1878 г. между молодыми людьми произошло объяснение, но со свадьбой они решили не торопиться, так как Катя заявила, что ей до этого «еще надо много, много учиться и развиваться». Однако венчание все же состоялось быстрее, чем планировали молодые люди. Узнав о произошедшем обручении, в Петербург приехала мать Кати, т.к. по ее представлениям нельзя было оставлять девушки «одну на положении невесты». Вместе с тем, материальных средств на длительное проживание в столице у женщины не было, и она постоянно говорила о необходимости скорее повенчаться. Да и сами молодые люди, долгие годы предоставленные самим себе, с трудом терпели вдруг свалившийся на них контроль. В результате брак был заключен еще до окончания девушкой курсов¹.

Интересно, что возможна была и обратная ситуация, когда стремление родителей девушки дать ей профессиональное образование приводило ее к желанию скорее «выскочить замуж» дабы окончить, наконец, такое ненавистное для нее учение. Так, О.Г. Базанкур (урожд. Гудкова), немало страниц своего дневника посвятила воспоминаниям о юности, пришедшейся на 80-е гг. XIX в. Листы эти просто дышат всепоглощающей ненавистью, не только не сокращавшейся, но напротив, возраставшей с каждым годом ее семейной жизни. Женщину брала «злость на собственную родню с покойной маменькой во главе, которые все только и тряслись над тем как бы мне получить диплом и спихнуть на службу». Именно в этом О.Г. Базанкур видела «корень» своей неудачной супружеской жизни,

¹ ОР РНБ. Ф. 601. Д. 51. Л. 3–7; Д. 52. Л. 2–7; Д. 948. Л. 22–27; Д. 949. Л. 3.

так как в такой ситуации она, «конечно, не смогла сделать никакой партии», и вышла замуж за первого предложившего¹.

В целом, к концу XIX в. подавляющая масса дворянских браков совершалась по самостоятельному выбору вступающих в них лиц². Каждый из венчавшихся сам решал, что он понимает под «личным счастьем» и какими видит основы своей семейной жизни. Конечно, далеко не всегда движущим мотивом была любовь. Как и раньше, большую роль играли материальные соображения, общественный статус и т.д. Важнейшее значение имело другое: в любом случае – заключали ли оба молодых человека брак по личной склонности, делал ли это лишь один из них, или для обоих это была некая сделка, к концу 80-х гг. XIX в. принципиально изменились и оценка произошедшего события окружающими, и связанные с этим нормы поведения жениха и невесты. Так как единственно «правильным» и одобряемым обществом считался теперь брак по любви и самостоятельному выбору, то венчавшиеся считали своим долгом продемонстрировать наличие между ними чувств. Родители же, напротив, сообразуясь с общественным мнением, вынуждены были, хотя бы декларативно заявлять о выполнении ими совершенно другой функции в супружестве детей. Теперь на них возлагалась не задача его организации, а (в лучшем для них случае) роль советчиков, разумеется, если их мнение вообще готовы были слушать, или сторонних наблюдателей, внутренне принимавших или нет происходившее событие.

Серьезность произошедшего изменения четко просматривается на материалах прошений, подававшихся в конце XIX в. дворянами в различные инстанции в связи с бракосочетанием. Перед нами данные, качественно отличавшиеся от тех тенденций, которые отражали схожие документы за сорок лет до этого. Если в середине XIX в.

¹ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 15. Д. 2. Л. 52 об., 156.

² Вывод о том, что на протяжении второй половины XIX – начала XX в. возрастала степень самостоятельности дворянской молодежи России в определении своего будущего, в том числе, в сфере семейно-брачных отношений, был сформулирован мной еще в 2007 г. в диссертации и в первом издании монографии «Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.)». В последующие годы появились отдельные научные работы, в которых авторы исходят из этой же позиции, но, к сожалению, не удосуживаются делать соответствующие отсылки к трудам своих коллег, а склонны приписывать «научную новизну» сформулированного ранее положения себе. См.: Мартианова И.Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010. С. 12–13.

90% просителей составляли родители вступающих в брак лиц, то к концу столетия уже преобладали обращения самих молодоженов. Указывая на свои планы вступить в брак и – непременно – на невыносимость «тягости разлуки», молодые дворяне или дворянки излагали далее суть проблемы, мешавшей возлюбленным «соединиться».

В большинстве случаев речь шла о четырех просьбах – оказании материальной помощи на «обзаведение», разрешении вступить в брак без уплаты реверса, создать новую семью вопреки обречению на «всегдашнее безбрачие» и, наконец, венчаться в церкви по выбору брачующихся, без учета преимущественного положения Русской православной церкви. Редкие ходатайства родителей, как правило, матерей, также поражают совершенно другой фразеологией. Практически единственной причиной таких обращений являлась просьба компенсировать расходы на «экипировку» сыновей или приданое дочерей в связи с его (или ее) «предполагаемой» или уже «состоявшейся» женитьбой или замужеством¹.

Мало того, чиновники, исследовавшие «семейные несогласия» дворян, доходившие в конце XIX в. до императора через Канцелярию прошений, считали своим долгом интересоваться обстоятельствами вступления в брак ссорившихся супругов. Например, характеризуя причины разрыва между князем А.А. Прозоровским-Голицыным и его женой, чины Канцелярии не преминули выделить главное, на их взгляд, обстоятельство, предопределившее будущий разрыв: молодые люди вступили в брак в достаточно зрелом возрасте – жениху было 37 лет, невесте – 34 года, без каких-либо чувств, исключительно по желанию их матерей, уставших ждать, когда же, наконец, они сами определятся с устройством своей личной жизни².

Таким образом, за три–четыре десятилетия в дворянской среде произошло кардинальное изменение взгляда на заключение брака, а значит и на ценности самого супружества и личной жизни в целом. Любовь, по крайней мере, внешне, «для приличия» стала практически неотъемлемым условием при создании семьи. Такой подход формировал, в свою очередь, новые вопросы, на которые общество и государство вынуждено было искать ответы. Что делать, когда «чувства» связали людей, не имевших по существовавшим законам возможности на официальное оформление их отношений? Как

¹ См., напр.: РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 903–905.

² Там же. Оп. 226. Д. 140–143.

быть, если любовь, на которой должна строиться и держаться семья, прошла? Может ли последнее обстоятельство служить оправданием для разрыва или даже развода? Удивительно, но торжество идеала супружеской любви, на деле обернулось необходимостью серьезной ревизии института христианского брака. Ведь для воплощения этого идеала обязательными условиями становились свобода межконфессиональных браков, отказ от брачных ограничений для офицеров и части работавших женщин, расширение возможности разводов, облегчение вступления в брак для разведенных и т. п.

Символом растущей ценности личного счастья, вступающей в противоречие с нормами и правилами организации брака и семейной жизни, стало распространение в дворянской среде незарегистрированных супружеств. Как правило, такого рода отношения возникали по объективным причинам, когда в силу существовавших в законе ограничений брак не мог быть официально оформлен. Это, прежде всего, касалось незаконных семей молодых офицеров; семейств, где мужчина и(или) женщина состояли в другом, не расторгнутом браке, или он хотя и был расторгнут, но виновное в разводе лицо было обречено на «всегдашнее безбрачие». Несколько меньше были распространены незаконные супружества, создававшиеся по национально-конфессиональным причинам.

Определить реальную численность подобных сожителств практически невозможно, однако косвенные данные дают представление о значительном росте их числа на протяжении всей второй половины XIX столетия¹. Действительно, исходя из оценок далеко не самых «передовых» современников, уже к 1880-м гг. «гражданские браки» не только перестали эпатировать публику, но и те из них, которые возникали по «объективным причинам», а не между молодыми людьми, жившими в «свободной любви», несмотря на наличие возможности официально зарегистрировать их отношения, принимались в обществе вполне терпимо и даже «с пониманием».

В своем дневнике за 1887 г. Е. Зарудная вполне обыденно излагала цель визита одной из ее подруг – Маши Гонтаревой, которая приехала, чтобы рассказать, что «она выходит за Емильянова (Николай Ильич)... т. е. свадьбы не будет, п[отому] ч[то] он (ему 38 лет, ей 22) женат, но с женою своею уже года три или четыре не живет, теперь он хлопочет о разводе, но так как такие дела очень долго тянутся – 5, 6 лет, то они уже с сент[ября] или октября вместе едут в

¹ Экштут С. Французская горизонталка, или сексуальная революция, которую мы не заметили // Родина. 2007. № 2. С. 100–106.

Севастополь и будут жить как муж и жена»¹. История же другого «свободного союза», ставшая известной девушке в том же году, произвела на нее сильное впечатление лишь потому, что напрямую затрагивала ее саму. Жених Екатерины – Н.С. Самохин, за которого она собиралась выйти замуж по сильной, как она думала, взаимной любви, в течение трех предшествовавших лет находился в тайной связи с некой Суховской, в брак с которой он все эти годы вступить не мог. Когда же препятствия исчезли, он немедленно женился на своей гражданской жене, разорвав ради нее выгодную помолвку с дочерью сенатора².

Определенное представление о степени распространения незарегистрированных сожительствах в интеллигентной дворянской среде в начале XX в. можно составить по результатам проведенного в 1909 г. анкетирования слушательниц С.-Петербургских женских курсов. В этом учебном заведении из числа женщин, имевших семью, почти треть (31,2%) заявила, что проживают в гражданском браке³. Будем учитывать, что около половины курсисток принадлежали к первенствующему сословию.

Нередко заявленные в качестве препятствий к браку обстоятельства на деле лишь маскировали нежелание одной из сторон оформлять свои отношения официально. Чаще всего, речь шла о сожительствах мужчин-дворян с девушками из бедных крестьянских или мещанских семей, в большинстве своем состоявшими в услужении. Здесь, как правило, и речи не шло об обоюдной любви. Получив необходимый сексуальный опыт, молодой человек отказывался жениться, аргументируя это запретом родителей.

Иногда подобные отношения складывались и между дворянами. Так, «старый холостяк» А.Ф. Кони имел за свою жизнь несколько длительных, подчас многолетних романов, причем дамами его сердца были, в большинстве, не замужние женщины, а девушки из «хороших» семей. Вместе с тем, для каждой из них он находил вполне удовлетворительное объяснение, исключавшее возможность их брака⁴. Так, Н.М. Зеленской было обращено внимание на то, что ее отец происходил из евреев-выкрестов, а значит «свет будет относиться» к ней «свысока и это будет его постоянно оскорб-

¹ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 9. Л. 51–51 об.

² Там же. Д. 7. Л. 78; Д. 9. Л. 12; 18 об.

³ Слушательницы С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов по данным анкеты 1909 года. СПб., 1910.

⁴ Высоцкий С.А. Кони. М., 1988. С. 72–78.

лять». Больше десяти лет они состояли в тайных отношениях, в которые была посвящена лишь экономка А.Ф. Кони. Все эти годы Зеленская ничего не брала у своего любовника и, живя крайне скромно на свою зарплату служащей в конторе, доказывала, что их связывает лишь любовь, а не его деньги или высокое положение. Женщина периодически предлагала съехаться, обращая внимание на достаточную распространенность подобных сожителств среди петербургского высшего общества. Однако Кони всякий раз отказывался, ссылаясь на общественное мнение. «Он говорит на другой день ½ Петербурга об этом заговорит. Он судья – ему это не к лицу...»¹.

Распространение неоформленных супружеств влекло за собой рост числа незаконных детей. Факт их наличия у мужчины, в соответствии с традициями двойной морали, в течение всего исследуемого периода, мало влиял на его брачные возможности. Напротив, нередко простое оказание материальной помощи таким детям со стороны их физического, хотя и не записанного нигде отца, оценивалось в обществе как признак его высоких нравственных качеств². Другое дело – женщина. Рождение у незамужней ребенка, тем более, если она вносила свое имя в его метрическое свидетельство, означало для нее практически полное отсутствие шансов на брак, если, конечно, в качестве претендента не выступал отец незаконно рожденного.

Однако к началу XX в. данное правило стало приобретать не столь однозначный характер. В различных источниках этого периода все чаще упоминались случаи выхода замуж женщин, имевших внебрачных детей, не за отца ребенка, а за другого мужчину, причем иногда имевшего более высокий, чем у женщины, сословно-общественный статус. Например, наличие у М.В. Энгельгардт внебрачной дочери от «постороннего лица» не помешало ей спустя шесть лет после рождения ребенка выйти замуж за сына вице-адмирала Мессерера³. А крещенная еврейка, мещанка Е.Н. Линецкая, несколько лет жившая в гражданском браке с капитаном И.Ф. Плешивым и имевшая от него ребенка, после смерти офицера

¹ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 7. Л. 59–164; Д. 28. Л. 22 об.

² См. напр. характеристику стат. сов. А.И. Рыжова, который оценивался обществом как «высоконравственный человек», т.к. «он принял на себя воспитание детей, прижитых им в незаконной связи с одной женщиной». Кони А.Ф. Судебные речи. 1868–1888. СПб., 1897. С. 112.

³ РГИА. Ф. 1412. Оп. 12. Д. 706.

вступила в брак с дворянином, коллежским секретарем Агарковым¹. Постепенное превращение подобных фактов из исключительных в допустимые демонстрировало непрерывно возрастающую важность для дворянина личной привязанности и самостоятельного выбора над властью общественного мнения.

Общие тенденции, предполагавшие приоритет индивидуальных ценностей над семейными и родовыми, и связанное с этим стремление вступить в брак по любви, нашли свое воплощение и в жизни царской семьи. Последняя треть XIX – начало XX в. ознаменовались буквально «эпидемией» морганатических браков великих князей. В этом плане интерес представляет определенная эволюция, проделанная «первыми дворянами империи» в оценке подобного явления. Так, совершенный в феврале 1878 г. брак великого князя Николая Константиновича с дочерью полковника Н.А. Дрейер был по требованию Александра II признан Св. Синодом незаконным и недействительным². А в 1911 г., для того чтобы племянница этого же великого князя – Татьяна Константиновна имела возможность выйти замуж по любви за князя К.А. Багратион-Мухранского последовало внесение изменения в российское законодательство, предоставлявшее членам императорской фамилии право на нединастические браки, но с запрещением их потомству от этих супружеств наследовать престол³.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война не только не изменила сформировавшийся еще ранее идеал свободного брака по любви, но, напротив, способствовала росту числа невенчаных супружеств, причем создаваемых преимущественно не по «идейным», а по вполне обыденным причинам. Те, кто в мирное время еще мог бы продолжать ждать и надеяться, что мешавшие им соединиться обстоятельства как-нибудь и когда-нибудь исчезнут, перед лицом страшной военной опасности решительно отменяли «ненужные условности».

Вместе с тем, немало людей было заинтересовано в узаконении своих незаконных супружеств в чрезвычайных условиях военного времени. Прежде всего, это касалось офицеров, нелегальным

¹ РГИА. Ф. 1412. Оп. 15. Д. 1416.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 98. Д. 1 а.

³ ПСЗ. Собрание–3. Т. XXXI. 1911. Отд. 1. № 35765–35766. СПб., 1914. С. 913.

семьям которых не полагались ни компенсация за службу их кормильца на фронте, ни пенсия или пособие в случае его смерти. Командиры полков нередко давали согласие на заключение таких браков и даже отпускали нуждавшихся для их совершения офицеров с театра военных действий. Если получивший разрешение офицер по независящим от него причинам не успевал повенчаться и погибал, так и не узаконив статус своих родных, то многие командиры брали на себя хлопоты перед лицом государственной власти о судьбе «незаконных семей погибших героев». Если в начале XX в. такие «хлопоты» были еще редкостью¹, то в условиях Первой мировой войны подобные ходатайства стали появляться и, что особенно важно, удовлетворяться практически повсеместно.

Итак, достигнув установленного законом возрастного рубежа, дворянские дети могли заключать брак и, по сути, вступать в самостоятельную жизнь. До середины 1860-х гг. брачную «партию» своим повзрослевшим детям подбирали родители, редко когда учитывая личные пристрастия молодых людей, особенно девушек. В середине 1860-х – первой половине 1870-х гг. под влиянием изменений в экономическом укладе жизни дворян и роста общественного самосознания значительно возросли возможности заключения брака по свободному выбору, однако такие возможности нередко использовались дворянками как средство достижения независимости в рамках фиктивного супружества. С конца 1870-х гг. в дворянской среде формируется, укрепляется и получает с течением времени всё большее распространение идеал супружеского союза, основанного исключительно на свободном выборе и чувстве любви.

В связи с сохранением в России церковного брака, а также в связи с наличием значительного количества установленных гражданским законом ограничений, возникала коллизия между идеалом брака по любви и невозможностью его достижения в том или ином конкретном случае. На практике это приводило либо к сознательно-

¹ Подробнее см.: Веретенко В.А. Проблема внебрачных семей офицеров и запасных в России начала XX в. // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Веретенко. СПб., 2014. С. 157–161.

му нарушению людьми существовавших правовых норм в целях законодательного оформления их отношений, либо к вступлению в незарегистрированный союз. Конечно, далеко не все свободные сожительства были вызваны «объективными» причинами. Среди дворян присутствовали и принципиальные сторонники «свободной любви». Во все времена возникали отношения, в которых изначально, по крайней мере, с одной стороны, не предполагалось ничего кроме сексуальной близости. Важно другое: по мере того, как брак по любви приобретал черты единственно «правильного» и одобряемого, вынужденный «гражданский брак» принимался дворянским обществом все с большим и большим «пониманием». Ценность личного счастья, вполне достижимого даже без церковного венчания, стала окончательно ясна под грохот орудий начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны.

Заключение

В. Максимов «По примеру старших»

Особенности положения и повседневной жизни дворянских детей в России второй половины XIX – начала XX вв. определялись множеством факторов, связанных не только с врожденной индивидуальностью самого ребенка, но и с его приобретенным правовым статусом, который в дореволюционной России напрямую зависел от законности рождения, а также с разнообразным влиянием на ребенка микросоциальной среды, в которую он был включен в те или иные периоды своей жизни – от рождения до совершеннолетия и вступления в брак. Специфика рассматриваемого периода состояла в том, что сам этот микромир маленького человека оказывался весьма не устойчивым и поливариантным в своем развитии. Иначе и не могло быть в условиях колоссального давления на дворянскую семью, которое оказывала набиравшая обороты буржуазная модернизация в России.

Конечно, она в той или иной мере затронула все группы и слои российского общества второй половины XIX – начала XX в., но на положении дворянских детей метаморфозы жизни родителей сказывались в первую очередь и отражались в повседневности юного поколения наиболее ярко.

Пожалуй, главным вектором эволюции положения детей в дворянских семьях России был довольно стремительный переход от традиционного уклада жизни, основанного на строго установленной гендерной стратификации и на преобладающей роли родителей в жизни даже вполне взрослых детей, к новому укладу, в основе которого лежали изменения статуса женщины-дворянки, всё чаще возникавшая для нее необходимость значительного (порой – определяющего) собственного трудового вклада в поддержание материального благосостояния семьи, и трансформация характера отношений между «старшими» и «младшими» домочадцами. С одной стороны, данные перемены вели к росту эмоциональной близости между родителями и детьми, к значительному личному участию многих родителей (особенно матерей) в уходе за малышами, в воспитании и в образовании своих чад, а с другой – возникали имущественные проблемы, отвлекавшие взрослых (особенно отцов) от общения с детьми, ограничивавшие возможности взаимных контактов представителей разных поколений.

Отмеченная выше эволюция повседневной жизни дворянских детей прошла несколько этапов.

В середине XIX столетия условия родовспоможения и ухода за младенцами в дворянских семьях мало отличались от ситуации в других социальных группах и слоях российского общества, оставаясь на весьма примитивном уровне. Рожденные при помощи крестьянских повитух дворянские дети получали первоначальный уход на руках у кормилец и нянек всё из той же крестьянской среды, а затем воспитывались гувернантками и гувернерами, как правило, приглашенными из-за границы. Целью образования мальчика было подготовить его к выбранному родителями «месту», а девочки – продемонстрировать «хорошие манеры» и «невинность», дававшие, по общему мнению, наибольшие шансы на замужество. Родительское участие в воспитании детей носило эпизодический характер и предполагало самый общий контроль, а также организацию карьеры юноши и брачной партии для девушки. Роль самой дворянской молодежи в вопросах организации собственной жизни и, в частности, в вопросе о вступлении в брак, была минимальной.

В эпоху «Великих реформ» 1860–1870-х гг. наряду с отмеченным выше традиционным подходом к решению вопросов ухода за ребенком, к его воспитанию и образованию, сформировался принципиально иной подход. Его сторонники, которых мы условно обозначаем, как «новые идейные» и «новые практические» родители, по-особому смотрели на свою роль в жизни своих детей, да и на место ребенка в семье и в обществе в целом. «Новые идейные» родители считали необходимым принимать активное личное участие в формировании из своего ребенка «человека и гражданина», прежде всего, руководствуясь своими нравственными и идейно-политическими убеждениями. «Новые практические» родители тоже принимали самое живое участие в жизни своих детей, но делали они это под воздействием не столько идейных, сколько материальных соображений, не имея достаточных денежных средств для сохранения «старой» системы взаимоотношений с детьми.

В конце 70-х – 90-е гг. XIX в. повседневность дворянских детей претерпела дальнейшие изменения. С одной стороны, это было связано с развитием медицины: значительно более широкое, чем ранее, применение в дворянской среде находила профессиональная акушерская помощь, заметно возросло и участие медиков в контроле над протеканием беременности и над состоянием здоровья детей раннего возраста. С другой стороны, всё более значимую роль в уходе за новорожденными и младенцами стали играть сами матери. Они же (а в «новых идейных» семьях дворян и отцы) при-

нимали деятельное участие и в судьбе детей более старшего – дошкольного – возраста, осуществляя уход за ними и участвуя в их подготовке к школе.

В этой работе, в зависимости от имевшихся у родителей идейных установок и материальных средств, они опирались либо на прислугу, либо на приглашаемых для домашних занятий наставников (уже не иностранцев, а русских), либо, наконец, использовали возможности, предоставляемые специализированными общественными заведениями – детскими садами и подготовительными классами, ставшими весьма популярными уже к концу XIX в. Воспитание и образование девочек по целям и задачам все больше приближались к аналогичным показателям в отношении мальчиков.

Общение подростков и молодежи обоих полов, возраставшее по мере развития сети открытых средних школ, и разрешения каникул и отпусков в закрытых учебных заведениях, демократизировали отношения между полами и стимулировали распространение новой формы заключения браков, при которой всё большее значение отводилось взаимной склонности людей друг к другу. Постепенно общепризнанным в дворянском обществе становилась роль любви как решающего фактора при создании семьи, а мнение родителей в этой области не только переставало быть определяющим, но, напротив, всё менее и менее принималось в расчет.

В начале XX в. высокий уровень развития стационарной помощи роженицам, особенно в крупных городах, благоприятствовал тому, что часть дворянок, даже имевших значительные денежные средства, по рекомендации врачей начали прибегать к помощи специализированных медицинских учреждений, отказываясь от родов на дому. Соответственно, уход за новорожденными теперь всё больше брали на себя именно родовспомогательные учреждения, которые не только проводили серию мероприятий, призванных обеспечить медицинскую охрану матери и грудного ребенка, но и старались приучить женщин к дальнейшему правильному уходу за новорожденными и тем самым снизить детскую смертность.

Преобладающим типом родителей в начале XX в. стали «новые практические» родители. Процедуры ухода, а также процессы образования и воспитания дворянских детей всех возрастов практически полностью сосредотачивались в руках матери. Роль отца, большей частью, ограничивалась финансированием семейных нужд. Сам же характер воспитания и образования (как мальчиков, так и девочек) предполагал, во-первых, их равную подготовку к самостоятельному

выбору своего жизненного пути и, во-вторых, практическую направленность этой подготовки, ориентированную на получение достойной профессии, способной к тому же «прокормить» повзрослевших детей и стать опорой старикам в будущем.

Ставшее в начале XX столетия в интеллигентной среде практически всеобщим признанием любви как неперемennого условия создания и дальнейшего существования семьи, формировало стремление молодых дворян к достижению «личного счастья». Отсутствие же любви казалось им вполне уважительной причиной для разрыва, осуществляемого большей частью (в связи с церковными ограничениями) в форме разъезда, а не развода. В результате детям «раздельножительствоющих» родителей приходилось жить в неполных семьях, а появлявшиеся у одного из таких «супругов» новые дети оказывались в положении незаконнорожденных (внебрачных).

Сложные экономические, социокультурные и морально-психологические изменения в России во второй половине XIX – начале XX вв. привели к множественным, полифуркационным трансформациям «детства» дворян как специфической системы организации повседневности в первый период их жизни. От десятилетия к десятилетию уходили в прошлое ранее казавшиеся незыблемыми и единственно возможными ценности, стратегии и практики, свойственные подавляющему большинству дворянских детей. На смену устойчивости и унифицированности в организации жизни и деятельности детей приходили пестрота идейных установок родителей в отношении подрастающего поколения, разнообразие практик ухода и воспитания в семье и многообразие форм и путей школьного образования.

Некогда «единое» для всех дворянских отпрысков детство рассыпалось на сотни и тысячи глубоко дифференцированных пространств. Каждое такое «индивидуализированное» детство выступало своеобразным социокультурным феноменом, сконструированным и детерминированным, в отличие от дореформенного времени, уже не половозрастными характеристиками ребенка и традиционно воспроизводимыми универсальными для дореформенной дворянской среды социальными нормами, а уникальным, противоречивым и всегда подвижным сочетанием макросоциальных явлений, процессов, ментальных характеристик и конкретных жизненных ситуаций, в которых оказывалась каждая конкретная дворянская семья в переходный период истории страны.

Источники и литература

I. Источники

Архивные материалы:

Российский государственный исторический архив (РГИА)

- Ф. 733 – Министерство народного просвещения.
- Ф. 762 – Контроль ведомства учреждений императрицы Марии.
- Ф. 797 – Канцелярия обер-прокурора Синода.
- Ф. 801 – Контроль при Синоде.
- Ф. 821 – Департамент духовных дел иностранных исповеданий.
- Ф. 1102 – Документы разных лиц, изъятые из сейфов частных лиц и кредитных обществ, находившихся в Петрограде.
- Ф. 1261 – Второе отделение Собственной е.и.в. канцелярии.
- Ф. 1343 – Департамент герольдии Правительствующего Сената.
- Ф. 1412 – Канцелярия по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых.

Рукописный отдел Института русской литературы
Академии наук (ИРЛИ РАН) – Пушкинский дом

- Ф. 15 – О.Г. Базанкур-Штейнфельд.
- Ф. 445 – Е.С. Зарудная-Кавос.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ)

- Ф. 163 – И.А. и Н.И. Второвы и О.В. Синакевич.
- Ф. 208 – А.В. Головнин.
- Ф. 294 – Н.М. Зеленская.
- Ф. 277 – Г.В. Есипов.
- Ф. 326 – Е.П. Казанович.
- Ф. 358 – К.П. Колзаков.
- Ф. 539 – В.Ф. Одоевский.
- Ф. 601 – А.В., Е.Н. Половцовы.
- Ф. 698 – П.Г. Скалдина-Скальдина.
- Ф. 744 – В.Я. Стоюнин.
- Ф. 1000 – Собрание отдельных поступлений.
- Ф. 1362 – В.М. Лазаревский.

Центральный государственный исторический архив
Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.)

Ф. 2 – Воспитательное общество благородных девиц и Александровский институт (Смольный институт).

Ф. 8 – Петроградский дом защиты детей (Воспитательный дом).

Ф. 10 – Петроградский сиротский институт императора Николая I.

Ф. 356 – Петербургская судебная палата.

Ф. 487 – Прокурор Петроградского окружного суда.

Ф. 536 – Петроградское дворянское депутатское собрание.

Ф. 582 – Петроградское Фрёбелевское общество для содействия первоначальному образованию (1871–1918).

Ф. 751 – Гатчинский сиротский институт императора Николая I.

Ф. 792 – Петроградская городская дума.

Нормативно-правовые акты и комментарии к ним

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание–2. 1841–1884. Т. XV–LV; Собрание–3. 1881–1914. Т. I–XXXIII. СПб., 1885–1916.

Свод законов Российской империи (Св. Зак.). Т. I–XVI. СПб., 1842–1914.

Боровиковский А. Законы Гражданские с объяснениями по решениям Гражданского Кассационного департамента Правительствующего Сената. СПб., 1882.

Быховский В.В. Личные и имущественные отношения супругов между собой и к детям при раздельном жительстве по новому закону 12 марта 1914 года. М., 1914.

Верещагин В. Закон 3 июня 1902 г. об улучшении положения незаконнорожденных детей, с мотивами Государственного совета. СПб., 1907.

Гессен И.В. Узаконение, усыновление и внебрачные дети. Пг., 1916.

Григоровский С. О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах. Сборник церковных и гражданских законов. СПб., 1910.

Законы гражданские. Сост. А. Боровиковский. СПб., 1882.

Канторович Я.А. Законы об узаконении и усыновлении детей (с объяснениями, извлеченными из мотивов закона 12 марта 1891 г., и с разъяснениями по определениям Правительствующего Сената). СПб., 1899.

Канторович Я.А. Законы о состояниях. С разъяснениями, извлеченными из: Кодификационной Объяснительной Записки к Законам о состояниях, изд. 1899 г., – определений 1-го, 2-го департамента и Департамента Герольдии Правительствующего Сената, – решений Кассационных Де-

партаментов и Общих Собраний Правительствующего Сената, – циркуляров и распоряжений Министерств, – указов и циркуляров Святейшего Синода. СПб., 1911.

Победоносцев К.П. Курс гражданского права. СПб., 1896.

Положение о союзе брачном 1836 года. Пг., 1916.

Проект Высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения с объяснениями. Кн. 1–3. СПб., 1902.

Сборник гражданских законов и постановлений, действующих в губерниях: Варшавской, Калишской, Келецкой, Ламжинской, Люблинской, Петроковской. Плоцкой, Радомской, Сувалкской и Седлецкой. Т. 1. Варшава, 1869.

Сборник законов о российском дворянстве / сост. Г. Блосфельдт. СПб., 1901.

Сборник церковных и гражданских законов. СПб., 1910.

Свод законоположений имперских и областных о законности и внебрачности рождения, узаконении и усыновлении, и о взаимных отношениях родителей и детей / сост. П.С. Цыпкин. Пг., 1916.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1889.

Устав Евангелическо-лютеранской церкви в России; Наказ духовенству и начальствам Евангелическо-лютеранской церкви в России; Указ Правительствующему Сенату. СПб., 1832.

Делопроизводственные документы

Гражданская практика Кассационного Сената за 1892 и 1893 годы. СПб., 1901.

Решения Гражданского Департамента Правительствующего Сената за 1901 год. СПб., 1901.

Дополнение к сборнику решений Общего Собрания Кассационных и Первого с Кассационными Департаментов Правительствующего Сената за 1896–1900 г. / под ред. А.К. Гаугера. СПб., 1912.

Извлечения из отчетов классных наставников самарской гимназии за сентябрь и октябрь месяц 1871 года // Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1873. № 3.

Краткий отчет деятельности Общества распространения между образованными женщинами практических знаний за время 25-летнего существования его. 1887–1912. М., 1912.

Общество распространения между образованными женщинами практических знаний. Отчет с 1888 г. – 1898 г. М., 1900.

Особое совещание по делам дворянского сословия. СПб., 1901.

Отчет совета С.-Петербургского Фрёбелевского общества для содействия первоначальному воспитанию за 1911–1912 г. СПб., 1913.

Положение и устав Александровского кадетского корпуса. СПб., 1829.

Правила для принятия сирот в Императорский Гатчинский Николаевский сиротский институт. СПб., 1894.

Правила для родителей учащихся в гимназиях, прогимназиях и реальных училищах. Киев, 1883.

Сборник решений Общего Собрания Кассационных и Первого с Кассационными Департаментов Правительствующего Сената за 30 лет (1866–1896), с приложением указателей: постатейного и алфавитного по фамилиям и разрешенным вопросам / под ред. А.К. Гаугера. СПб., 1912.

Список воспитанниц училища Фельдшерц Санкт-Петербургского дамского лазаретного Комитета. СПб., 1903.

Указ Св. Синода об усмотренных при ревизии одной из духовных Консисторий неправильных распоряжениях Епархиального Начальства по делам о повенчании браков. СПб., 1898.

Устав Училища правоведения, высочайше подтвержденный 27 июня 1838 г. СПб., 1838.

Материалы заседаний и съездов

Совместное воспитание и образование. Четыре доклада в московских кружках «Совместного воспитания и образования детей» и «Педагогическом кружке». М., 1913.

Труды Первого Всероссийского съезда детских врачей в Санкт-Петербурге, 27–31 декабря 1912 г. / под ред. Г.Б. Конухеса. СПб., 1913.

Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Петербург, 30.XII.1912 – 6.I.1913 г. Т. I–II. СПб., 1914.

Яновская Д.А. Об искусственном кормлении новорожденных и грудных детей. Доклад в заседании Врачей Бесплатного Родильного Приюта, учрежденного Н.Ф. Уваровой в Киеве. Киев, 1913.

Статистические материалы

Грегори А.В. Материалы к вопросу о детоубийстве и плодоизгнании (По данным Варшавского окружного суда за 20 лет, 1885–1904 гг.). Варшава, 1908.

Конюченко Т. Статистические сведения о личном составе, воспитанниках и хозяйственной части Императорского Училища правоведения за 50 лет его существования. СПб., 1886.

Михайлов В.М. Средние русские акушерские итоги за пятьдесят лет по материалам печатных отчетов родовспомогательных учреждений. 1840–1890. Новгород, 1895.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1905.

Слушательницы С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов по данным анкеты 1909 года. СПб., 1910.

Справочные издания

Львов П. Памятная книжка о правах и обязанностях армейского духовенства. Гельсингфорс, 1870.

Первый женский календарь на 1901 год / под ред. П.Н. Ариян. СПб., 1901.

Полный практический детский лечебник, с рассуждениями о диетах и физическом воспитании о влиянии настоящих и прошедших болезней кормилицы на дитя. М., 1860.

Периодические издания

Акушерство и гинекология. 1889, 1904.

Вестник воспитания. 1906.

Вестник Европы. 1905, 1909.

Голос. 1882.

Журнал Министерства юстиции. 1861, 1898, 1915.

Мир Божий. 1901.

Одесский вестник. 1858.

Отечественные записки. 1863.

Русская мысль. 1907.

Санкт-Петербургские ведомости. 1859.

Свободное воспитание. 1908–1909.

Семья. 1893.

Церковный вестник. 1887.

Юридический вестник. М.: Изд. Московского юридического общества, 1872.

Воспоминания, дневники и письма

Васенко П.Г. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте (публ. подг. В.В. Митрофанов) // Клио. 2013. № 11(83).

Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской (1886–1889). М., 1988.

Волконская М.Н. Записки М.Н. Волконской / предисл. М. Сергеева. Примеч. Б.Г. Кокошко. М., 1977.

В училище правоведения. Воспоминания И.А. Тютчева. 1847–1852. СПб., 1885.

Гавриил Константинович. Великий Князь. В Мраморном дворце. Мемуары. М., 2001.

Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932) / пер. с англ. Т.И. Голицыной, О.А. Несмеяновой. М., 2009.

Головина В.Н. Мемуары. М., 2005.

Дневник Елизаветы Дьяконовой // Всемирный вестник. 1905. № 8. Приложение. С. 1–184.

Драке Л.Л. Кадетский быт 50-х годов (отрывочные воспоминания). СПб., 1911.

Духовская В.[Ф]. Из моих воспоминаний. Ч. 1–2. СПб., 1900.

Из воспоминаний Н.А. Малевского-Малевица // Русский архив. 1908. Кн. 2. № 5–8.

Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. М., 2001.

Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М., 1986.

Лебедев Д.Н. Пройденное: воспоминания. Л., 1980.

Луговой А. Как росла моя вера // Вестн. Европы. 1909. Кн. 3–5.

Львова (Симонович) М.А. Хочу умереть в России: воспоминания, дневники, переписка. М., 2010.

Муромцева-Бунина В. Жизнь Бунина (1870–1906 гг.) / Записки очевидца. Воспоминания, дневники. М., 1991.

Пименова Э.К. Дни минувшие. М.-Л., 1929.

Пресняков Александр Евгеньевич. Дневники, письма. 1889–1927. СПб., 2005.

Скабичевский А.М. Литературные воспоминания. М.-Л., 1928.

Сухотина-Толстая Т.Л. Дневник / сост., вступ. ст. и прим. Т.Н. Волковой. М., 1987.

Юнге Е. Из моих воспоминаний 1843–1860 гг. // Вестн. Европы. 1905. № 5.

Учебники, лекции, руководства и методические пособия

Блосфельдт Г. Российское дворянство. Узаконения и разъяснения 1901–1910 гг. СПб., 1910.

Водовозова Е.Н. Умственное и нравственное развитие детей от первого проявления сознания до школьного возраста: Кн. для воспитателей. СПб., 1891.

Гернет А.О. Законодательство о приобретении дворянского достоинства Российской Империи. СПб., 1898.

Давыдова Е.[С]. Уход за ребенком. По сочинениям проф. С. Бидерта, Гоксингера и др. 4-е бесплатное приложение к журналу «Хозяйка». СПб., 1902.

Кормилицы и сифилис. Из лекции профессора Fournier. Перевод д-ра Н. Константинова (из журнала «Международная клиника»). СПб., 1887.

Лесгилье А. Руководство для русских гувернеров и гувернанток. На русском, немецком и французском языках. Необходимая настольная книга для каждого семейства, с прибавлением законов, относящихся к нравам и пенсиям лиц, посвятивших себя воспитанию и образованию детей в России. СПб., 1870.

Мейер Д.И. Русское гражданское право, с исправлениями и дополнениями А.Х. Гольмстена. СПб., 1914.

Синайский В.И. Русское гражданское право. Вып. 2. Киев, 1915.

Уход за грудными детьми. Рига, 1913.

[Чабан Е.Н.]. Программа среднего учебного заведения с курсом мужской гимназии для детей обоего пола. [Пг., б.г.].

Школа Е.С. Левицкой в Царском Селе. Программа для поступающих. СПб., 1903.

Публицистика

Абрамов Я.В. Узаконение внебрачных детей и усыновление. СПб., 1903.

Браун Л. Женский вопрос, его экономическое развитие и его экономическая сторона. М., 1902.

Буа Ж. Женщина будущего. Киев, 1897.

Ветухов А.[В]. О взаимном доверии и взаимопомощи семьи и школы (Произнесено на акте в Харьковском коммерческом училище императора Александра III 24 октября 1904 г.). Харьков, 1905.

Галеновский П.А. Воспитание юношества в прошлом. Исторический очерк педагогических средств при воспитании в военно-учебных заведениях (в период 1700–1856 гг.). СПб., 1904.

Горчаков М. О тайне супружества. Происхождение. Историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриарха Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей книги. СПб., 1880.

Гуревич И. Родители и дети. СПб., 1896.

Гурьев П.С. Очерк истории Императорского Гатчинского Сиротского института. СПб., 1854.

Жизнь в свете, дома и при дворе. Репринтное воспроизв. изд. 1890 г. М., 1990.

Жук В.Н. Козье молоко для детей и больных. Коза-кормилица. СПб., 1909.

Зинченко Н. Женское образование в России. Исторический очерк. СПб., 1901.

Императорский Гатчинский Николаевский Сиротский Институт. Краткий очерк его современного состояния. СПб., 1896.

Кони А.Ф. Судебные речи. 1868–1888. СПб., 1897.

Лазаревич И. Внимание к детям и матерям. Харьков, 1869.

Лайминг В.Н. Коза в роли непосредственной кормилицы моего грудного ребенка. Орел, 1911.

Мартынов Н. Узаконение и усыновление детей. СПб., 1902.

Мать-кормилица (Библиотека «Самопомощи»). СПб., 1901.

Никонов Б.П. Спор о ребенке. СПб., 1911.

Павлов Н.Г. Столетие существования Гатчинского Сиротского Института Императора Николая I (1803–1903 г.). Исторический очерк. СПб., 1903.

Пирогов Н.И. Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9. С. 559–597.

Писарев С.Н. Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, приносимых на высочайшее имя. 1810–1910. Исторический очерк. СПб., 1909.

Половое воспитание. Сб. статей учителей, родителей и воспитателей. М., 1913.

Попов Н.А. Хозяева и прислуга. СПб., 1907.

Рейн Г.Е. Родовспоможение в России. Сборник докладов на IX Пироговском съезде. СПб., 1906. С. 3–28.

Розанов В.В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2004.

Сюзор Г.П. Ко дню LXXV юбилея Училища правоведения. 1835–1910 гг.: исторический очерк. СПб., 1910.

Цеткин К. Интеллигентный пролетариат, женский вопрос и социализм. Одесса, 1905.

Чарская Л.А. Ради семьи: повесть для юношества. М., 1914.

Школа нянь. СПб., 1896.

Шлезвиг-Экштейн Т. Женщина к началу XX века. СПб., 1905.

Шматков К.Н. Узаконение и усыновление детей. СПб., 1894 (СПб., 1903).

II. Литература

Монографии и научные статьи

Абрамов Е.П. История Александровского кадетского корпуса для малолетних в Царском Селе. СПб., 2012.

Анненкова Э.А. Императорское училище правоведения // Пространство и время. 2013. № 1. С. 216–222.

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург, 1999.

Беленцов С.И. Педагогические факторы общественной нестабильности и юношеского радикализма в России во второй половине XIX – начале XX веков. Курск, 2005.

Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Антропология женской дворянской повседневности в России XVIII – середины XIX в. СПб., 2009.

Беляков В.В. Сиротские детские учреждения России: исторический очерк. М., 1993.

Веретенко В.А. Дворяне ли, личные дворяне? (Из практики одной «высочайше организованной Комиссии») // Герценовские чтения 2004. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2004. С. 49–52.

Веретенко В.А. Дворянские семьи второй половины XIX – начала XX вв. в поисках «монаршей милости» (по материалам Канцелярии его императорского величества по принятию прошений) // Вестн. молодых ученых (Сер.: Исторические науки). 2004. № 2. С. 32–43.

Веретенко В.А. «Дело невозможное и несогласное с нравственностью» (об узаконении и усыновлении детей дворянами в России во второй половине XIX – начале XX вв.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2005. № 9. С. 64–118.

Веретенко В.А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2009.

Веретенко В.А. Женщины в русских университетах (вторая половина XIX – начало XX вв.). СПб., 2004.

Веретенко В.А. Подготовка дворянок к хозяйственной деятельности в семье в России второй половины XIX – начала XX вв. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. История. № 4. С. 62–75.

Веретенко В.А. Проблемы среднего совместного образования в России (школа Е.С. Левицкой в Царском Селе) // 300 лет Царскому селу. Сб. научных статей / отв. ред. В.А. Веретенко. СПб., 2010. С. 63–67.

Веретенко В.А. Религиозное воспитание детей в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. // Петерб. ист. журн. 2015. № 2. С. 100–116.

Веретенко В.А. Российское «Общество распространения между образованными женщинами практических знаний (конец XIX – начало XX вв.)» // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань: в 2-х т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, О.Д. Попова. М., 2014. Т. 2. С. 488–492.

Веретенко В.А. Уход за детьми раннего возраста в дворянских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. История. № 3. С. 18–31.

Веретенко В.А., Тропов И.А. Реформы и микросоциальные процессы в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Социально-экономическая и политическая модернизация в России. XIX–XX вв. Сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Кочетков. СПб., 2001. С. 55–63.

Володина Л.О. Ценностные ориентации дворянской семьи конца XIX – начала XX века в сфере духовно-нравственного воспитания детей (на материалах Вологодской губернии) // Дети и молодежь – будущее России. 2004. № 1(1). С. 257–263.

Высоцкий С.А. Кони. М., 1988.

Ганелин Ш.И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. М., 1950.

Данченко В.Г., Калашников Г.В. Кадетский корпус. Школа русской военной элиты. М., 2007.

Днепров Э.Д. Советская историография дореволюционной отечественной школы и педагогики (1918–1977). М., 1981.

Захарова О.Ю. История русских балов. М., 1998.

Зиновьева Л.Е. Барышня в униформе: форменный костюм и дисциплинарные практики в институтах благородных девиц в России XVIII–XIX веков // АНТРО. 2012. № 2. С. 5–16.

Касиев А.У. Особенности и пути деятельности общественных и других организаций по предупреждению и борьбе с детской преступностью, беспризорностью и безнадзорностью в пореформенный период // История государства и права. 2003. № 3. С. 44–47.

Колесникова А.В. Бал в России. XVIII – начало XX века. СПб., 2005.

Кон И.С. Ребенок и общество (Историко-этнографическая перспектива). М., 1988.

Кон И.С. Детство как социальный феномен // Журн. исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 151–174.

Константинов Н.А. Очерки истории средней школы (гимназии, реальные училища) в конце XIX в. до Февральской революции 1917 г. М., 1947.

Красникова Ю.Н. Развитие кормленчества в XIX в.: причины и специфика // Женщина и мужчина в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИРЭ РАН, 4–7 окт. 2012 г., Тверь. – М., 2012. Т. 2. С. 28–31.

Кузнецов В.Д. Деятельность русской православной церкви по религиозному воспитанию учащихся классических гимназий и военно-учебных заведений накануне первой русской революции // Клио. 2011. № 5. С. 65–71.

Лещенко В.Ю. Русская семья (XI–XIX вв.). СПб., 2004.

Ляровский А.Б. Самоубийства учащихся как феномен социализации в России на рубеже XIX–XX веков / под ред. С.Э. Никулина; предисл. Н.Б. Лебиной. СПб., 2010.

Максимович Е.А. Проституция в Петербурге во второй половине XIX – начале XX вв. // Модернизация в России: история, политика, образование: материалы Всерос. науч. конф., СПб., 5 апр. 2011 г. Вып. 4 / отв. ред. В.А. Веремченко. СПб., 2011. С. 57–62.

Марасанова В.М., Албегова И.Ф., Шаматонова Г.Л. Женщины и образование в конце XVIII – начале XX в. (на примере Ярославской губернии) // Женщина в российском обществе. 2011. № 1. С. 44–54.

Мартианова И.Ю. Мать или светская дама? (Материнство в XVIII – первой половине XIX в.) // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 17–24.

Мартианова И.Ю. Место национального самосознания в повседневной жизни детей российских дворян по воспоминаниям XIX – начала XX вв. // Изв. Рос. гос. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 114. С. 59–65.

Мид М. Культура и мир детства: Избр. произведения. М., 1988.

Мицюк Н.А. История материнства в России на страницах зарубежной (англоязычной) историографии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 4 (75). С. 162–177.

Мицюк Н.А. Конструируя «идеальную мать»: концепции материнства в российском обществе начала XX в. // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 1. С. 21–32.

Мицюк Н.А. «Образование не для одной только гостинной». Феномен провинциальных женских пансионов // Женщина в российском обществе. 2012. № 2. С. 3–10.

Мицюк Н.А. Тандем «сознательной матери» и врача: зарождение педиатрического патронажа над грудными детьми в России на рубеже XIX–XX вв. // Женщины в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 90–104.

Мицюк Н.А. Типы российских дворянок начала XX в. по отношению к собственной фертильности и материнству // Женщина в российском обществе. 2014. № 2. С. 17–28.

Мишутинская О.В. Исторический опыт призрения детей-сирот в России // История государства и права. 2006. № 4. С. 13–15.

Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. СПб., 2001.

Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2012.

Нечаева А.М. Охрана детей-сирот в России: история и современность. М., 1994.

Нижник Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006.

Нижник Н.С., Бурданова Н.А. Личные неимущественные родительские права и обязанности: направления эволюции института в российской правовой системе в IX–XX веках // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2014. № 2(62). С. 236–242.

Оклянский Ю.М. Шумное захолустье. Из жизни двух писателей. М., 1997.

Орлова В.Д. Повседневная жизнь воспитанниц институтов благородных девиц во второй половине XIX – начале XX в. // Молодежь и социум. 2012. № 2. С. 38–40.

Осорица М.В. О некоторых традиционных формах коммуникативного поведения детей // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.

Ососков А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). М., 1982.

Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. М., 1988.

Паперно И. Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.

Поликутина Н.В. Взаимодействие семьи и школы как общественно-политический феномен в России второй половины XIX – начала XX вв. СПб., 2009.

Пономарева В.В. Программа социализации воспитанниц в женских институтах Мариинского ведомства (конец XIX – начало XX в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2013. № 5. С. 12–26.

Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: воспитание, образование, судьба. XVIII – начало XX века. 2-е изд. М., 2008.

Пушкарёва Н.Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2008.

Пушкарёва Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47–59.

Пушкарёва Н.Л. Материнство как социально-исторический феномен (обзор зарубежных исследований по истории европейского материнства) // Женщина в российском обществе. 2000. № 1. С. 9–24.

Пушкарёва Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002.

Пушкарёва Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3–16.

Репина Л.П. От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 19. Специальный выпуск: Индивид, общество, власть в контексте гендерной истории. М., 2007. С. 5–27.

Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.

Рыжикова С.В. Родильная обрядность: от повитухи к домашней акушерке // Пол. Политика. Поликультурность. Гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., Рязань: в 2-х т. / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, О.Д. Попова. М., 2014. Т. 1. С. 129–131.

Сальникова А.А. Российское детство в XX веке. История, теория и практика исследования. Казань, 2007.

Самарцева Е.Ю. Воспитание дворянских детей в элитарных учебных заведениях в России в XIX веке // Альманах современной науки и образования. 2010. № 2. С. 109–110.

Самарцева Е.Ю. Привилегированные образовательные учреждения Смоленской губернии XIX – начала XX в. // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 2. С. 108–114.

Синова И.В. Воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних на рубеже XIX–XX вв. // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 1. С. 55–60.

Синова И.В. Дети в городском российском социуме во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы социализации, девиантности и жестокого обращения. СПб., 2014.

Синова И.В. «Если вы хотите спасти человечество – начинайте с детей» // Родина. 2013. № 2. С. 118–122.

Синова И.В. Материнство на рубеже XIX–XX веков // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы Междунар. науч. конф., 14–16 марта 2012 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Верemenко. СПб., 2012. С. 126–131.

Синова И.В. Российское общество и дети на рубеже XIX–XX вв. // Клио. 1998. № 2. С. 64–70.

Синова И.В. Самоубийства детей как социальная проблема на рубеже XIX–XX веков // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. История. № 4. С. 47–56.

Слепенкова Е.А. Из истории женского среднего образования в России // Педагогика. 2000. № 9. С. 74–78.

Смирнов В.З. О мерах поддержания дисциплины учащихся гимназий и прогимназий // Сов. педагогика. 1946. № 8–9. С. 7–10.

Солдатова И.А. Развитие школы нянь в России в конце XIX – начале XX в. // Модернизация в России: история, политика, образование: материалы Всерос. науч. конф. СПб., 21 мая 2013 г. Вып. 5. / отв. ред. В.В. Карпова. СПб., 2013. С. 97–102.

Солодянкина О.Ю. Гигиенические практики и физические упражнения детей российских дворян: воздействие иностранных воспитателей // Повседневная жизнь и общественное сознание в России XIX–XX вв.: материалы междунар. науч. конф. 14–16 марта 2012 г. / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Верemenко. СПб., 2012. С. 170–175.

Солодянкина О.Ю. Иностранная гувернантка и гувернер: сравнительные аспекты // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2005. № 10. С. 74–99.

Тишкин Г.А. Женский вопрос в России 50–60-е годы XIX в. Л., 1984.

Ульянова Г.Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII – начало XX вв.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17–32.

Фролова И.В. Особенности призрения девочек католического вероисповедания в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем: Материалы Седьмой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 9–12 октября 2014 г., г. Рязань / отв. ред. Н.Л. Пушкарёва, О.Д. Попова. Т. 1. М., 2014. С. 475–478.

Фролова И.В. Призрение детей и подростков в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: обзор постсоветской историогра-

фии // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Т. 4. История. 2013. № 3. С. 83–91.

Шевнина Л.В. Патронат над преступными детьми в России в конце XIX – начале XX вв. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Т. 4. 2010. № 2. С. 152–162.

Шевнина Л.В. Исправительно-воспитательный приют для девочек имени императора Александра III // Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII – начале XXI вв.: материалы Всерос. науч. конф., 27–29 ноября 2012 г., Санкт-Петербург / отв. ред. И.А. Тропов. СПб., 2012. С. 122–128.

Шумихин С. У меня свои вкусы, ощущения и судьба: В.А. Свительский по воспоминаниям М.М. Мелентьева и другим материалам // Наше наследие. Историко-культурный журнал. 2002. № 61. С. 79–88.

Щербинин П.П. Детская повседневность в европейских государствах в период Первой мировой войны // Малолетние подданные большой империи: Филипп Ариес и история детства в России (XVIII – начало XX века). Сб. ст. М., 2012. С. 197–210.

Щербинин П.П. Повседневная жизнь девочек в России в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Сб. ст. / отв. ред. и сост. Н.Л. Пушкарева. М., 2013. С. 117–154.

Щербинин П.П. Дети-сироты и их призрение в период войн России начала XX в. // Вестн. Тамбовского гос. ун-та. 2013. Вып. 9 (125). С. 334–341.

Щербинин П.П. Источники и методология изучения детской повседневности периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы междунар. науч. конф., 14–16 марта 2014 г. / под общ. ред. В.Н. Скворцова; отв. ред. В.А. Верemenko. СПб., 2014. С. 19–23.

Экштут С. Французская горизонталка, или сексуальная революция, которую мы не заметили // Родина. 2007. № 2. С. 100–106.

Энгельштейн Л. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М., 1996.

Энгелстейн (Энгельштейн) Л. Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 249–301.

Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007.

Kelly J. Women, History and Theory. Chicago, 1984.

Okenfuss M. The discovery of Childhood in Russia: the evidence of Slavic primer. Newtonville, 1980.

O'Reilly A. From Motherhood to Mothering. New York, 2004.

Ransel D. Mothers of Misery: Child Abandonment in Russia. Princeton, 1988

Roberts E.A. Woman's Place: an Oral History of Working Class Women, 1890-1940. Oxford, 1984.

The History of Childhood / ed. L. De Mause. New York, 1974.

Wood E. The baba and comrade: gender and politics in revolution Russia. Indiana university press, 1997.

Диссертации

Белова А.В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середина XIX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009.

Виккел О.Л. Семья Ивашевых в контексте русской дворянской культуры конца XVIII–XIX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.

Зайцева С.В. Деятельность государства и общества в области организации призрения незаконнорожденных детей в России во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Санкт-Петербургской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

Курант Н.Б. Воспоминания детства в русской дворянской мемуарной культуре конца XIX – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.

Мартанова И.Ю. Повседневная жизнь детей российских дворян по мемуарам современников XVIII – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2010.

Оноприенко И.Г. Быт провинциального дворянства: традиции и новации в 50–90-е гг. XIX века (на примере Центрального Черноземья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.

Рыболова Е.А. История женских гимназий России во второй половине XIX – начале XX века (По материалам Моск. учеб. округа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

Смахтина М.В. Русское поместное дворянство в XIX в.: эволюция этических норм, представлений и практики в социальной и экономической сферах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

Тарова И.Н. Становление и развитие системы эстетического воспитания в отечественных лицеях XIX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2004.

Федосеев Р.В. Дворянское хозяйство Пензенской губернии во второй половине XIX – начале XX века: от поместья к экономии: автореф. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007.

Научное издание

Валентина Александровна Верременко

**Дети в дворянских семьях России
(вторая половина XIX – начало XX в.)**

Монография

Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 23.09.2015. Формат 60х84 1/16.

Гарнитура Arial. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 12,75. Тираж 500 экз. Заказ № 1176

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10